

Владимир Шкаликов

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Сказочно правдивое повествование
для детей и всех прочих

*Война.
Герои убивают героев.
Негодяи убивают негодяев.
И ничего другого
на войне
быть
не может.*

1. Где папа?

Мальчику было восемь лет, и звали его - Малюня. Настоящее имя было тоже, но вся семья привыкла к этому и почти забыла, как его зовут на самом деле. Ещё когда родился, беленький, кудрявый и с голубыми глазами, сразу как-то стали называть Малюней. К восьми годам он и сам своё имя не вспоминал.

К тому же знакомиться было не с кем, поэтому называть себя никому не приходилось. Жили они вчетвером на краю леса, недалеко от того места, где ручей выбегал из озера и впадал в речку, и за полями и за болотом на целый день ходу не было никакого жилья.

Может быть, жилья не было и дальше, но дальше одного дня из дому никто не отлучался.

Кроме папы.

Малюня спрашивал у мамы: "Где папа?"

Мама отвечала, уклончиво: "Когда-нибудь вернётся".

Малюня спрашивал у бабушки: "Где папа?"

Бабушка отвечала немного точнее: "Далеко. Отсюда не видать".

Малюня спрашивал у деда: "Где папа?"

Дед отвечал очень точно: "На войне".

Но где находится эта война и что там делает папа, никто Малюне отвечать не хотел.

Мама говорила: "Живой бы остался".

Бабушка говорила: "Суета".

Дед сказал: "Кончатъ это надо, да некому. А мне - недосуг".

Так и вышло, что восьмилетний Малюня, почти взрослый, только не очень рослый человек, ничего определённого не знал о своём отце.

2. Фантазёр.

В восемь лет человек может бесспорно считаться почти взрослым, если он:

во-первых, знает все слова родного языка;

во-вторых, запросто считает хотя бы до восьмидесяти;

в-третьих, бегаёт быстрее мамы и не хуже деда, если маме 25 лет, а деду - пятьдесят;

в-четвертых, может поймать рыбу удочкой и зайца петлёй, найти съедобный гриб, вырастить на огороде овощ, развести огонь, из всех названных продуктов приготовить обед;

в-пятых, может не заблудиться в лесу, в поле, на болоте;

в-шестых, может переплыть речку шириной в 80 шагов, а обратно пригнать на вёслах дедову лодку;

в-остальных, может постирать бельё (гладить не обязательно, но лучше тоже уметь), зашить дыру (штопать не обязательно, но заплатку поставить изволь), отпилить доску, забить гвоздь, наточить нож, защититься от комаров, отличить ужа от гадюки, подоить козу (можно попробовать и корову, но это труднее), удержаться верхом на смирной лошади, проиграть деду в шахматы хотя бы на 20-м ходу и ещё кое-что по мелочам вроде умения терпеть боль, жару и холод, жажду и голод, не жаловаться, не обижаться, не злиться, не спешить, не лениться, не считать себя самым умным и не мучить кота.

Малюня считал себя взрослым по всем этим требованиям. Семья не возражала, но с одной оговоркой: взрослому человеку можно рассказывать небылицы, но не стоит выдавать их за правду. То есть, проще говоря, ни мама, ни бабушка, ни даже дед не верили ни одному слову о кунгах.

Мама говорила: "Когда ты повзрослеешь?"

Бабушка говорила: "Фантазер ты мой маленький".

Дед говорил: "Покажешь - поверю".

А как их покажешь, если их почти не видно?! Они прозрачны, будто сделаны из воды, и передвигаются очень быстро, и запросто впитываются в стены и выходят из них, и в стене они

бегают так же легко, как по комнате.

- Ну вон же он, кунг, смотри, дед! А вон его кунга!

Дед честно всматривался, потом говорил: "То ли у меня зрение хуже, то ли у тебя, в самом деле, фантазия лучше... Не вижу, внук."

- Ну вон же, - горячился Малюня, - смотри, кот бегает, как сумасшедший, хочет кунга сбросить, а он держится за шею! Не видишь?!

- Нет, внук, не вижу.

- Не морочь деду голову, - вмешивалась мама. И выгнала кота во двор, чтобы успокоился. Кунг у самой двери соскакивал и скрывался в стене, а всеми обиженный кот забирался на крышу и сердито выл в печную трубу, пока бабушка не приглашала его обедать.

Этот кот был очень умён. Он отзывался на несколько имён: маме - Дивуар, бабушке - Котя, деду - Эйты, Малюне - Кузя. Но терпеть не мог, если Малюня шептал: "Кунги пришли!" Шерсть на нём сразу растопыривалась, а глаза злели и начинали вращаться. Чтобы доказать родственникам, что кунги существуют, Малюня каждому из них предлагал шепнуть Кузе: "Кунги!" и посмотреть, как он оцетинится. Но умный Кузя верил одному Малюне: ему шептали, а он делал вид, что не слышит.

3. Сны с кунгами.

Малюня познакомился с кунгами во сне. Вернее, чуть-чуть раньше, перед самым сном, а потом уже во сне.

Дело было однажды зимой. Он набегался по лесу, ознобился и, едва снявши лыжи, начал кашлять. Дед бросил плести корзину, мама оставила шитьё, бабушка оторвалась от печи - все вместе осмотрели ребёнка, обслушали, обстучали, посадили греть ноги в горячей воде, натёрли спину и грудь мёдом, напоили чаем с травами и уложили на печь под тулуп, чтобы пропотел.

- Расскажите сказку, - Малюня просил без надежды, потому что была ещё не ночь, время для работы, а не для сказок. Ему и отказали. Попросили подождать, пока семья управится с дневными делами.

Малюня ныть не стал, но надулся под тулупом: могли бы и пожалеть больного человека.

И тут он услышал, как кто-то тихо сказал совсем рядом, будто выдохнул: "Да ты не дуйся, голубок. Тебе какую сказку - смешную или страшную?"

"Ой, кто это?" - подумал Малюня. И тут же получил ответ:

- Да мы тут живём вместе с вами. Никому не мешаем, в стенках обретаемся, святым духом питаемся".

Малюня знал от бабушки: "питаться святым духом" - это в простоте означает - ходить голодным. Но интересно, кто же это может так всерьёз жить в стене и ничего не есть...

"Да нет, мы едим, - отвечал голос. - Я же говорю - святым духом. Хочешь попробовать?"

"Не хочу, - подумал Малюня. - После малинового варенья ничего не понравится".

"Это верно, - согласился голос. - Но когда захочешь, скажи... Так какую тебе сказку?"

"Я, наверно, заснул", - подумал Малюня.

"Да нет, ты ещё только начинаешь засыпать".

"Почему же я ничего не вижу?"

"Ты хотел сказать - никого? Присмотрись. Я прямо перед тобой. Сижу на рукаве тулупа. Узрел?"

"Вроде да", - подумал Малюня.

"Проверим. Ну-ка, что я делаю сейчас?"

"Вроде улыбаешься. И качаешь головой".

"Хорошо. А во что я одет?"

"Вроде в шубу... Нет... Комбинезон, мехом наружу".

"Молодец, почти разглядел. Это просто мех на мне растёт, как на твоём коте. Ну, а каков я из себя?"

"Вроде как человек. Только прозрачный".

"А ростом?"

"Н-ну... Как моя ладонь".

"Всё! Верю, что видишь. А вот кто я, тебе не угадать".

"Почему же? Я знаю, ты - домовый".

"Нет, нет и нет. Домовые - это выдумка, между прочим, наша. Для неграмотных. Но ты - человек образованный, тебе можно всю правду. Мы - кунги."

"Домовые себя кунгами называют", - подумал Малюня. Он не хотел, чтобы человеку стала известна эта его мысль, но тот, конечно, услышал и возразил: "Ничего подобного. Говорю тебе, мы сами выдумали, домовых. Это было очень давно. Так давно, что никто ещё не умел ни писать, ни считать. Вообще не было никакой науки. Можно было врать что угодно, люди всему верили. Приснишься ему, скажешь: "Я домовый, я охраняю твой дом, а если будешь плохо себя вести, лошадь и корову защекочу. И детей малых так напутаю, что зайками станут". Он и ведёт себя прилично: в избе чисто, тепло, детки сыты, скотина ухожена, у кошки молоко в блюдечке, будто бы для домового... А

как наука появилась, люди стали страх терять. А где нет страха, там нет стыда. А без стыда человек хуже зверя".

"И ты можешь корову зашекотать?" - Малюня не поверил.

"И корову, и коня, и собаку, и кота. И тебя могу. Хочешь?"

"Хочу".

Прозрачный человечек оказался вдруг перед самым лицом Малюни и согнутым мохнатым пальчиком провёл у него под носом. Малюня чихнул и засмеялся.

- Укройся! - велела мама, не отрываясь от шитья.

" Поверил?" - спросил кунг, снова сидя на рукаве тулупа.

"Конечно, - подумал Малюня, - не хочешь, да поверишь. А взять тебя можно?"

"Можно. Если я захочу. Но мы этого не любим и никогда никому не позволяем".

"Из чего же вы сделаны?"

"Из души. Каждый кунг - из множества душ. Все твои родственники, которые давно умерли, соединились во мне. А все родственницы - в моей кунге. Она сегодня прийти не может, дела у нее".

"Значит, - подумал Малюня, - когда мой дед умрёт..."

"Правильно, - подхватил кунг. - Умный мальчик. Когда твой дед умрёт, он на самом деле не умрёт. Старое тело заруют в землю, а он... Если у вас родится ещё малыш, дед может вселиться в него. А может и в тебя. Но если ему больше не захочется жить в теле, он соединится со мной. Каждый кунг живёт в своей семье. Он её охраняет, помогает, советы даёт во сне. Мы ведь, знаешь, какие умные".

Малюня представил, сколько жизней в одном кунге, и согласился, что, конечно, он должен быть очень умён.

"А вы всем снится?" - спросил Малюня.

"Да что ты! Нет, конечно. Только детям. Мы их обучаем и воспитываем. Когда опыта наберёшься, я сделаю так, чтобы ты стал считать меня выдумкой".

"Зачем?"

"Чтобы сам набирался ума, а не надеялся на чужой. Иногда буду подсказывать - и хватит с тебя. Иначе род наш заглохнет".

"Как это заглохнет?"

"Ладно, - сказал кунг. - Много будешь знать - скоро состаришься. А тебе ещё сказку надо. Так какую, спрашиваю в последний рад: смешную или страшную?"

Малюня слегка задумался, и кунг сразу понял, что страшную сказку, хоть дети и любят страшное, Малюне сегодня не хочется: и так натерпелся страхов в лесу, когда удирал от рыси - хорошо ещё, что заметил её на ветке издалека, да снег был глубокий, не могла зверюга бежать быстро.

"Ладно, - сказал кунг, - вот тебе смешная".

И рассказал сказку про девочку, от которой убежала шапка.

Досматривал Малюня эту сказку уже во сне, а кунг тем временем незаметно удалился.

Так и пошло. Малюня стал послушным и опрятным, много помогал всем по хозяйству и без всякого скандала соглашался по ночам, что пора спать. И не требовал больше, чтобы обязательно рассказали сказку.

- Что-то он потерял интерес к сказкам, - сказала однажды мама.

- Вот и я смотрю, - сказала бабушка. - Не болен ли? Это всё после той простуды .

- Просто взрослеет, - возразил дед. Он думал, что это из-за рыси: Малюня ему об этой встрече рассказал, но женщинам, конечно, такое знать не полагается.

А Малюня подслушивал с печки их разговор, потому что не спал. Подслушивал и думал: "Если кунга обижу, придётся опять у семьи сказки просить". А кунг, тут как тут, отвечал ему: "Это уж точно. Кто сегодня кота в лужу бросил?". Малюня об этом разговаривать не хотел, потому что самому было стыдно. Кунг подслушал и похвалил: "Это хорошо, что стыдно. Будешь человеком". Малюня совсем застенялся и спросил: "А как тебя зовут? Просто Кунг?" "Да, просто Кунг". "Потому что в тебе много имён?" "Да, поэтому". "Но как же кунги из разных семей называют друг друга? По фамилиям? Ведь и фамилий много одинаковых". "Нет, не по фамилиям. По характерам. И не называют, а отличают. Нам друг друга называть не надо. Мы ведь между собой так, как вы, не разговариваем. Мы все - мысль едина. Мы только посмотрим - и уже всё ЗНАЕМ. Говори, какую сказку сегодня: про Чёрную Дыру или про Полтора Гостя?"

4. Где война?

Когда Малюня наконец дознался, что папа на войне, он, конечно, сразу спросил о ней кунга. У кунга встала дыбом шерсть.

- У-у-у, вот ты куда собрался...

- Никуда я не собрался. Я просто хочу знать: где эта война? И какая она, что там делают? Это такая работа, верно?

- Да ясно, ясно, - Малюне показалось, что кунг стал очень озабоченным. Он почесал себе правую

ногу, потом левую, потом поскрёб затылок и макушку, и Малюня удивился, как это у такого бестелесного может что-то чесаться. У самого Малюни кожа чесалась только когда он замерзал, но не может же кунг мёрзнуть. А кунг тем временем что-то обдумал и сообщил: - Надо мне с кунгой посоветоваться. Подожди, не засыпай.

И впитался в припечный столб.

Малюня подождал его, подождал и не заметил, как заснул. А может быть, это кунги напустили сон, чтоб не мешал совещаться.

Под утро приснилось ему про пулемёшку. Оказалось, что есть такое ружьё с коробкой, а в коробке лента, а в ленте патроны, как у деда в ружье, только острые. И стреляет не по одному, а много раз подряд и очень быстро. И охотятся с ним не на рысь, не на уток, а на людей. Малюне приснилось, что один такой пулемёт отказался стрелять в людей. Но люди всю равно убивали друг друга, а пулемёшку разобрали на части.

Сон был страшный, Малюня в нём мало что понял и уже начал просыпаться, как явился кунг и спросил: "Ну, как тебе сон?" "А, так это была сказка!" - догадался Малюня. "Не совсем, голубок. ВСЁ, ЧТО МЫ МОЖЕМ ПРИДУМАТЬ, БЫВАЕТ И НА САМОМ ДЕЛЕ. Просто не всё можно увидеть. Вот, допустим, пулемёты. Их много, самых разных. И людей из них убивают. Значит, хоть один-то пулемёт может отказаться?" "А зачем люди убивают людей? - спросил Малюня. - Неужели едят?" "Нет, не едят". "Так зачем же убивают?" "Это очень долго объяснять, - кунг печально вздохнул. - Но это и есть война". "И мой папа стреляет в людей из пулемёта?!" "Не обязательно из пулемёта, - кунг отвечал спокойно и грустно. - Есть оружие и пострашнее. Пулемёт только дырок наделает, а пушка может развалить весь наш дом. А ракета может погубить целый город. Но твой папа, может быть, вообще не стреляет - на войне есть и такие люди". "Но в него-то стреляют всё равно?!" "Да". "И могут убить? Как зайца? Как рыбу? Как утку?" "Могут". "Куда потом денут?" "В землю заруют".

- Не хочу-у-у! - завопил Малюня и проснулся окончательно.

5. Побег.

- С ребёнком нелады, - сказал тревожно дед.

- И не ест совсем, - подтвердила бабушка.

- Надо везти в город и показать врачам, - предложила мама.

- Там всё ещё война, - возразил дед. - Сами разберёмся. Эй, Малюня! Пойдём-ка во двор, поговорить надо.

Вышли во двор, сели на брёвна, заготовленные для бани. Дед похлопал по гладкому бревну.

- Что, внук, будем баньку строить?

- Я бревна не подниму, - сказал Малюня. - Папа нужен.

- Нам лошадь поможет, - сказал дед. - Ты же с ней справишься.

- Тогда можно, - согласился Малюня. - Но с папой быстрее.

- Занят он, - объяснил привычно дед. - Некогда ему.

- Ага, - сказал Малюня едко, - занят он делами. ЛЮДЕЙ УБИВАТЬ!

Дед удивился.

- Ты что, малец?! Ты что говоришь-то?

- Или его убивают, - добавил Малюня сердито.

- Ты откуда это взял?

- Оттуда, - сообщил Малюня. - Кто говорил, что он на войне?

- Ну я, - дед нахмурился.

- Вот и всё, - отрезал Малюня. - И нечего обманывать.

- Да я не обманывал, - дед смутился. - Я просто недоговорил.

- Это всё равно. Пусть папа возвращается. Ты можешь его... назад вызвать?

Дед вздохнул и помолчал.

- Не могу, внук. С войны человека не заберёшь.

- Почему?

Дед снова вздохнул и помолчал.

- С тобой, внук, стало трудно разговаривать.

- А зачем он туда пошёл? - допытывался Малюня. Дед ещё тяжелее вздохнул, даже крякнул и обнял Малюню за плечи.

- Вот вернётся, мы у него и спросим. Зачем ходил, чем занимался...

- А когда он вернётся? - продолжал пытаться Малюня.

И снова дед закряхтел, завздыхал, но ответил честно:

- Не знаю, внук.

- А где же эта война?

- Со всех сторон, - выпалил дед с досадой. И встал. И сказал спокойнее: - Ну, пошли обедать... А баньку, видно, сами сложим.

Малюня пошёл охотно, ел за обедом много и нахваливал. Даже попросил с собой краюху хлеба,

когда пошёл за коровой на лужок.

А через три дня он, как всегда, погнал корову пастись и не вернулся.

Хватились его к обеду.

Мама сбегала к корове на лужок, поискала вокруг по лесу, покричала-позвала и вернулась расстроенная: хоть и самостоятельный парень, а тревожно - ведь не сказал ничего.

Дед искал по двору, по пристройкам и в огороде. Позвал-покричал и вернулся ни с чем.

Бабушка хорошенько пошарила в доме и обнаружила, что нет Малюниной котомки, которая лежала всегда на печи и которую он брал только в лее. Котомка была крепкая и вместительная. Не найдя её, бабушка заглянула в бадьи с припасами, в лари, шкафы и коробки. Когда ни с чем вернулись мама и дед, она им доложила, что вместе с котомкой ушли из дома спички, котелок, любимая Малюнина ложка, буханка хлеба, нож и кое-что из круп. Исчез также Малюнин тулупчик, который летом годился разве что для ночёвки в лесу.

- Ясно, - сказал дед. Сел и схватился за голову.

- Что ж тебе ясно? - спросила бабушка.

- А то, что ушёл он надолго, - сказал дед. - Я говорил вам давеча, что он войной заинтересовался?

- На войну ушёл?! - закричала мама.

- За отцом, - объяснил дед.

- Но куда? - спросили вместе мама и бабушка. - В какую сторону?

- А вот этого нам не узнать, - дед снова схватился за голову. - Я же сам ему сказал, что война со всех сторон... Старый я пень...

- Надо искать! - мама вскочила.

- Сиди! - велела бабушка. - Он исчез и ты исчезнешь. Тогда мы отправимся вас искать, и пропадём все.

- И дом заглохнет, - добавил дед.

- Что же делать? - мама села и заплакала.

- Ждать, - сказал дед твердо. - Когда один уходит из семьи ПО ДЕЛУ, другие ждать его должны. И блюсти дом. Чтоб ему было куда вернуться.

- А если не вернётся? - мама всхлипнула.

- Вернётся, - сказал дед строго. - Найдёт отца и вернётся.

- А ну как не найдёт? - сказала бабушка. Дед ничего не ответил.

Но все услышали тихий, как дыхание, женский голос: "Они найдут и вернуться".

- Кто сказал? - дед поднял голову и огляделся. Никто ему не ответил.

6. Начало скитаний.

- Тебе не тяжело меня нести? - опросил кунг из сумки.

- Ты ведь ничего не вешишь, - Малюня засмеялся.

- А я и забыл! - кунг засмеялся тоже.

Они разговаривали громко, потому что вокруг был простор. Шелестела трава под ногами, шумел в деревьях ветерок, свистели и кричали птицы в поле и в лесу, журчала на перекатах речка.

Отправились они вниз по реке, чтобы всегда быть при воде.

Перед походом оба решили одинаково: "Раз война со всех сторон, значит всё равно, откуда начинать".

Уже один раз останавливались, Малюня перекусил. Он не стал ловить рыбу и даже не варил кашу. Только попил чаю с хлебной корочкой и сказал, что надо спешить за папой. Кунг не возражал, но предупредил, что поиски будут долгими, сил потребуется много.

- Ладно, - пообещал Малюня, - в следующий раз поем плотнее. А сейчас надо идти скорее и подальше, а то очень уж я скучаю по маме, по бабушке и по деду. И по коту.

- Это обязательно, - согласился кунг. - Это всегда бывает в начале пути. Вот дойдём до первой войны - там, в деле, станет полегче, скучать будет некогда.

- Интересно, далеко ли ещё?

- Я думаю, - ответил кунг, - это может быть уже вон на той горе. Видишь, где дымы.

Три дыма рядом поднимались столбами у дальней горы.

- Полдня ходу, - определил Малюня.

- К вечеру будем там, - подтвердил кунг. - На подходе обязательно поужинай.

Малюня шёл быстро, хотя и без дороги, спрямляя путь от одного поворота реки к другому. Река текла куда-то под ту гору, к которой они с кунгом направлялись. Долина реки становилась теснее, местность повышалась.

Чтоб Малюня меньше скучал, кунг до самого привала, и во время рыбалки, и за ужином рассказывал разные истории и сказки - про муравья Кру, про летучих мышей, про Верного Врага и про Камнеда.

После ужина Малюне пришлось уйти от реки, чтобы подняться на увал, поближе к той горе, где

дымили три костра. Они уже были близко.

- Будь осторожен, - советовал кунг из сумки. - Лишнего не говори. Поменьше спрашивай, побольше смотри, слушай и запоминай. Ни с кем не спорь, но делай по-своему. Если схватят, не вырывайся - потом легче будет убежать. Помни: кто спешит, тот опаздывает.

У скалистой крутой горы кустарник был вырублен, и образовалась широкая и длинная пустошь. На ней и горели три дымных жарких костра. Огонь поднимался высоко, но в него постоянно подбрасывали сырых веток - для дыма.

Вокруг костров сидело множество волосатых людей, одетых в шкуры. Сверкали зубы и глаза, звучали дикие песни. Некоторые плясали у костров, потрясая дубинами, а когда уставали, их тут же сменяли другие. Дубины были у всех.

За спинами сидящих чернела огромная пещера. Там тоже горел костёр, но совсем небольшой, только для света. Вход в пещеру охраняли четверо очень могучих дикарей с очень большими дубинами.

- Выверни тулупчик мехом наружу и надень, - посоветовал кунг, - сойдёшь за своего.

Малюня всё сделал, как ведено, и вышел из кустов. Он боялся, что все сразу обернутся и начнут спрашивать: кто таков? откуда? почему один? Но никто его даже не заметил. Мужчины ели, пели и плясали, дети путались у них под ногами, а женщины выбегали из пещеры, чтобы угостить мужчин и оттащить детей. Четыре стража не обращали на женщин внимания. Детей усаживали на каменном выступе у входа в пещеру. Он возвышался над кострами, и оттуда было всё хорошо видно. Малюня сам влез на выступ и уселся рядом с каким-то мальчишкой, одного с ним роста.

- Вон ещё наши подходят! - мальчишка указал в дальний угол пустоши. Там из кустов выходил целый отряд таких же лохматых и бородатых с дубинами. Все они были раздеты. Каждый нёс под мышкой или на плече что-то лёгкое, завернутое в шкуру.

- Ты с ними пришёл? - спросил мальчишка.

- Да, - ответил Малюня. И поскорее спросил: - Тебя как зовут?

- Бугор, - представился мальчишка гордо. - А тебя?

- А меня - Холм, - сказал Малюня.

- А что это означает?

- То же самое, что Бугор, - объяснил Малюня. - Только по-нашему.

Отряд проходил теперь прямо под ними.

- О! - сказал Бугор. - У ваших тоже секретное оружие!

- А как же! - сказал Малюня. И подумал: "Интересно, а что это у них под шкурами?"

Отряд остановился у входа в пещеру, бородачи по одному входили туда и возвращались уже одетые в свои шкуры. Значит, секретное оружие прятали в пещере.

"Зачем?" - подумал Малюня для Кунга. Тот сразу ответил:

"Чтобы не подсмотрели те люди, с которыми они воюют. Те, другие называются врагами, а те, кого они пришлют подсматривать, называются - шпионы. Вражеские шпионы". "А что, бывают шпионы и не вражеские?" "Нет, не бывают, - кунг засмеялся. - Но так говорят. Кстати, своих шпионов, которых посылают подсматривать за врагами, называют разведчиками. И выходит так, будто разведчик лучше шпиона".

Тут вмешался Бугор, который, конечно, их не слышал:

- У вас такой же праздник?

- Такой же, - ответил Малюня и сразу спросил: - А почему война - праздник?

- А как же!? - Бугор поглядел на Малюню с удивлением. Малюня понял, что сказал лишнее.

Сейчас этот дикарёнок закричит, что проник вражеский шпион. Малюня не успел спросить у кунга, что делают со шпионами, но всей кожей почувствовал, что живым не отпустят. От страха голова заработала вовсю, и он быстро сказал:

- Хе! У нас-то все это знают! Нам объясняли. А вам?

- А как же, - повторил Бугор уже спокойно. - И нам объясняли...

- Ну, и как же вам объясняли? - Малюня будто бы не поверил.

- Всё правильно объясняли, - сообщил гордо Бугор. - Во-первых, убьём у них всех охотников. Тогда все звери будут наши. Во-вторых, без охотников их женщины и дети не проживут. Поэтому сами пойдут с нами. Женщины будут работать с нашими, значит охотникам будет лучше и веселее. А из их детей вырастут наши охотники. И так мы захватим всю-всю-всю землю, до самого моря. И будем жить хорошо. Ну, как?

- У нас точно так же, - сказал Малюня. - А название секретному оружию у вас придумали?

- Тише ты! - шикнул Бугор. Приник к его уху и зашептал: - Конечно, придумали. Только сначала скажи, как у вас. Малюня приник к его уху и прошептал:

- Пулемет.

- Здорово как! - восхитился Бугор. - У нас тоже ничего, но похуже... Лук со стрелами.

Малюня чуть не расхохотался, потому что вспомнил было свой небольшой лук, с которым пытался охотиться на уток. Однако сразу же вспомнился дедов серьёзный самострел, который нас-

тораживали на лося, и стало не до смеха.

- Всё равно, как называть, - сказал Малюня важно. - Лишь бы стрела насквозь пробивала.

- Это верно, - согласился Бугор.

А Малюня тем временем думал для кунга: "Они, пожалуй, и в самом деле перебьют всех. Не добрались бы до нашего дома". "Не доберутся, - успокоил кунг. - Туда им пути нет". "Здесь нет моего папы?" - подумал Малюня. "Уходить надо, - согласился кунг. - А то ещё воина из тебя начнут делать. Хочешь быть воином, голубок?" "А что такое воин?" "Тот, кто воюет. Боец, солдат, рейнджер. В общем, убийца людей". "Нет, - подумал Малюня. - Я ж зайца-то не убивал, сели голоден не был. Даже рыбу... Нет уж". "Тогда давай уходить".

- Дети! В пещеру! - позвала снизу одна из женщин. - Кушать!

- Скорее! - Бугор вскочил. - А то все места займут! И, не дожидаясь Малюни, бросился к пещере.

"Есть охота", - подумал Малюня.

"Ты же ел недавно", - напомнил кунг.

"Я расту, - объяснял Малюня. - А у них мясо".

"Рискованно, - прошептал кунг. - Там все будут вместе, поймут, что ты чужой".

"Знаю, - подумал Малюня сердито. - Ухожу".

Проглотил слюнку, поправил котомку и под покровом наступающих сумерек улизнул в кусты.

Но едва кусты скрыли его от глаз дикарей, чья-то широкая ладонь зажала Малюне рот, другая рука обхватила поперёк туловища и подняла в воздух.

"Вражеский шпион!" - подумал Малюня в панике.

"Он же разведчик, - подтвердил кунг, - он же лазутчик, он же пластун, он же соглядатай. А ты теперь пленный, или, вернее, "язык".

"Почему "язык"?"

"От тебя потребуют выдать военную тайну",

"А это что такое?"

"Секретные знания - об оружии, о количестве людей, о военных планах и хитростях. Понял?"

7. "Язык" и предатель.

Малюню тащили в темноте по кустам. Он думал: "Хуже нет - рассказывать о тайнах, которых не знаешь". А кунг его успокаивал: "О том, чего не знаешь, молчать легче. Самое же трудное - это под пыткой удержать тайну, которая тебе хорошо известна". "Под какой такой пыткой?" - не понял Малюня. "Это когда заставляют говорить. Жгут огнём, режут ножом, ломают пальцы, выкручивают руки и всё такое. Люди выдумали столько пыток, что можно сойти с ума от страха". "Ты ещё не всё назвал?" "Да я назвал только самые простые. Но ты не пугайся. Мы до пыток дело доводить не будем".

Лазутчик дотащил Малюню до реки, крикнул дважды по-совиному, и из-за прибрежных кустов появилась лодка.

- Почему ребёнка взял? - спросил лодочник сердито. - Нам что, с детьми воевать?

- Да взрослого не возьмёшь, - пожаловался шпион. - Они там все вот такие, - он поднял руки над головой, потом развёл их пошире; - и вот такие.

- Ты храбрец, - сказал лодочник. - Сиди здесь и держи ребёнка крепче. А я пойду за взрослым. Когда притащу взрослого, ребёнка мы утопим.

- Может, сразу утопим? - предложил шпион. - Тебе одному взрослого не взять. Пойдём вместе.

- Нет. Это опасно для всей операции. Делай, как велю. Утопить успеем.

И он исчез в кустах.

Малюне стало тоскливо. Плавать он умел, но шпион достал ремешок и связал ему руки, потом чуть подумал и связал ноги тоже.

"Этак не поплаваешь, - подумал Малюня. - Да ещё камень привяжут".

Кунг молчал.

Шпион тем временем залез к Малюне в котомку и теперь жевал его хлеб.

- Хорошая еда, малец. Как вы её делаете?

- Это военная тайна! - буркнул Малюня. И сразу услышал, как радостно захихикал кунг: "Браво, браво, голубок! Теперь он тебя не утопит!"

Малюне, однако, было не до смеха. Шпион больно ущипнул его за ногу и повторил вопрос:

- Так как вы это делаете?

- Берём муку, дрожжи, соль, ставим опару, потом печём, - Малюня выпалил это скороговоркой, чтобы шпион не понял. Так и вышло. Шпион стал переспрашивать. Малюня молчал и терпел щипки. Тогда шпион зажал ему нос.

"Не давай себя калечить" - шепнул кунг.

- Да ты готовить-то умеешь? - обратился Малюня к шпиону. Он старался разговаривать дружелюбно, хотя при зажатом носе это непросто.

- Умею, умею, - отвечал шпион, крутя его нос.

- Небось только мясо жарить да рыбу, - предположил Малюня.
- И варить, - сообщил шпион.
- А пшеницу выращивал? Зерно молот? Дрожжевой грибок видел?
- Ого-го! - шпион вытаращил глаза и отпустил его нос.
- Вот тебе и ого-го, - Малюня понял, что выигрывает жизнь. - Тебе меня не понять. Повар нужен.
Шпион подумал и сообщил:
- Только больше я тебя не понесу. Пойдешь сам. Или утоплю.
И замолчал надолго, щипая теперь только краюху.
- Всё не съедай, - посоветовал Малюня. - Что своим покажешь?
Враг не ответил, но в сумку больше не полез.

Становилось всё темнее. Потом верхушки леса за рекой опять стали видны, и из-за них поднялась полная луна. На свету опасность как будто уменьшилась.

Малюня сидел теперь в лодке, не только связанный, но и к чему-то привязанный. Кунг шастал от носа к корме, что-то вымерял и придумывал. Потом шепнул: "Я, кажется, смогу его усыпить. Тогда попробуешь освободиться. Эх, как жаль бывает порой, что нет настоящего, грубого тела. Сила иногда очень полезна уму".

"Как же я освобожусь?" - подумал Малюня.

"Твоя котомка в лодке. А в ней нож - не забыл? Дотянешься, я проверял".

Враг сидел на берегу, привалясь спиной к тонкому деревцу и положив на травку оружие, которое кунг назвал - меч. Ему явно хотелось спать. Он сидел боком к Малюне и поглядывал не столько на пленного, сколько в противоположную сторону, куда уже давно ушёл напарник.

Кунг удалился, чтобы усыпить охранника, и стал незаметен. Без него Малюне было совсем одиноко. Болели синяки от шпионских щипков и очень хотелось есть. Малюня точно знал, что в остатках хлеба его спасение, но если бы освободить сейчас хоть одну руку, он съел бы всё до крошки. А потом убежал бы к маминым ласковым рукам, к бабушкиным пирогам с морковкой, к самому умному и веселому деду на свете.

"А папа как же?" - спросил издали кунг.

"Конечно, сначала папу найдём, - согласился Малюня. - А ты не подслушивай, ты усыплай, усыплай..."

Но усыпить шпиона кунгу не дали. Отчётливый шум возник в лесу и стал быстро приближаться. Шпион вскочил, прислушался и бросился к лодке.

Огорчённый кунг вернулся ни с чем.

Шпион начал сталкивать лодку в воду. Лодка не поддавалась, потому что её засосало в песок. Шпион пахал ногами и так стонал от натуги, что Малюне стало его жалко и захотелось вылезти из лодки. Но шпион сам додумался, что лодку надо облегчить, и одним движением выбросил Малюню на мокрый песок. Ремень натянулся, и стало неудобно всем: шпиону - толкать, Малюне - лежать.

По шуму было уже ясно, что бежит к лодке целая толпа.

- Предал! - рявкнул шпион. И так сильно поддал всем телом, что лодка с привязанным к ней пленником сползла в воду. Шпион забросил мокрого Малюню в лодку, прыгнул сам и изо всех сил начал гребсти единственным веслом.

Лодка, была уже далеко от берега, когда к воде выбежал второй лазутчик. Он сбросил с плеча что-то большое, как он сам, и закричал:

- Вернись, предатель!

Но беглец только отчаянно грёб и только всхлипывал на ругань своего товарища.

Малюня сидел на носу лодки лицом к событиям и видел, как из кустов вылетели дикари в шкурах, дубиной выбили у лазутчика меч, сбили с ног и навалились.

- Вот теперь всё, - прохрипел шпион и загрёб ещё сильнее, откуда силы взялись.

- Что значит - предатель? - спросил гребца Малюня.

Тот злобно сверкнул в лунном свете глазами и зубами и не ответил.

"Предать, - прошептал кунг, - значит отдать врагам".

"Я так и понял", - ответил Малюня.

"А зачем ЕГО спросил?"

"Я на него злюсь. За пытки".

"Это ещё не пытки, - предупредил кунг. - Только лёгкий допрос".

"Я знаю, - Малюня мысленно вздохнул. - Я готовлюсь. Как бы самому не предать".

"Кого же ты боишься предать?" - было слышно, что кунг улыбается.

"Ну, этих... Лохматых, которые в пещере".

"Запомни, голубок, хорошенько: ПРЕДАЮТ ТОЛЬКО СВОИХ. А эти дикари тебе никто и никак. Разве нет?"

"Как же это будет называться, если я расскажу об их оружии?"

"Да так и будет - рассказ о том, что видел мимоходом".

8. Добрый человек.

Предатель довёл Малюню до большого лагеря, огороженного повозками. В лунном свете были видны матерчатые палатки, у костров грелись люди. На некоторых повозках блестели металлические шлемы часовых. Для чего нужен шлем и чем занимается часовая, Малюне успел шепнуть кунг.

Идти со связанными руками было неудобно, а перед самым лагерем, пока часовые их не видели, шпион опять связал Малюне ноги и взвалил его на плечо. Стало совсем неудобно и к тому же плохо видно.

Часовые окликнули, шпион отозвался, и Малюня ногами вперёд въехал в лагерь.

Висеть на костлявом плече было жёстко и больно. Малюне захотелось подумать о чём-нибудь приятном, чтобы меньше страдать. Он решил, что надо вспомнить маму... И вдруг само собой вспомнилось совсем другое. Он сидит рядом с Бугром на каменном выступе, внизу у костра пляшут волосатые дикари. Тогда они разговаривали о секретном оружии, а глаза смотрели сами, и голова не сумела как следует подумать о том, что видели глаза. А вот теперь ясно вспомнился один дикарь, самый симпатичный. На миг Малюне показалось, что этот дикарь похож на папу. Тогда в голове сразу мелькнуло, что это глупости, что папы среди дикарей быть не может. А теперь этот дикий воин вдруг стал казаться Малюне отцом. Неужели не узнал?

"Да показалось тебе, - кунг начал успокаивать. - Наше воображение может нарисовать что угодно. Лучше подумай, как разговаривать здесь. Отсюда ведь не убежишь".

"Ещё посмотрим", - ответил Малюня.

Тем временем шпион поставил его на ноги и, тяжело отдуваясь, замотал головой, будто очень устал.

- Развяжи его!

Перед Малюней сидел на складной табуреточке очень крупный человек, одетый в кожаные доспехи. В свете костра и луны поблёскивали медные пластины на плечах и груди. Медный шлем, надетый на колышек палатки, тоже тускло блестел. На шее у командира был шнурок, но что висело на шнурке, не давали увидеть доспехи.

Снимая с Малюни ремни, шпион докладывал:

- Командир! У них сильная охрана. Даже этого ребёнка взяли с большим трудом.

- Где Размах? - спросил командир.

- Драка была у самой лодки, - сказал шпион. - Размах велел мне отплыть с "языком", а сам сдерживал... этих...

- Ну и?..

- Он не успел прыгнуть в воду. Они его смяли.

- Взяли? Убили?

- Было плохо видно, командир.

- Значит, взяли. Что было при нём?

- Только меч.

- Ладно, Пробой, - сказал командир. - Будем считать, что обменяли "языка" большого на "языка" маленького. Что-нибудь знает твой "язык"?

- Не успел допросить, командир. Всю дорогу бегом. Только вот это.

Он подал командиру сумку Малюни.

Командир в сумку не полез. Подержал её на весу и вернул шпиону.

- Достань и покажи.

Шпион протянул ему остаток хлеба.

- Это едят, командир.

Тот отломил кусочек, понюхал, глядя внимательно на лазутчика, потом хитро спросил:

- А ты - ел?

- Ел.

- Ещё поешь.

Пробой взял протянутый ему кусочек и с удовольствием съел.

Тогда пожевал и командир. Ещё отщипнул и ещё пожевал. Затем велел шпиону оставить сумку и отдыхать, а сам взял пленника за руку и увёл в свою палатку.

Палатка была высока и просторна. В специальных кольцах на центральном столбе горели два факела. Дым от них вытекал через дыру в потолке. К столбу был пристроен стол, вокруг него стояли лавки.

Едва командир опустил сумку на стол, кунг выпрыгнул из неё.

"Не уходи, - подумал ему Малюня. - Я боюсь".

"Да что ты, голубок, куда ж я денусь. Просто отдохну немного, а то в сумке очень уж плоско".

Кунг впитался в толстый палаточный столб. И хотя Малюня знал, что он всё видит и слышит, что никуда не уходит и готов помочь, всё равно было не по себе.

"Да ты не волнуйся, - шепнул кунг из столба. - Говори с ним спокойно и ничего не бойся. Думай,

что он не командир и не враг тебе, а просто человек, обыкновенный и здоровенный. Обычно здоровенные не бывают злыми".

- Садись, сынок, - сказал командир. И сам сел к столу, - Что у тебя ещё интересного в сумке?

"Вытряхивай, - посоветовал кунг. - Всё равно обыщут". Малюня стал выкладывать на стол свои крупы, кружку, ложку, котелок. Коробок со спичками и ножик он оставил на дне и прихлопнул пустую сумку ладонью несильно, чтобы она лежала бесформенной горкой.

Командир взял в руки котелок.

- Из чего?

- Из алюминия.

- Алюминия? Из глины, что ли?

Малюня не знал, из чего делают алюминий. Он ничего подобного не знал и о прочих металлах. Он лишь кое-что умел делать, чтобы не пропасть, а знал пока ещё очень-очень мало. Пришлось так прямо и заявить огромному командиру.

- Ты прав, сынок, - согласился командир. - Что это я тебя пытаю?..

"Пытаю, - подумал Малюня с ужасом. - Он начал меня пытаться? Скоро будет ломать пальцы?"

"Да нет, нет, - успокоил кунг из столба. - Разве ты не знал: "пытаться" - это значит просто "задавать вопросы"? У многих слов по несколько смыслов. Говорят же: "Пытаться, допытываться".

- Ты, наверно, голодный! - догадался вдруг командир. - Конечно, и спать хочешь! Хватают ребёнка, тащат... Давай-ка, поешь...

Он откинул крышку одного из сундуков, поставил на стол глиняный кувшин, две глиняных кружки, выложил изрядный кусок варёного мяса, пару луковиц... Тут же спохватился:

- Тебе вино ведь ещё рано! Молочка бы тебе... Но ведь нету молочка. Для войны больше подходит вино, чтобы солдат о страхе забыл... Ну, мы тебе водички... А в неё вина капнем - для вкуса и для здоровья. Пей, не вредно.

Он, пожалуй, был не злой, этот гигант.

Малюня и в самом деле почувствовал голод. Он грыз лук, полезный от всех недугов, закусывал мясом, гася луковый огонь во рту, и запивал водой с капелькой вина - это было не противно, даже вкусно. Пока не прошло волнение, в сон его не тянуло. И командир, видя это, задавал разные вопросы, на которые совсем не надо было врать.

- Что это у тебя за одежда, сынок?

- Мама шила.

- Здорово шьёт. Стежочки ровные... Семья, небось большая?

- Нет. Мама, бабушка и дед.

- А папа где же?

- Не знаю.

Даже тут Малюня не соврал. Он ведь и в самом деле не знал, где папа. Вот если бы спросили, чем папа занимается... Да и то.

- Далеко живёте? - расспрашивал командир.

- С утра до вечера пешком.

Командир немного подумал и не понял.

- Это город или деревня?

- Это дом. На берегу речки и ручья. Недалеко от озера. Там ещё наше поле, болото и лес.

- От моря совсем недалеко?

- Не знаю, не видел. Мы - вверх по реке.

- Ага... А как же ты к этим-то попал?

- К дикарям?

- Ну да.

Не хотел Малюня признаваться, что ищет папу. Вдруг эти люди воюют с кем-нибудь ещё, а папа - против них.

- Я ушёл далеко от дома, - сказал Малюня, - и заблудился.

- Ага. Ну да, - командир подливал в воду вина, резал мясо медным ножиком и подкладывал Малюне. - А эти дикари, они - страшные?

- Страшные. Лохматые, невымытые и в шкурах.

- И небось оружием всяким обвешаны?

- Не-е-ет. У них только дубины.

- И больше ничего?

"Рассказывай про луки!" - шепнул кунг.

- Я слышал, - продолжал командир, - будто есть у них какое-то секретное оружие. Не видел?

- Нет, не видел. Но один мальчик сказал, что это лук со стрелами. Они его прячут.

Командир поперхнулся вином и долго хохотал. А просмеявшись, сказал грустно:

- Знаешь, сынок, я так и думал. Они от нас слишком отстали. Он поднялся, отошёл к своему походному ложу и вынул из-под него штуковину, похожую сразу и на ружьё, и на дедов самострел. На

тетиву была наложена короткая толстенькая стрела.

- Вот, сынок. Это арбалет. Он бьёт точнее лука и гораздо сильнее. Эта стрела пробивает человека насквозь. Подержи.

Малюня подержал. Подумал, что, пожалуй, не хуже дедова самострела, только поменьше. Но ведь на человека!

- Что, не нравится?

Малюня молчал. Он слушал кунга. А кунг говорил: "Из такого арбалета пятьсот лет назад убили твоего рас-пра-прадедушку.

- Не нравится? - повторил командир.

- Жалко, - пробормотал Малюня. - Человека - насквозь.

Командир нахмурился, молча взял арбалет и сунул под койку. Потом сел рядом с Малюней и положил ему на голову тяжёлую, широченную ладонь. Тяжело вздохнул и глухо сказал:

- Ты - хороший, добрый человек. Тебя мудро воспитали.

Больше он ни о чём не спрашивал. Уложил Малюню спать и ушёл.

Малюня заснул сразу, не успела голова коснуться подушки. Во сне к нему сразу явился кунг. "Молодец, голубок. Ты вёл себя достойно". "Мне этот командир понравился", - сказал Малюня. "Он умный, - согласился кунг. - И не злой. Ему можно доверять".

"Рассказать ему про папу?" - спросил Малюня. "Расскажи. Он всё равно догадался об этом... А теперь - спи. И вот тебе сказка про доброго человека".

9. Недоверие.

Разбудили Малюню очень рано.

- Собирай своё имущество, сынок, - сказал командир. - Нам пора двигаться дальше.

Малюня уложил свои вещи в котомку, и они вышли из палатки.

Солдаты свёртывали лагерь: снимали палатки, заливали костры, запрягали в повозки лошадей. Подогнали повозку и к командирской палатке, начали выносить имущество.

Одну лавку поставили командиру, и он усадил Малюню рядом с собой.

- В какой стороне твой дом, сынок?

Малюня вспомнил совет кунга и сказал правду:

- Мне домой пока не надо. Я пошёл искать папу.

- А где? Ты ведь сказал, что не знаешь. "Расскажи ему обо мне", - шепнул из сумки кунг. Малюня стал рассказывать, что папа где-то с кем-то воюет, что найти его надо обязательно - без него трудно семье вести хозяйство, и вообще, если папу убьют, может прерваться род...

- Тебя семья послала за отцом? - командир очень удивился. - Ты ведь ещё ... недостаточно велик!

- Семья ничего не знает, - признался Малюня. - Они мне даже не говорили, что папа воюет.

- Как же ты узнал?

Малюня молчал. Он думал, что командир не поверит, если сказать про кунга.

"Говори, говори! - зашептал кунг. - Он поймёт!"

И Малюня рассказал. И командир не удивился. Он потянул за шнурок, который висел на его шее, и из-под доспехов явилась на свет деревянная фигурка. Она была похожа на кунга.

- Это мой семейный божок, - сказал командир. - Дед подарил, когда умирал. В нём - дедова душа.

А отца моего убили на войне. Он раньше деда помер. Дед говорил, что и его душа здесь. Я остался один из всей семьи. И деток у меня нет. Вот убьют, и роду моему конец.

Он замолчал.

- А вам нельзя жениться? - спросил Малюня. - Были бы детки.

- Нет, сынок. Моя судьба - чужие семьи оберегать. Чтоб дикари не напали, понимаешь? На этой стороне реки - наша земля, а за рекой - дикарская. Мы их сюда не пускаем.

- А они хотят, - сказал Малюня. - Я слышал, они весь мир хотят, аж до моря.

Командир засмеялся.

- Весь мир гораздо больше, сынок. Его никто никогда не завоеует. Против злых дураков есть добрая сила. Вроде нас. А если мы одичаем, найдётся сила и против нас. Нормальным людям воевать не надо. Им надо просто жить, никого не убивать. Ты согласен?

Малюня кивнул.

- И отца ты, конечно, найдёшь, - продолжал командир. - Правда, среди моих солдат он быть не может. Он там, где этот металл, который делают из глины. И эта еда, которая так вкусна. И такие ножи, как у тебя в сумке.

Малюня покраснел. Или командир проверил сумку, когда он спал, или...

"Это я его кунгу рассказал, - шепнул кунг. - И про спички".

- Вы мой нож видели во сне? - спросил Малюня.

- И нож, и эти палочки, что горят, - подтвердил командир. - Ты не бойся, никто не узнает. Я тебе помогу. За морем, говорят, совсем другая жизнь, лучше нашей. Твой отец, наверно, там.

- А как же мы сюда попали? - удивился Малюня.

- Не знаю, - сказал командир. - Я простой человек, обыкновенный солдат. А вот есть у моря город, там учёные живут. Я тебя к ним отправлю. Они умные, они тебе, конечно, всё расскажут. И к отцу отправят... Ты хоть помнишь отца?

- Я его не видел, - сказал Малюня. - Его забрали на войну, когда я еще не родился. Командир удивлённо поднял бровь.

- Как же ты его узнаешь?

Малюня сам этого не представлял. Но он ни разу об этом не задумывался, потому что был точно уверен: как только они с папой посмотрят друг другу в глаза, оба сразу узнают друг друга. И он ответил командиру просто:

- Узнаю. И он меня узнает.

Командир молча доглядел, как солдаты складывают его палатку, потом кивнул и встал.

- Ты прав, сынок. Всё так и будет.

Он поманил рукой, и к ним подъехал всадник. Командир надел на Малюню его котомку, поднял на руки и шепнул:

- Ничего не бойся. Ищи - и найдёшь. Удачи тебе.

И громко велел всаднику:

- Возьми с собой в город этого небольшого человека. Он знает весьма ценные научные тайны, понять их смогут только самые умные учёные. Найдёшь таких учёных и оставишь мальчика им. Моё донесение спрячь на груди. Когда всё сделаешь, вернёшься в отряд. Мы будем двигаться вдоль реки.

- Есть, командир! - Всадник подхватил Малюню и посадил перед собой. - Удачи вам!

Малюня едва успел помахать командиру, и они поскакали. Ехали не тем путём, каким лазутчик тащил Малюню при луне, но приехали к реке. Там их ждала большая лодка с несколькими воинами. Всадник въехал на лодку, спрыгнул с коня и снял Малюню, а тем временем уже убрали сходню, оттолкнулись от берега и начали поднимать парус.

- Тебя как зовут? - спросил всадник.

Малюня вспомнил дикарей и назвал себя Холмом. Всадник такому имени не удивился. Оказалось, что его самого зовут - Кремень.

- Плавать умеешь? - спросил он.

Малюня сказал, что не умеет. Он сам не понимал, почему, но ему не хотелось говорить правду этому человеку. Недоверие родилось в тот момент, когда он услышал голос Кремня: как-то не так он пожелал командиру удачи.

- Не умеешь, значит, - повторил за ним Кремень. Малюне показалось, что он этим доволен. Кремень помолчал, что-то обдумывая, потом добавил: - А раз плавать не умеешь, к бортам не подходи и от меня не отходи.

Он сказал это дружеским тоном, но Малюня почувствовал, как растёт недоверие: что-то потаённое в этом человеке всё больше ему не нравилось.

Ладья распустила широкий парус и быстро пошла по течению мимо пустых зелёных берегов. Ничего особенно интересного на этих берегах не встречалось. Малюня скучал. Родной дом оставался всё дальше за кормой, но временами казалось, что какой-нибудь поворот реки знаком, и за ним появится старый кедр над ручьём, лужок, где они пасли корову, а под кедром - дед, вырезающий деревянную ложку... От этого хотелось плакать. Кунг шептал, что так бывает со всеми, особенно если покидаешь дом впервые.

Кремень постоянно был рядом и время от времени начинал допытываться, что за научные тайны знает мальчик. Малюня, по совету кунга, отвечал: "Не поймёшь".

10. Опять предательство.

Плыли пять дней. К берегу ни разу не приставали, парус не спускали - очень спешили. Ветер дул попутный. Малюня спросил Кремня:

- Как обратно поплывёшь - против ветра, против течения - на вёслах?

Кремень загадочно усмехнулся и загадочно ответил:

- Будет и ветер, будет и течение.

На шестое утро вода вынесла их к морю и городу.

Река в устье была гораздо шире, чем в начале пути. Два острова делили её на три рукава, на островах тоже были постройки, но не жилые дома, как в городе, а длинные амбары из брёвен. Амбары имели по несколько больших дверей и редкие небольшие окошки, забитые решётками из толстых медных прутьев.

Ладья пристала к одному из островов. Кремень посадил Малюню на коня, вспрыгнул в седло сам и верхом съехал на берег. Котомка с секретами висела через плечо Малюни.

- Что это? - спросил Малюня о странных амбарах.

- Это склады, - сообщил Кремень. - Там разные товары. Сейчас тебя хорошенько оденем во всё

новое и отправимся к учёным.

Он говорил уверенно и ласково, но Малюня ему не верил, хотя и не знал, почему. Однако приходилось слушаться, тем более, что с коня, сидя меж двух крепких рук, не очень-то убежишь. Малюня думал: "Если будет случай, удеру на его коне, переплыву реку до города, а там найду учёных". "Правильно", - отвечал кунг.

Рядом с тем амбаром, к которому подъехали, стояла избушка, тоже с решётками на окнах. Из неё к ним вышел пожилой воин с мечом на боку, хлопнул Кремня по плечу и устоял на Малюню.

- Это Холм, - сообщил Кремень. - Надо его хорошо одеть, мы с ним к учёным собираемся.

Пожилой посмотрел Кремню в глаза, кивнул и двинулся к одной из дверей амбара.

В просторном помещении, куда они вошли, громоздились какие-то бочки и была отгорожена под окном небольшая комнатка с засовом на двери. В неё и вошли. Там оказалось грубое ложе из досок, покрытое овчиной, да столик рядом, такой же грубый.

- Вот, сынок, пока располагайся, - сказал Кремень. - А мы сходим за одеждой.

- Тут детей воруют, - добавил зачем-то пожилой.

- А мы его заперём, - предложил Кремень. - Ничего, Холмик, не бойся, мы скоро.

- А можно мне с вами? - спросил Малюня.

- Нет-нет, - ответил пожилой.

- Туда детей не пускают, - объяснил Кремень.

Малюня понял, что его обманули. И пожалел, что ещё на подходе к городу не выпрыгнул за борт. Не надо было щадить котомку: прыгнул бы налегке и авось не сидел бы теперь за решёткой.

Так ругал себя Малюня за глупость, потом вспомнил, как дед учил не жалеть о прошлом: "Жалеть - только силы даром тратить. Надо просто исправлять, что напортил. И понимать, что не понял".

Было бы хорошо, если бы кунг подсказал что-нибудь к этим воспоминаниям, но он, как назло, затаился.

"Ладно, - подумал Малюня, - будем сами соображать".

"Забрался на овчину и начал думать.

Самое главное и неприятное было то, что Кремень обманул не только Малюню, но и своего командира. Это означало, что такой тип предаст кого угодно.

"Он, конечно, рылся в моей котомке, - думал Малюня. - Но если он всё не отобрал, значит я ему нужен. Он верит, что я знаю секреты. И хочет не к учёным меня вести, а взять себе.

Малюня осмотрел прутья на окне. Решётка была ему не по рукам. Толстые доски пола тоже не оторвёшь. Засов на двери прочный, он заметил сразу. Но если бы и удалось выйти из коморки, наружная дверь склада, окованная медными полосами, тоже была на замке.

Оставалось дожидаться предателя, а дождавшись, не подать вида, что всё понял. И ждать своего часа, когда вор поверит, что Малюня дурачок и не собирается бежать.

"Всё верно, молодец, - произнёс кунг, возникая из стены. - Удрать сейчас невозможно, я проверил. Будем ждать".

Ждать им пришлось до обеда.

Кремень явился один. Принёс медный котелок с горячим рыбным супом и луковицу. Из этого Малюня вывел, что никуда они с пожилым не ходили, а сидели в избушке, варили этот суп и пили кислое вино, которым теперь от Кремня изрядно разило.

- Поешь, сынок, - сказал Кремень ласково. - Что-то не можем найти для тебя подходящей одежды. Два склада перерыли, а? Но ничего, скоро найдём. К вечеру будем на месте.

Погладил по головке и снова запер на задвижку. И на замок.

"Значит, к вечеру всё станет ясно, - понял Малюня, хлебая суп. - Они кого-то ждут. А раз вечером всё только начнётся, значит спать надо сейчас.

В амбаре было прохладно. Малюня знал, что больше всего человек замерзает со спины. Поэтому он лёг на спину, завернулся в край овчины и закрыл глаза.

"Кунг, расскажи сказку".

"Смешную или страшную?"

"Я и так боюсь. Давай смешную".

"Тогда слушай про енота, который обманул самого себя".

Малюня посмеялся над енотом и заснул. А когда проснулся, тень оконной решётки уже переползла с пола на стену, и стало быть, вечер наступил. Малюня поворачивал выпученными глазами, покрутил головой, понаклонялся, поприседал, чтобы все тело проснулось одинаково, и едва он закончил себя будить, как в замке заскрипел ключ.

Слышно было, как распахнулась наружная дверь, как вошли несколько человек. Звякнула медная задвижка, и к Малюне ввалились двое суровых незнакомцев, а за ними - совсем весёлый Кремень.

- Ну, вот и всё! - закричал Кремень в поддельной радости. - Даже лучше, чем мы с тобой хотели! Смотри, учёные сами приехали к нам! Как только о тебе услышали, сразу всё бросили! Показывай

свои секреты!

- Да нет никаких секретов, - пробормотал Малюня.

- Ладно, ладно, не скромничай! - Кремень сел с ним рядом, обнял одной рукой, а другой снял с медного гвоздя котомку. - Ты не сомневайся, учёные самые настоящие, самые лучшие - всё, как хотел наш командир!

Кремень перестал обнимать Малюню и обеими руками вытряхнул на стол содержимое котомки.

- Вот, мои учёные друзья, смотрите. Котелок из неизвестного металла, такая же ложка и кружка. Но они мягкие, как медь, а вот этот нож - из очень твёрдого материала, нам бы такие мечи! А вот - еда. Она за дорогу плесенью покрылась, а в первый день пути я пробовал: очень вкусно и совсем не понять, из чего. Но Холмик, конечно, знает! Правда, Холмик?

И снова обнял. Очень крепко. Даже больно. Учёные очистили край хлеба от плесени и съели по кусочку чёрствой мякоти. Переглянулись. Кивнули.

- Правда, знаешь? - спросил строго один из гостей. У него была чёрная борода, а у второго совсем седая.

Малюня не поверил, что они - учёные. Он читал про учёных и представлял их другими, без ножей на поясе. Такими, как эти двое, Малюня представлял сказочных разбойников. Так он и стал про себя их величать: разбойник Чёрный и разбойник Седой. Да, кстати, имён своих они и не назвали.

- Знаю, - сказал Малюня.

- Рассказывай! - велел Седой.

"Ага, - подумал Малюня. - Вам расскажи, вы тут меня запрёте навсегда и уйдёте". Эта мысль пришла к нему от кунга. Получилось, что разговаривать им некогда, и они просто начали вместе думать, будто кунг влился в Малюню. И он сказал:

- Это нельзя рассказывать. Это можно только показывать.

- Что для этого нужно? - спросил Чёрный.

- Для чего? - Малюня обвёл рукой свои пожитки. - Хлеб, железо или алюминий?

Разбойники переглянулись. Они, конечно, не знали названий и не поняли, который из предметов - хлеб, который - железо, который - алюминий. Немного помешкав, Седой ткнул пальцем в нож.

- Что нужно для этого?

Малюня знал от деда, что железо выплавляют из тяжелых камней с густым металлическим блеском. Камни эти именуются "руда", и разыскивают их специально обученные люди - геологи. С помощью кунга он составил простой, но хитрый ответ:

- Для этого нужны особые камни. Их долго ищут в земле.

Разбойники снова переглянулись.

- А для этого? - Чёрный указал на позеленевший хлеб.

- Это выращивают на поле, - сообщил Малюня.

- Ага, - прогудел Чёрный, будто уже вырастил каравай.

- Так-так, - добавил Седой таким же тоном.

- Ишь, ты, - пробормотал предатель Кремень. Седой указал на хлеб:

- Ты ЭТО умеешь?

- Умею! - заявил Малюня. Он видел, как на мельнице делали из пшеничных зёрен муку и как бабушка готовит хлеб. Полезно быть любопытным! Сам бы он на такую работу не решился, но кунг подсказывал: "Тебе не по силам, но можно выучить других".

- Научишь? - спросил Чёрный.

- Научишь! - рявкнул Седой. Оба повернулись к предателю.

- Ну? - спросил Кремень.

- Двести, - сказал Седой.

- Пятьсот, - возразил Кремень.

- Двести пятьдесят, - сказал Седой.

- Четыреста пятьдесят, - уступил Кремень.

Поторговавшись, сошлись на трёхстах пятидесяти. Разбойники отсчитали монеты. Предатель их пересчитал. После этого деньги исчезли в сумке предателя, а вещи Малюни вместе с котомкой и её хозяином достались покупателям.

- Ну, прощай. Холмик, - Кремень погладил Малюню по голове... - Пора мне возвращаться в отряд.

Разбойники хохотнули. Ни о какой новой одежде для Малюни никто не вспомнил.

- Пошли, сынок, - сказал Чёрный.

- Куда? - спросил Малюня.

- К нам, в город, - сообщил Седой и впервые дружелюбно улыбнулся. - В нашу учёную академию. Выберешь себе хорошую комнату, дадим тебе работников, будешь сажать в землю эту еду. Как она называется?

- Хлеб, - сказал Малюня. Мысли его были заняты побегом: когда легче это сделать - по дороге или в городе? Или его вообще не повезут в город? Запрячут где-нибудь в пустыне и скажут:

"Выращивай". Из пустыни убежать мудрено.

- Как же его сажают? - спросил уже на ходу Черный разбойник.

- Я спать хочу, - ответил Малюня. - Мы скоро - в комнату?

Разбойники переглянулись.

- Скоро, скоро, - успокоил Седой.

Два корабля стояли рядом. Корабль разбойников был гораздо больше ладьи предателя. Он имел две мачты и несколько парусов. На нём, конечно, плавали не через речку, а по морям.

Кремень вручил несколько монет пожилому сторожу и побежал к ладье.

Едва все поднялись на борт, оба корабля сразу отчалили.

Поплыли они, конечно, не в город, а оба вышли в море и там расстались. Ладья свернула куда-то вдоль берега, подальше от города, а разбойничий корабль устремился прямо, в открытое море.

11. Невольник и наставник.

Когда отплывали от острова, Малюня ещё сомневался: а вдруг эти люди и в самом деле просто перевезут его через реку и окажутся учеными или послами учёных. Когда выходили из реки, была еще надежда, что корабль повернёт и подойдёт к городу с моря.

Но теперь вокруг не осталось ничего, кроме тёмно-синего моря и совсем низкого оранжевого солнца на сиреновом небе. В этой резко красивой пустоте маленький кораблик почти не двигался, хотя паруса были надуты ветром, а у бортов шумела вода. Наверно, если бы даже кораблик летел, он всё равно казался бы неподвижным, такая огромная окружала его пустота.

"Я никогда не видел столько воды и столько неба, - думал Малюня. - Удивительно и красиво. А меня продали этим разбойникам. Предали и продали".

Он сидел возле передней мачты, и никто не обращал на него внимания.

"Тебе страшно?" - спросил из мачты кунг.

Малюня сразу ответил, что нет, совсем не страшно. Если бы он попал к настоящим учёным, было бы меньше пользы для дела. Пришлось бы рассказывать им о хлебе и обо всём прочем, а они уж наверно ничего не смогли бы рассказать про папу.

"Разбойники к войне ближе учёных, - думал Малюня. - Они нас к папе везут".

"Молодец, - похвалил кунг. - Однако стоит подумать, как быть, если всё-таки привезут в пустыню".

"Не привезут, - возразил Малюня уверенно. - Я ЧУВСТВУЮ".

"Тогда другое дело, - согласился кунг. - Но не забывай, что ты невольник. Веди себя смирно и делай вид, будто ничего не понимаешь".

Малюня вдруг сам себе удивился: а почему это ему совсем не страшно быть в неволе у разбойников? И сразу понял: и разбойники, и неволя, и война, и прочие такие вещи кажутся страшными только со стороны. А если ты сам туда попал, тебе больше противно, чем страшно. Противно, когда тебя связывают, когда бьют, запирают, продают. Но не страшно. Пока ты жив, ко всему быстро привыкаешь.

"Э-э-э, - подумал Малюня, - я не сам это понял. Это кунг подсказывает. Да, кунг?"

"Да, - отозвалось из мачты. - Только уже боюсь, как бы ты не отказался от моих подсказок".

"Почему?"

"Да рано или поздно все отказываются. Говорят: "Если бы ты не лез, я бы сам догадался. Что я, дурачок?" Ну, и всё такое подобное. Мне это всегда обидно. Как только третий раз откажутся, я больше не подсказываю и делаю так, чтобы меня забыли".

"Нет-нет, - возразил Малюня. - Я люблю тебя слушать. Ты умный, всё знаешь".

"Так все говорили, - проворчал кунг. - И дед твой, и прадед. А отец - тот вовсе не слушал... Ну, ладно. Я тебе верю".

"Я буду всегда тебя слушаться, - пообещал Малюня. - Не забывайся".

"Ладно, - согласился кунг. - Не забудусь".

И ушёл гулять по кораблю. Подслушивать и подсматривать за всеми, дразнить кота и кататься верхом на крысах, с которыми кот никак не мог справиться.

Малюня остался под мачтой размышлять о своей неволе.

"На корабле, пожалуй, все в неволе. С корабля в море никому не убежать. А если и убежишь вон на той шлюпке, то неизвестно, станешь ли свободнее: ни еды, ни пресной воды. А солёную пить противно".

От таких мыслей Малюне сразу захотелось пить и есть. Но ели разбойники по расписанию, все разом, и надо было ждать, когда боцман ударит в колокол.

"Жалко, - подумал Малюня. - Ведь я ребенок, мне надо есть побольше и почаще, потому что я расту. И побольше бегать... Ну, вот это нам разрешается. Влезу-ка я на мачту да посмотрю по сторонам".

Но тут из кухни вышел повар и поманил его худым длинным пальцем. Малюня вскочил и подошёл.

- Вот что, Холмик, - сказал повар. - Ты, - говорят, большой специалист по еде. Это правда?

Кунга рядом не было, посоветоваться не с кем, но повар оказался Малюне симпатичным с самого начала плавания, когда сразу сбежал в свою кухню и накормил его до отвала. И сейчас по его глазам было видно, что он не хитрит, а по-настоящему хочет подружиться.

- Да, - ответил Малюня. - Поесть я люблю.

Повар засмеялся.

- Если поесть, так у нас тут все мастера. А правда ли, что ты умеешь готовить?

- Немного умею, - признался Малюня. - Суп, кашу, котлеты, компот и чай.

- Да ты совсем взрослый, - сказал серьезно повар. - Так много не всякий взрослый может. Тебе только подрасти. А для этого ты должен есть почаще. Идём, пожуй чего-нибудь.

Он посадил Малюню к своему рабочему столу, поставил перед ним тарелку с жареной рыбой, а сам выбрал из своих ножей самый небольшой и начал резать лук прямо у самой тарелки. Через минуту спросил невинно:

- О чём плачешь?

При этом его худое лицо окаменело, только глаза не могли спрятать лукавства.

- Я всегда от лука плачу, - сказал Малюня.

Повар засмеялся и отодвинул лук на другой конец стола.

- Я хотел, чтобы ты поплакал. Детям полезно немного плакать. Только лучше от лука, чем от обиды. Правда?

Малюня кивнул и сквозь слезы улыбнулся. Повар и в самом деле был добрым разбойником. Может быть, он даже вовсе не был разбойником, а просто разбойничьим поваром. Ведь надо же кому-то кормить и разбойников.

- Вытирай слезы, - сказал, повар, - слушай и запоминай. Раз ты попал на корабль, надо тебе кое-чему научиться.

- Дяденька, а как тебя зовут? - спросил Малюня.

- Правильно! - повар засмеялся. - Это самое первое, что тебе надо знать. Меня зовут - Кок. Тот седой, который тебя купил, называется - Капитан. А тот, у которого чёрная борода...

- Боцман! - сказал Малюня. - А все вы вместе - разбойники, только ты...

- Неправильно, - Кок возразил без обиды. - Это на суше бывают разбойники. А на море - только пираты. Пират гораздо опаснее разбойника, потому что он ещё и хороший моряк. Разбойник только и умеет, что грабить да убивать, а пират - он может управлять судном. Судно - это корабль... Пират умеет поймать парусом ветер, он может по звёздам определить свое место в море, он прекрасно читает карту, знает лоцию, легко переносит качку и ничего не боится, кроме огней, которые зажигаются в бурю на клотиках. Клотики - это верхушка мачт.

- Так ты тоже пират?

- О, малыш, ты этим расстроен?! Значит, ты добрый и честный человек! - Тут Кок нахмурился, помолчал, дорезал лук, вытер нож, вставил его в специальную щель рядом с другими и только после этого заговорил опять. - Да, сынок, я пират. Я не горжусь этим, потому что каждый пират мечтает жить честно, как положено настоящему моряку. Но если уж так случилось, и ты волею судьбы оказался вне закона, тогда у тебя просто не остаётся выбора: или разбойничай на морях или сдайся властям, и на тебя обязательно наденут пеньковый галстук.

- Что такое "пеньковый галстук"? Из пенька?

- Из пеньки. Это верёвочная петля, сынок. Её надевают человеку на шею, а другой конец набрасывают на нока-рей. - Кок показал на конец перекадины, к которой был привязан парус, - вон туда.

- Убивают вот так? - Малюня ужаснулся.

- Ну конечно! - Кок хлопнул себя длинными руками по худым коленям. - Так делают со всеми, кто вне закона.

- А что значит "вне закона"?

- Это значит, что каждый может тебя убить, и ему за это только скажут спасибо.

- И я теперь тоже вне закона?

- Нет-нет, сынок, не беспокойся! Пока ты не пролил невинной крови, никто не смеет тебя обвинить. Если бы нас сию минуту взяли на abordаж, я первым закричал бы, что ты не пират, а несчастный пленник.

- А что значит "взять на abordаж"?

- О, дитя, не приведи тебе Создатель видеть этот кошмар! Два судна сходятся бортами, и те, кто хуже дерётся, летят за борт со вспоротыми животами. Как вот эти рыбы, которых я кладу на скворородку. Победители убивают всех, потому что команде не нужны лишние рты. Потом с захваченного корабля перетаскивают к себе всё ценное, а его отправляют на дно, чтобы скрыть следы преступления. Пиратство - самое страшное ремесло на свете.

- Значит, я - лишний рот? - Малюня перестал есть. Кок засмеялся.

- Не беспокойся, честный человек! Ты ведь на судне по многим причинам. Ты думаешь, только

из-за твоих секретов? Этого мало! Если ты всё расскажешь и покажешь, секреты можно кому-нибудь продать. Но тебя самого в любом случае можно оставить юнгой...

- Что такое "юнга"?

- Ну, это ученик. Если он прилежно учится всему на корабле, то со временем может стать настоящим моряком, даже капитаном.

- Пиратом?

- Да, сынок, - Кок нахмурился. - Моя мама родила меня на Острове Пиратов, это там, куда мы плывём. Я учился плавать, грести, управляться с парусами, рубиться мечом, драться копьём и кулаками, стрелять из арбалета...

- И готовить?

- Конечно! Каждый моряк обязан хорошо готовить. Ты рыбу умеешь жарить?

- И жарить, и варить.

- Так ты готовый юнга!

- А если я не захочу?

Кок погрузнел.

- Тогда, сынок, тебя продадут в рабство. Вместо юнги станешь боем.

- Что это - "бой"?

- Это мальчик-слуга. Его заставляют делать всю грязную работу и бьют за малейшую ошибку. Не желал бы я тебе такой судьбы. По мне, лучше уж подёргаться на нока-рее или с перерезанной глоткой достаться акулам.

- Кто такие "акулы"?

- Э, да ты вырос не у моря?! Акула, сынок, это рыба. Вдвое длиннее меня и очень зубаста. Человека перекусывает в один приём. Двести во-от таких зубов.

Кок потянул за шнурок, надетый на шею, и из-под рубахи явился зубище побольше медвежьего.

- Как видишь, при некоторой сноровке с акулой можно справиться, был бы нож.

Малюня даже открыл рот. Пропала надежда удрать!

- И в море нельзя купаться?

- Можно. Только у самого берега. А здесь их полно. Вот буду выбрасывать объедки - увидишь.

Они всё время идут за нами.

"Всему конец!" - подумал Малюня.

На колени ему вспрыгнул корабельный кот. Шерсть на нём стояла дыбом. На заливке сидел кунг. Он сказал: "Ты верь повару. Ты ему нравишься". И умчался на коте вихрем.

- Что-то кот не в себе, - заметил Кок. Значит, кунга он не видел. Малюня сказал:

- Я лучше буду юнгой.

- Правильно, сынок! - обрадовался Кок. - И секреты расскажешь?

- Да я знаю только один, - признался Малюня. - Как хлеб готовить. И то... Может не получится.

- Это та самая еда? - Кок переворачивал на сковороде рыбу и достойного любопытства к секрету не проявил. - Я пробовал крошку. Вроде ничего... Ну, и что же для этого нужно?

Малюня рассказал.

- Да-а-а, - Кок задумался. - Дело непростое. Но попробовать интересно. Есть у нас какая-то крупа, мы из неё кашу варим. И ступа есть - я в ней кофейные зерна толку. Давай попытаемся. Но пока молчи об этом. Если получится, будет ребятам сюрприз.

Он немного помолчал и добавил:

- Ты знаешь, они не такие уж плохие люди. Они бы и рады не убивать, но ведь кого ни возьми на бордаж, все обязательно дерутся...

- А если б не дрались?

- Да боже сохрани! - воскликнул Кок. - Если бы не дрались, мы просто отбирали бы ценности и отпускали с миром! Честное слово!

"Врёт, конечно, - подумал Малюня. - Как тогда скрыть следы?"

"Он сам этому верит, - сообщил из стола кунг. - Люди все таковы: придумывают небылицы и верят в них. Легче жить".

- Конечно, - сказал Малюня Коку. - Каждый защищает своё.

- Вот именно, - тот кивнул с обидой. - Всякое барахло им дороже собственной единственной жизни.

"Смешной разбойник, - подумал Малюня. - Совсем ребенок".

"Вот и дружи с ним, - посоветовал кунг. - Может, научишь уму-разуму. А сам готовить научишься".

"И драться", - подумал Малюня.

"Если не боишься стать вне закона", - пробормотал кунг и впитался в столешницу.

12. Бой.

Зёрна, из которых пираты варили кашу, напоминали пшеницу, но были совсем белые. Кок неумоимо толк их в ступе, а Малюня только ощупывал муку и велел, толочь ещё мельче.

Кунг над этими трудами весьма потешался и советовал приучать пирата к крестьянству без всякой жалости, а сам катался на корабельных крысах и выгонял их прямо в лапы коту. Тот давил я складывал крыс на видном месте перед капитанским мостиком.

В конце второго дня перед мостиком скопилась вторая дюжина крыс, и Капитан велел выбросить их наконец за борт, а кота примерно наградить - варёной рыбкой.

К тому времени у Малюни с Коком скопилось достаточно муки, чтобы решиться на лепёшки.

Тесто для первой выпечки готовил сам Малюня. Жарили на прекрасном свежем оливковом масле. Кок пришел от пробы в полный восторг и следующий замес делал сам. И оказался столь способным учеником, что его лепёшки вышли не хуже. Но Кок заглядывал маленькому учителю робко в глаза и неуверенно спрашивал:

- Ну, как по-твоему, есть можно?

Малюня важно хвалил и, конечно, молчал о том, что он сам раньше только видел, как лепёшки и оладьи стряпала бабушка.

Он научил Кока печь и оладьи, и даже блины, и на обед удивлённая команда осторожно пробовала новое блюдо. Восторг был так велик, что даже вахтенный матрос, которому полагалось быть всё время начеку и следить за горизонтом, оставил свою бочку под самым клотиком и впился зубами в жирную лепёшку, намазанную ароматным медом. Принесли вино, начался пир.

Это их и погубило.

Вражеский корабль подкрался как призрак, и, когда пираты заметили нападение, залп из мушкетов мгновенно решил исход боя, даже не дав ему начаться.

В живых остался один Малюня, которого как раз послали в трюм за вином, а кунг его там задержал каким-то разговором.

Выйдя на палубу с корзиной, из которой торчали горлышки бутылок, Малюня увидел за трапезой незнакомых людей со свирепыми лицами. Один из них, с чёрной повязкой на левом глазу, первым увидел мальчика и радостно рявкнул:

- Бой! Вина!

Малюня понял, что теперь он не просто невольник, а настоящий раб.

- Бой! Ещё лепёшек!

- Больше нет.

- Так испеки!

- Мука кончилась.

- Так натолки, двух крыс тебе за пазуху!

Они всё знали о хлебе, у них были стальные сабли и ружья, алюминий они не удостоили своего внимания. Секреты Малюни не были им нужны.

Это были тоже пираты, но какие-то не хозяйственные. Паруса у них были драные, на палубе полно грязи, и вообще их корабль оказался хуже того, который они захватили. Поэтому пускать его на дно захватчики не стали. Разделились на две команды и на двух судах пошли своим пиратским курсом уже не на юг, а на запад. Направление Малюня заметил по Солнцу и по компасу, этому успел научить его покойный Кок.

Ночами Малюня тихо плакал от страха и обиды. Хоть человек и привыкает к любой жизни, но побои легче переносить в суеде дня. Ночами же, наедине с кунгом, Малюня проклинал свою рабскую жизнь и с теплотой вспоминал добродушных пиратов, с которыми начал скитания. А эти, новые, были все до одного отпетыми негодьями. Ни один не сказал ему ни одного доброго слова, а затрещины, пинки и оскорбления доставались от каждого по несколько раз в день.

Земля не появлялась, питание становилось все скуднее, пьянство не прекращалось, побои доставались все чаще. Малюня взял с кухни свой небольшой железный нож и решил ночью перерезать горло капитану, а потом броситься в море и драться с акулами, пока не съедят.

Не могу больше так мучиться", - прошептал он кунгу.

"Да-а, - вздохнул кунг, - поневоле станешь убийцей".

"А что же еще делать?"

"Ждать, голубок. Терпеть и ждать. Раб - это не тот, кого сильный держит в неволе. Раб - тот, кому неволя нравится".

"Сколько же можно ждать?! Месяц терплю!"

Кунг засмеялся.

"Ты даже не представляешь, как это мало. Твой прапрадедушка ждал десять лет - это больше, чем вся твоя жизнь. Он был всегда спокоен, работал исправно, и мучители поверили, что он стал настоящим рабом. Вот тогда он увёл у них лодку, и не догнали. Всегда будь СВОБОДЕН ВНУТРИ, тогда переживешь любую неволю и вырвешься. ТВОЮ СВОБОДУ никто отнять не может"

"Какую МОЮ СВОБОДУ?"

"Ту, к которой хочешь убежать".

"А если не убегу?"

"Тогда вырастешь большой и ВОЗЬМЁШЬ СВОБОДУ СИЛОЙ. У каждого невольника бывает

МОМЕНТ СВОБОДЫ, и его нельзя пропустить. Не сдавайся. Не люби неволю. Иначе умрёшь рабом. Без свободы ты не человек. Даже не животное. Как собака на цепи.

"А мой папа?"

"Что - папа?"

"Он на войне по воле или по неволе?"

"Ну, это мы у него спросим. А теперь ложись спать, пока ты им не нужен. И вот что я тебе посоветую. Когда в следующий раз тебя ударят, кричи погромче: "Я маленький, меня бить нельзя!" Запомнил?"

Утром Малюня так и сделал. Едва пьяный боцман замахнулся, чтобы его ударить, он бросил на палубу винную бутылку, отпрыгнул и закричал:

- Я маленький! Бить нельзя!

- А вот и неправда, - возразил боцман и поднялся. - Меня били всю жизнь, а из меня получился, смотри, какой моряк! И из тебя получится!

И шагнул к ребенку, чтобы поймать.

Малюня бросился к мачте. Но у мачты расставил руки одноглазый матрос:

- Меня тоже били с детства!

Малюня бросился к борту, но там еще двое оказались раньше, чем он.

- Меня били всегда! - закричал один.

- А меня еще раньше! - крикнул второй.

- А если не будешь стараться, - добавил боцман, - тебя побьют и после смерти! ТОЛЬКО ИЗ БИТЫХ ПОЛУЧАЮТСЯ ПИРАТЫ!

Малюню с хохотом поймали и побили линьком - специальным обрезком тонкого каната. Били и приговаривали:

- Только из боя может вырасти хороший моряк!

Однако все они были, конечно, плохими моряками. Малюня кричал им об этом, но они смеялись и продолжали своё дело. Но ещё не закончили бить, как раздался голос рулевого:

- Нападение на капитанский корабль!

Негодяи тут же оставили Малюню и бросились на мостик. Корабль капитана шёл первым. Из-за него команда боцмана не увидела, как приблизился противник. Это было крупное судно под парусами. Оно быстро несло навстречу, и из длинной трубы, которая торчала между мачтами на палубе, вдруг повалил чёрный дым.

- Пароходофрегат! - заревел боцман. - К оружию!

Пираты бросились к своим мушкетам.

В это время пароходофрегат под градом пиратских пуль поравнялся с капитанским парусником. В его бортах открылись квадратные окна, из этих окон сверкнуло и вылетели клубы дыма. Между кораблями прокатился гром. На капитанском судне раздался треск и сразу вспыхнуло высокое пламя.

- У них пушки! - закричали в ужасе пираты. - Железные борта!

Они заряжали свои бесполезные мушкеты и совсем забыли о Малюне. А он стоял у борта и жадно следил за боем, не боясь ни пушек, ни пуль.

- Спускайте флаг! - кричал боцман. - А то потопят!

Одноглазый бросился спускать чёрный пиратский флаг. Грозный борт с пушками приближался. Оттуда приказали металлическим голосом:

- Сложить оружие, бандиты!

- Сдаёмся! - закричал боцман в медный рупор, а своим велел: - Ребята! Поставить мушкеты к борту, приготовить тесаки и крючья! Как только подойдет, берём на абордаж!

Пароходофрегат замедлил движение.

Малюня представил, чем кончится абордаж: пьяные убийцы вырежут команду железного корабля и будут непобедимы с пушками... Он вспрыгнул на борт, изо всей мочи завопил: "Спасите!" и ласточкой бросился в воду.

Пираты были уверены, что мальчик не умеет плавать. Поэтому, когда он прыгнул, злой боцман засмеялся. Увидев же, что беглец правильно работает руками и ногамм и быстро удаляется, пираты схватились за мушкеты.

С пароходофрегата всё видели. Малюня услышал металлический голос:

- Мушкеты за борт! Иначе потопим!

Оглянувшись, Малюня увидел, как летят за борт мушкеты. Через короткое время ему сбросили штормтрап - верёвочную лестницу - и вместе с ним двумя рывками подняли на палубу. Люди в одинаковой одежде участливо улыбались.

- Герой мальчишка, - произнёс кто-то с одобрением. - Акул не испугался.

Малюня, задыхаясь, только теперь вспомнил про акул.

- Видно, довели ребенка, - предположил другой матрос.

- Абордаж! - это было первое, что сказал им Малюня. - Не подплывайте! У них крючья и тесаки!

- Капитан! - крикнул один из матросов. - Они готовят абордаж!

Высокий мужчина в белом кителе с золотыми пуговицами грозно крикнул с мостика в рупор:

- Эй, на бриге! Крючья и клинки - за борт!

Матросы пароходофрегата направили на пиратов ружья, не похожие на мушкеты. Стволы были потоньше, заряжались они совсем по-другому и выглядели грознее.

Пираты подчинились приказу.

Грозный капитан велел своим матросам:

- Мальчика обсушить и переодеть! - А в медную трубу, которая торчала перед ним, сказал потише: - Средний до полного!

Из высокой трубы вывалился в небо клуб чёрного дыма, за ним второй, корабль ускорил ход и стал разворачиваться.

- На корме! - распорядился капитан. - Сбейте им мачты!

Уже в дверях Малюня видел, как бабахнули кормовые пушки, и обе мачты пиратского парусника рухнули в воду. В стороне догорали обломки другого пиратского корабля.

- Вот и пусть проветрятся, - сказал матрос, уводя Малюню в кубрик, где жила команда.

- Их возьмут в плен? - спросил Малюня.

- Зачем? Чтобы вешать? Кому охота их вешать? Мы не палачи, мы военные моряки. Пусть поболтаются в океане. Выживут - Бог им в помощь. А нет, так туда и дорога.

- А что такое "океан"? - спросил Малюня.

- Э-э, да ты сухопутный! Океан - это вроде моря, только очень огромный. Водищи в нём - как в тысяче морей. И шторма в сто раз сильнее.

Он снял с Малюни его одежду, обернул голого простыней, накрыл шерстяным матросским одеялом и унёс драные вещички.

Малюня остался в кубрике один.

Оглядевшись, он для начала увидел, что сидит на длинном сундуке, превращённом в кровать. Вспомнил, что матрос назвал его рундуком. Над его головой, откинута вверх и привязанная к деревянной стене-переборке, была ещё одна койка, из веревочной сетки. Таких рундуков и откидных коек в кубрике было множество. С двух сторон имелись круглые застеклённые окошки-иллюминаторы, а под ними - два стола.

"Как все странно, - подумал Малюня. - Совсем недавно был у дикарей, которые только-только придумали лук, а теперь - пароход, пушки, стёкла. Неужели так бывает?"

Подумал - и сразу привычно стал ждать ответа. Но прождал напрасно. Не было тихого голоса, подобного лёгкому дыханию, не появилась на одеяле прозрачная пушистая фигурка величиной с ладонь.

Должно быть, кунг, не умея плавать, остался на обречённом пиратском корабле.

"Как стыдно, - подумал Малюня. - Спасая собственную шкуру, не сохранил семейного духа. Как же быть? Не идти же с этим к капитану - не поверит".

И опять - уже безнадежно - подождал ответа.

Ответа не было.

13. Снова юнга.

Тем же вечером Малюню определили на жительство в каюту старшего помощника Капитана. Это был весёлый лейтенант тридцати лет, которого все уважительно называли - Старпом. Он распорядился всем хозяйством корабля и заменял Капитана на мостике, когда тот спал. Они так и трудились круглыми сутками - восемь часов Капитан, потом восемь - Старпом, снова Капитан и опять Старпом.

Лейтенант показал Малюне его рундук и ушёл на мостик, командовать кораблём. Мальчику было велено "немедленно ложиться и спать сколько влезет, аж до подъёма".

- И забудь, что был боем, - сказал Старпом уже в дверях. - Человек должен быть только человеком. Хороших снов, малец!

Малюня думал, что не уснёт с горя. Но едва голова коснулась подушки, заснул мгновенно. И сразу увидел страшный сон: бедный маленький кунг, мокрый и беспомощный, барахтается в океанской тяжёлой воде, а прямо к нему мчится акула. Малюня схватил свой ножик и вспрыгнул на борт пароходофрегата, чтобы броситься на помощь. В это время кунг внезапно вскочил на ноги, побежал по воде навстречу акуле, ухватился за острый косою плавник и вместе с рыбиной исчез в пучине. Прыгать в воду стало бесполезно. Но едва Малюня слез на палубу, акула высоко выпрыгнула из воды и сбросила своего седока со спины. Кунг не провалился, а пустился по волнам наутёк. Чудовище распустило плавники крыльями, взмыло в небо и оттуда бросилось на кунга. Тот бежал изо всех сил, но когда акула уже сложила крылья и раскрыла пасть, он вдруг споткнулся о гребень небольшой волны и смешно растянулся и завертелся, как на льду. Акула промахнулась и ни с чем ушла под воду. Сейчас она вынырнет где-нибудь совсем близко. Надо бросить другу спасательный круг на верёвке и вытащить... Но кунг заскользил на животе вверх по большой волне, раскинул руки и взмыл в небо. Акула вынырнула и бросилась вдогонку. В последний миг Малюня с кунгом успели

вбежать в каюту и захлопнуть за собой стальную дверь. Акула всем телом шмякнулась о броню и оглушённая вывалилась за борт.

Кунг влез к Малюне на плечо, пощекотал в носу и спросил:

"Ну, как?"

От этой щекотки Малюня и проснулся.

И сразу почувствовал горе и одиночество: и папу не нашёл, и кунга не уберёт, и вообще всей жизни теперь конец.

Старпом тихо спал на своей койке после ночной вахты, в иллюминатор заглядывало раннее солнце. Но и солнце не обрадовало Малюню. Как выжить в этой страшной жизни одному? А если и выживешь, то как теперь быть семье без кунга, без маленького мудрого духа?.. Малюня приготовился закрыть полные слез глаза, и тогда по щекам потечёт.

Он решил: пусть течёт. Но едва зажмурился, едва слезы обожгли щёки, как что-то мягкое и пушистое щекотно коснулось носа, а в ушах прошелестел знакомый голос, тихий, как детское дыхание: "Ну, голубок, понравился тебе сон? Хорошо страшный?"

Малюня распахнул глаза, смахнул ресницами слезы, улыбнулся кое-как и обиженно ответил: "Ты забыл, я больше не хочу страшных сказок".

"Прости меня, - согласился кунг. - Я и в самом деле забыл. Старею".

Но Малюня ему не поверил. Он уже знал, что кунги не стареют. Он чувствовал, что дух просто устроил ему испытание. Только не понимал, зачем. И без этого испытаний хватает. Ну да ладно.

"Где ты был?" - спросил Малюня.

"Когда ты в воду прыгнул, я с тобой не успел. А как летать - забыл. Давно не летал. Вот и пришлось задержаться".

"Давно вернулся?"

"Да вот, когда ты заснул".

"И не разбудил?! Эх, ты!.."

"Того, кто спит, будить нельзя, - сообщил кунг. - Во сне ребёнок растёт и умнеет, а взрослый - ремонтируется".

"Как это - ремонтируется?"

"Ну, лечит сам себя. Так человек устроен. Ты разве не замечал: когда заболеешь, хочется лечь и уснуть?"

"Верно, - согласился Малюня. Он окончательно простил кунга и спросил о пиратах. - Как там эти бандиты без мачт?"

"Пока ещё не боятся и ругаются. Хотят притвориться, будто на них самих напали пираты. Поднимут сигнал бедствия, их начнут спасать, а они захватят корабль".

"У них же больше нет оружия".

"Есть ещё. Настоящий грабитель вооружён всегда".

"Зря их не потопили", - подумал Малюня.

"Вот и тебя жизнь сделала злым" - сказал кунг и вздохнул.

Малюне стало стыдно. Он прошептал: "Вставать пора". Кунг кивнул и впитался в переборку.

Малюня встал, осторожно оделся и вышел на палубу. Паруса были убраны, в снастях свистел встречный ветер, из высокой трубы валил дым, под ногами стучала и пыхла машина.

Моросил дождик, и казалось, что низкие тучи цепляются хвостами за серую воду.

Малюня подумал, что у моря, наверно, нет своего цвета. В нём, как в зеркале, отражается небо, то голубое и солнечное, то серое, как сейчас. Он поёжился и вспомнил о пиратах. Наверно, им сейчас тоскливо.

- Юнга, на мостик! - раздался медный голос Капитана. Малюня огляделся, отыскивая юнгу, потом поднял глаза на голос и понял, что зовут его. "Я опять юнга!" Со всех ног он бросился к трапу.

- Молодец, - похвалил Капитан, - службу знаешь.

Малюня благодарно вспомнил Кока. Тот в первый же день объяснил, почему на корабле все команды выполняются бегом:

"Во-первых, от этого часто зависит жизнь, а во-вторых, в корабельной тесноте надо двигаться побольше, а то можно и здоровье потерять".

- Давно плаваешь? - спросил Капитан. Малюня чуть подумал, соображая, считать ли плавание по реке, и сказал, что плавает уже два месяца.

Потом пришлось рассказывать о своём путешествии.

- Да-а, - Капитан вздохнул, - трудная у тебя задача. Воюют везде, отца найти будет трудно.

- А почему воюют везде? - спросил Малюня.

- Потому что трудиться не хотят, - сообщил Капитан сурово. - Если можно отобрать всё у других, то зачем трудиться?

- Но ведь так никогда на всех не хватит! - сказал Малюня. - Они что, не понимают?

- Понимают, - Капитан вздохнул. - Но каждый, у кого есть пушки, хочет, чтобы хлеб и одежду делали для него другие, у кого пушек нет. Такова человеческая жадность.

- Надо отобрать у всех оружие! - воскликнул Малюня. Капитан положил большую ладонь на его голову и улыбнулся:

- Вот мы и отбираем. Но как только у одних отберём, появляются другие... Ну, беги к Боцману, учишь морскому делу. - Он поднял свой медный рупор: - Боцман! Занять юнгу до завтрака!

Боцман был - не то, что у пиратов: огромен, могуч, строг и добродушен. Он сидел на толстой бухте пенькового каната и вывязывал шкентель с мусингами - толстую верёвку с большими удобными узлами, чтобы спускать ее за борт вместо штормтрапа.

Боцман оглядел юнгу с ног до головы, сощурился, улыбнулся, пошарил у себя за спиной в ящике и жестом факира развернул перед Малюней новенькую робу - точно такие же брезентовые брюки и рубаха с широким вырезом, как у всей команды. И как раз впору.

- Переоденься.

Малюня швырнул акулам свои изношенные и засаленные одежды и предстал перед начальством как настоящий военный моряк. Боцман одобрительно кивнул, поправил юнге воротник, велел присесть рядом на небольшую бухточку тонкого каната, именуемого линьком, и поднял голову к небу.

- Теперь туда смотри, сынок. На флаг смотри. Военный корабль начинается с флага и кончается флагом. Есть флаг - есть корабль. Нет флага - нет корабля.

Малюня уже видел, как пираты спускали свой костлявый чёрный флаг, когда сдавались. Но ведь никуда после этого не делся их корабль, никуда не делись отточенные тесаки и заряженные мушкеты. И он посмотрел на Боцмана.

- Ты не понял, - заметил Боцман. Малюня кивнул.

- Флаг - это честь моряка, - объяснил Боцман. - У каждого человека может быть дом, богатство, друг и всё прочее, что можно легко потерять. Дом сгорает, богатство отнимают, друг погибает, и ничего тут не поделаешь. Но честь отнять не может никакая сила, если человек не отдаст её САМ. И тогда он становится рабом. Ты ведь был рабом у пиратов?

Малюня покачал головой.

- Я ведь убежал.

- И чести не потерял! - воскликнул Боцман. - И молодец! Ты - свободный человек. Считаю, что попал к своим. Вот этот флаг - посмотри на него! - наши корабли НИКОГДА И НИ ПЕРЕД КЕМ не спускали.

Малюня поднял голову. В сером небе, вытянувшись на ветру, волновался белый флаг с двумя скрещёнными голубыми полосками.

- Теперь это и твоя честь, - сказал Боцман. - Полюбуйся и давай вязать узлы. Без этого умения нет моряка. Что такое моряк, который не умеет вязать узлы?..

С этого момента рот у Боцмана не закрывался. На то и Боцман, чтобы знать о морском деле всё, включая шутки. Малюня из того линька, на котором сидел, вязал различные узлы и в то же время узнавал, как называется какая мачта, запоминал имена парусов и смеялся разным флотским байкам.

- А чай на клотике ты пил? - спросил наконец Боцман. Эту шутку Малюня знал от Кока: на верхушке мачты чай не попьёшь.

- Тогда пошли на завтрак! - Боцман встал и засвистел в свою дудку.

14. Честь.

Два месяца Малюня воевал с пиратами. Одни дрались яростно, их приходилось топить. Другие сдавались, у них отбирали оружие и отпускали.

Ни среди матросов пароходофрегата, ни среди пиратов папы не было. Из-за этого Малюне хотелось на берег. Он ЧУВСТВОВАЛ, что папа воюет где-то НЕ НА ВОДЕ. Кунг чувствовал это тоже.

Но отпустить Малюню Капитан не мог. Было задание - бороться с пиратами, пока хватает угля и припасов, потом зайти в порт, заправиться, дать команде недельный отдых и - снова в океан.

Припасов оставалось ещё на месяц, надо было терпеть.

Малюня подружился с Боцманом, целыми днями был при нём и многому научился. С утра до вечера Боцман гонял юнгу со всякими поручениями то на мачту, то на мостик, то в машинное отделение, то в какую-нибудь кладовку с мудрёным названием. Заставлял запоминать разные морские слова. Приказывал подолгу стоять у компаса рядом с рулевым и различать направления. Позволял помогать корабельному коку. Объяснял, как работают разные механизмы, как стреляет пушка и чем отличаются друг от друга различные якоря. Малюня хотел поначалу даже переселиться от Старшего Помощника в матросский кубрик, но там не нашлось свободной койки. Пришлось проводить вечера в обществе Старпома.

И уже через неделю Малюня радовался, что не ушёл в кубрик. У Старпома оказалось много интересных книг, а читал Малюня уже довольно быстро. Ещё он научился у Старпома читать карту и лоцию. Они вместе определяли место корабля в океане по Солнцу и звёздам, прокладывали курс с помощью транспортира, циркуля и двойной шагающей линейки, а когда выдавались свободные часы, весельчак Старпом любил попеть. Он сам сочинял песни, и почти все они были не о море, а о полётах. "Почему?" - спрашивал Малюня. "Море - вот оно, - отвечал Старпом, - я тут живу. А песня -

это мечта. Вот ты - о чём мечтаешь?" "Мечтаю найти папу". "Значит, и петь ты должен про папу. Ну-ка, давай сочинять". И они за вечер сочинили песню про папу, а потом Малюня стал учиться играть на гитаре, чтобы петь её самому.

Гитара была чёрная. Старпом поцарапал, поцарапал её ножичком до белой древесины, и за вечер получился очень похожий портрет улыбающегося Малюни. Как настоящий художник, проверил сходство зеркалом и сообщил: "Вот теперь ты будешь всегда со мной. А если погибну, гитара останется тебе, на память". И в следующий вечер нацарапал самого себя. Тоже как живого.

От Старпома узнал Малюня и о том, что Земля - это шар-планета, которая летает вокруг Солнца, а Солнце - такая же звезда, как прочие на небе, только до прочих очень далеко, оттого они и кажутся точками.

Кунг весьма уважал и Боцмана, и Старпома. Он немного ревновал к ним Малюню и старался тоже чем-нибудь отличиться. Но поскольку никаких животных на пароходофрегате не водилось, пришлось ему ограничиться выдумыванием снов. Сначала занимался одним Малюней: устраивал ему сны о доме или выдумывал новые сказки. Потом наступила очередь команды. И матросам, и офицером, и самому Капитану снился один сон, и утром они рассказывали его Друг другу и удивлялись.

- Устал народ, - говорил Капитан Старпому и вздыхал.

Малюне тоже было чему удивляться. Он спросил: "А как же остальные кунги? Они разве не сердятся на тебя?" Кунг на это ответил: "Остальные кунги сидят по домам, со своими семьями. Они на войну не ходят. Я бы тоже сидел, но ведь ты пока не взрослый, тебе нужна помощь". Малюня спросил ещё, не кажется ли кунгу, что Старпом похож на папу. "На какого папу? - уточнил весело кунг. - Если на своего, то, наверно, похож". "Да на моего же!" - Малюня даже обиделся. Кунг немного помолчал и прошелестел уже без всякого смеха: "Сходство есть. И годами, и добротой, и весельем, и храбростью... А вот лицом они разные". "А умом?" "Насчёт ума не ведаю, - признался кунг. - Твой папа ушёл воевать давно, с тех пор я его не видел. Надеюсь, поумнел, если ещё живой". "Но ведь ты всё время уверял меня, что он не погиб!" "Что поделаешь. Бывает, и кунги ошибаются. Давай сказку расскажу. Про глупого солдата". "Не надо, пожалуйста. Лучше отдохни, а я выйду на палубу, подышу".

Малюня оделся и тихонько вышел на палубу.

Стояла тёмная тёплая ночь. На море был полный штиль. Только иногда слышался плеск за бортом: это мелкие кальмары и летучие рыбки спасались от прожорливых мурен и барракуд. Корабль шёл малым ходом, едва дымя высокой трубой.

По мостику прохаживался капитан, попыхивая трубкой. Он не заметил юнгу, а Малюня решил не мозолить начальству глаза и тихонько ушёл на корму. Там было совсем тихо и темно. Можно было посидеть в спасательной шлюпке и подумать как следует - о папе, о Старпome и вообще о жизни.

"Жизнь - очень странная, - думал Малюня. - Пока человек мал и ничего в ней не понимает, она кажется ему простой. Но чем больше узнаёшь, чем умнее становишься, тем НЕПОНЯТНЕЕ делается жизнь. Выходит, чем ты глупее, тем легче тебе живётся?"

Он сидел в шлюпке под брезентом и смотрел в щёлку туда, где звёздное небо касалось воды. Луны не было, точки звёзд горели ярко и слегка подмигивали. В неподвижной чёрной воде их можно было насчитать столько же, сколько на небе. Горизонт едва угадывался по легчайшей дымке - там звёзды светились тускло и не отражались в воде. Усталый океан накапливал силы для новых бурь. Могучее небо готовилось его усмирять.

Океан! Зачем ты рвёшься ввысь? Не потому ли, что завидуешь крыльям альбатросов и человеческим парусам?

"Странная мысль, - сказал себе Малюня. - Зачем мне океан и его зависть? Зачем мне небо с его звёздами и альбатросами? Мне папа нужен. Найти - и домой. Это не кунг ли мешает? Эй, кунг!"

Но кунг не ответил.

"Затаился, - подумал Малюня. - Подслушивает, родственник, подсматривает, как бы я чего не натворил... Не бойся, дух, не натворю. Мне здесь хорошо".

На этот раз кунг не утерпел и отозвался:

"Да я и не боюсь. Ты у нас совсем уже мариман, хоть с трубкой на мостик. Сумеешь командовать фрегатом?"

"Зачем ты вылез? Спал бы на моей подушке. Худо, что ли?"

"Ещё лучше - под подушкой, - голосок кунга стал чуть тревожным. - Мне, может быть, скучно без тебя... Посмотри-ка на норд-вест".

Малюня нашёл над горизонтом Полярную звезду и посмотрел на четыре румба левее. Там, на тусклой границе неба и океана, ярко и быстро мигала небольшая звезда.

"Ой, что это?"

"Морской световой код, - сообщил кунг. - Ты ещё не встречал. Погоди-ка..."

Малюня, волнуясь, дождался, пока кунг прочитает сигналы с горизонта, и услышал вот что:

"Дрянь наше дело. Приказывают остановиться, иначе будут стрелять".

Впереди, у мостика, уже происходила какая-то суэта. Слышались команды и топот ног. Корабль круто изменил курс.

Рядом с мигающей звёздочкой на горизонте вспыхнула на миг ещё одна, поярче.

"Совсем худо",- сообщил кунг.

И тут же над кораблём что-то прошипело, едва не задев трубу, и недалеко за бортом поднялся тяжёлый столб воды. Злой горячий воздух оттуда рванул брезент со шляпки.

-Ничего себе! - пробормотал Малюня. Он никогда не видел, чтобы пушка стреляла так далеко.

Пароходофрегат снова изменил курс. На шкафуте громко били в колокол. Расчёты занимали места у пушек.

Мимо шляпки, где сидел Малюня, быстро прошёл Старпом. Донёлся его голос:

- Где юнга? В кубрик юнгу!

"Пошли в кубрик, - потребовал кунг. - Авось внизу, за бронёй не зашибут".

"Везде зашибут, - возразил Малюня. - Вон какие у них пушки... Лучше уж посмотреть. Не так страшно".

"И то, - согласился кунг. - Давно не бывал я в боях. А ты и в самом деле мариман: не боишься".

"Боюсь, - возразил Малюня. - Да деваться некуда".

Пароходофрегат теперь часто менял курс. Малюня знал: корабль идёт зигзагом, чтобы противнику было труднее целиться. Отважный капитан шёл навстречу мощному противнику, чтобы достать его из своих пушек.

Абордажная команда выстроилась возле Малюниной шляпки. Командовал Боцман. Пройдя перед строем, он всех осмотрел и коротко высказался:

- Дело плохо, ребята. У них лучше пушки. Но если сойдёмся бортами, у них руки не длиннее наших. Садись! Покурим.

Шутка о руках ободрила команду. Кто-то добавил, что после этого боя как раз можно и домой, на отдых. Но говорили мало. Запахло табачным дымом.

- Что-то больше не стреляет, - сказал один из матросов.

- А тебе сильно хочется? - съязвил другой.

- Удивляется, что не бежим, - объяснил серьёзно третий.

После молчания Боцман пошутил:

- Вот будет сраму, если он побежит, а мы не догоним.

Засмеялись тревожно. Шутка вышла мрачноватая.

- Уходит вправо, - сообщил Боцман вскоре.

- Быстро идёт, - оценил кто-то из матросов.

- Эх, не догоним! - Боцман всё же повторил свою шутку, и Малюня почувствовал, что старому моряку хочется не догнать противника.

"Бойтся, что ли?" - подумал Малюня с удивлением.

"Не за себя", - объяснил кунг.

Конечно, Боцман жалел своих бойцов, из которых и так уже полегли в абордажных драках трое.

До самого рассвета пароходофрегат пытался приблизиться к мигающему противнику на выстрел своих пушек, но стремительный незнакомец ходил, будто акула, кругами, не вступая в бой.

Чего он ждал?

Когда край Солнца выглянул из-за горизонта, враги стали хорошо видны друг другу. И тогда неприятель начал решительно приближаться к пароходофрегату.

Был он и в самом деле похож на акулу. В воде сидел низко, парусов на двух коротких мачтах не нёс, трубой не дымил, и вода, разрезаемая хищным носом, бугрилась за кормой высоким буруном. Он подошёл так близко, что уже можно было разглядеть на палубе башенки с пушками. Стрелять по нему было ещё далековато, да это и не требовалось пока: ведь сам неприятель стрелял ночью только мимо.

На мачту железной акулы всползла цепочка разноцветных флажков.

Кунг разбудил задремавшего Малюню.

"Смотри! Они догадались ночью, что у нас не понимают световых сигналов, теперь пытаются объясниться на языке флагов!"

Язык флагов Малюня уже знал. Он с первого взгляда прочёл на чужом гафеле сигнал, который при нём не раз поднимал для пиратов пароходофрегат: Спустить флаг и лечь в дрейф!"

Рядом со шляпкой, где сидел Малюня, выругался Боцман.

- Ишь ты-ы-ы, - сказал кто-то из матросов.

Пароходофрегат поднял на мачту вопрос: "Кто вы?" Ответили грубо: "Не ваше дело". И повторили: "Спустить флаг и лечь в дрейф!"

Капитан закричал в свой медный рупор:

- Ну, что, братья, сдаваться будем?

- Нет! - проревела в ответ команда.

- Спасибо! - крикнул Капитан и приказал: - Поднять "Честь имею"!

С этим гордым ответом пароходофрегат ринулся в атаку. Но что это была за атака...

Носовая башня пирата повела стволом в сторону отважного безумца и первым выстрелом разворотила трубу. Пароходофрегат окутался собственным дымом и несколько сбавил ход. Второй снаряд переломил бизань-мачту, и гордый боевой флаг рухнул за борт.

- Флаг - на фок-мачту! - приказал Капитан. - Носовое, пли! Бабахнула носовая пушка. Ядро не долетело до цели. Ответный выстрел пирата лишил героев носовой пушки вместе с расчётом.

- Поднять последний! - приказал Капитан, и тут же четвёртый снаряд угодил в мостик.

Абордажная команда вместе с Боцманом перебежала на самый нос, где раньше была пушка, чтобы в момент тарана броситься на врага. Малюня уже не боялся, что загонят в кубрик, и стоял в шлюпке во весь рост, не зная, кому нужна его помощь. Раненых на корабле не было, только убитые.

Старпом вскарабкался на разрушенный мостик и повторил последнюю команду Капитана.

Вместе с боевым флагом на фок-мачте подняли сигнал: "Погибаю, но не сдаюсь!"

Снаряд противника отломил часть фок-мачты, но флаги уцелели.

Матросы и офицеры запели "Мы честь не уроним в бою". Эту песню Малюня не раз певал со Старпомом под его гитару. Теперь он стал подпевать и приготовился к смерти. Он не боялся смерти. Он знал, что когда его тело разорвёт в клочья вражеским снарядом, душа переселится в кунга, и он полетит, полетит - над океаном, над морем, над рекой, над городами и лесами - домой, к маме и к бабушке с бабушкой. Только было жаль помирать раньше папы, не повидавшись с ним живым.

Старпом с разбитого мостика разглядел-таки Малюню сквозь дым.

- Шлюпку с юнгой - за борт!

Комендоры двух бортовых пушек быстро выполнили команду: развернули шлюп-балки, освободили стопоры, а когда шлюпка рухнула на воду, два матроса спустились в неё, освободили найтовочные концы и по ним же вернулись на корабль, оттолкнув шлюпку ногами от железного борта. Они весело улыбнулись юнге и помахали ему бескозырками.

Чёрный борт пароходофрегата быстро проскользнул мимо. Зарываясь в воду развороченным носом, корабль удалялся в свой последний бой, который лучше бы назвать расстрелом.

Малюня на миг подумал, что такие же расстрелы пароходофрегат и сам устраивал деревянным пиратским парусникам. Но тех жалко не было. Они были грабителями. И им всегда позволяли спастись. А эта серая железная акула стреляла по честному незащитному кораблю уже из всех пушек, и он всё глубже зарывался носом в воду.

Морское течение быстро относило Малюню от боя.

"Везёт, везёт, как везёт!" - кричал кунг.

А Малюня не мог оторвать глаз от этого ужаса.

Корабль-убийца перестал стрелять из пушек, зашёл сбоку, развернулся бортом и сбросил в воду длинный снаряд.

"Торпеда!" - прошептал кунг. Он устроился у Малюни на плече. Он ничего не весил, но Малюне казалось, что маленькое пушистое тело слегка дрожит.

Ужасный взрыв переломил несчастное судно пополам, и волны поглотили его в несколько мгновений. Крутой водяной вал едва не опрокинул шлюпку. Но Малюня, вцепившись в борт, не обратил на это внимания. Он смотрел, как из облака обломков, подброшенных в небо, прямо к его шлюпке летит, вертясь, какой-то знакомый предмет. Он был плоский, чёрный, поблёскивал боками на солнце, а когда шлёпнулся на воду, то не утонул, а оказался гитарой Старпома.

"Если погибну, гитара останется тебе; на память".

Малюня вспоминал эти слова, когда ворочал в воде тяжеленным веслом, подталкивая шлюпку к гитаре. Наконец дотянулся, вылил из неё воду, вытер бока собственной форменкой, посмотрел на портрет Старпома и заплакал.

Сквозь слезы он не видел даже, как пиратский корабль изменил: курс и малым ходом двинулся к его шлюпке.

15. Акулы всюду.

- Дитя с гитарой! - услышал Малюня голос над головой. Голос был весёлый, звучный и приветливый. Голос был молодой. Голос был женский. И звучал, казалось, со всех сторон.

- Ко мне его! - приказал голос. - На мостик вместе с гитарой!

Кунг впитался в гитарный гриф.

Сильные руки подняли Малюню на борт корабля, и он увидел вокруг себя одних только женщин. Все они были молодые, красивые, с короткими волосами, в чистенькой, выглаженной матросской форме: синий берет, тельняшка, свободные брюки и форменка из тонкого белого полотна, а на ногах - лёгкие парусиновые туфли. Просто не верилось, что эти весёлые красавицы только что отправили на дно боевой корабль с благороднейшими моряками.

Малюню мигом доставили на мостик, и он предстал перед самой красивой из красавиц. Одетая она была так же, как все, только на форменке, пониже левого плеча, был вышит не один цветок, как у всех, а целый букетик.

- Кто ты? - Она спросила тем капитанским голосом, что звучал со всех сторон, только уже совсем не громко.

- Я - юнга, - ответил Малюня.

Красавица из красавиц была ему очень неприятна, но при этом и удивляла больше всех. Малюня не мог понять, как это вот ТАКАЯ ЖЕНЩИНА может спокойно приказать, чтобы убивали. Ну как могла бы, например, убивать Малюнина мама?!

Красавица-капитан внимательно и без злости оглядела пленника, взяла из рук гитару, всмотрелась в портрет Старпома.

- Он тебе не отец.

Малюня кивнул. Про себя он дал ей имя - Букетик.

- Ты, значит, сирота? - спросила Букетик.

- Я ищу папу, - сказал Малюня неохотно.

- Почему в океане?

- Я не знаю, где он.

- Кто же твой папа?

- Где-то на войне.

- Я не спрашиваю, где, - поправила Букетик строго. - Я спрашиваю, кто он? Рядовой, офицер, врач, артиллерист? Или повар?

- Не знаю, - повторил Малюня и решил с ними тут не стесняться. - Я сам - повар.

Букетик усмехнулась.

- Ты только что юнгой себя назвал.

- Я был коком у пиратов, - сказал Малюня со злостью. - А у настоящих моряков я стал юнгой.

Букетик засмеялась и посмотрела на беловолосую красавицу, которая привела к ней Малюню.

- Слыхала, Ромашка? Мы потопили, оказывается, настоящих моряков.

Обе захохотали. Малюня подождал, пока отвеселятся, и строго заявил:

- Они были добрые люди и воевали против пиратов.

Красавицы переглянулись.

- Запомни, дитя, - сказала Букетик, и её твёрдый красивый палец больно упёрся Малине в грудь, - ДОБРЫЕ ЛЮДИ НЕ ВОЮЮТ. Не воевал - был добрый, стал воевать - сразу злодей. Понятно?

- А вы? - спросил Малюня дерзко, глядя ей прямо в прекрасные синие глаза.

Её брови сошлись, а глаза потемнели.

- И мы злодеи! И будем злодеями, пока не перебьём всех, кто воюет! У нас лучшая в мире техника, мы топим всех, кто вооружён! Мы хотим, чтобы дети имели отцов, чтобы не искали их по свету невесты где.

- Вы могли убить моего папу! - перебил Малюня.

- Конечно! Зато другие папы когда-нибудь испугаются и не пойдут из дома воевать. Понял?

- Мы - добрые злодеи, - добавила Ромашка. - Понял?

Малюня опустил голову. Он ничего не понял. Что это за доброе злодейство? Что это за доброта, которая убивает без разбора?

Тут из маленького решётчатого ящичка на стене раздалось:

- Корабль на горизонте, норд-норд-вест!

Букетик придавила кнопку на столе и сказала в ящичек:

- Курс норд-норд-вест! Догнать и опознать! Самый полный!

Внизу, в корабле что-то глухо завывало, под полом прошла дрожь, и он рванулся из-под ног. Малюня едва устоял.

- Как называется ваш корабль?

Букетик посмотрела на него с одобрением и спокойно ответила:

- "Акула". А ваш как назывался?

- Пароходофрегат, - сообщил Малюня веско.

- Чудо всех времён! - Ромашка фыркнула. - Там, наверно, уже снимки готовы...

Букетик оживилась:

- Неси!

Когда остались на мостике вдвоём, она спросила:

- Хочешь быть у нас коком?

Малюня ещё не знал, что очень часто мужчины готовят лучше женщин. Дедушка дома не готовил. На кораблях, где бывал Малюня, мужчины готовили из-за нужды. А здесь, наверно, каждый матрос (или, как её, матроска?) готовит лучше...

- Не хочу, - ответил Малюня, хоть и понимал, что могут заставить.

- Почему? Боишься? Чего?

Она очень точно была в словах.

- Засмеёте, - ответил Малюня. - Вам не угодить.

А сам подумал: "Сейчас закричит: "Марш на камбуз" да ещё треснуть может, акула ведь". Он

всех здесь уже прозвал акулами, никакие цветочки не помогли.

Но она не стала кричать. И смеяться не стала. Усадила его на кожаную лавку, села рядом и очень серьёзно сказала:

- У нас никто не любит готовить. Не веришь? Мы ведь злодеи. Нам не хочется делать мирные дела. Мы только ищем и топим корабли. Мы ПРИВЫКЛИ ЗЛОДЕЙСТВОВАТЬ.

- А почему у вас одни женщины? - решил спросить Малюня.

- Я же тебе говорила, - она вздохнула. - Мы хотим всех мужчин вернуть домой. Хотим, чтоб они перестали воевать. Зачем же брать их с собой на войну?

"Непонятно, - подумал Малюня.- Разве кого вернёшь, если все воюют?"

Кунг в это время шептал: "Соглашайся быть коком, соглашайся!" "А куда я денусь?"- подумал Малюня.

Тут на мостик поднялась Ромашка. Подала капитану цветные картинки. Поскольку сидели рядом, Малюня заглянул.

На всех картинках был пароходофрегат. Сначала с гордым флагом на мачте, потом весь в дыму, с развороченным носом, весь в огне и наконец - взрыв.

- Торпеда попала как раз в машинное отделение, - сказала Ромашка. - Bravo!

- Узнаёшь? - спросила Букетик.

У Малюни навернулись слезы. Он молча кивнул.

- Говоришь, добрые были? С пиратами воевали? - Букетик мрачно засмеялась. - Знаем! Отбирали оружие и отпускали. А пираты вооружались снова... Нет уж! Топить всех, кто вооружён! СТРАХ СПАСЁТ МИР!

Малюня вдруг ужасно захотел спать. Он ведь не спал всю эту страшную ночь. И Ромашка, это сразу заметила.

- Он спать хочет.

- Ещё бы, - согласилась Букетик. - Мы всю ночь не давали ребёнку спать. Отведи в свою каюту и присмотри за ним.

- Идём, - сказала Ромашка.

По крутым металлическим трапам и узким переходам привела его в скромную каюту, уложила на узенький рундук и сразу ушла, заперев дверь на ключ. Гитару она повесила на крючок.

А Малюня, едва лёг, сразу уснул, и, как ни старался кунг нашептать весёлый сон, снились ему только акулы. Они резвились в воде, рвали зубами друг друга, пугали, но не трогали Малюню, многие из них хорошо летали, и у каждой на белом брюхе был вышит яркий, красивый цветок. Акулы гонялись в небе за чайками, но поймать не могли, а чайки удивлённо на них оглядывались. Когда же одна из акул залетела слишком высоко, её там схватил невиданных размеров орёл и понёс куда-то к Солнцу, пока не исчез в его слепящих лучах...

Проснулся Малюня от солнечного света, который бил в лицо. И оказалось, что проспал он целые сутки, и за это время женский корабль успел догнать ещё две жертвы, но одну отпустил, потому что там не оказалось никакого оружия.

- Ну что, - спросила Ромашка, рассказав новости, - пойдём на камбуз?

Малюня понял, что теперь он - корабельный кок.

Но накормить свирепых красавиц ему не пришлось ни разу.

Вода в котлах ещё не успела нагреться, когда Малюня, выглянув из двери камбуза, увидел в море далёкий всплеск, будто акула из страшного сна в самом деле захотела полетать. Но за этой акулой тянулся дымный след, а из хвоста вылетал огонь. Малюня узнал снаряд: такой же торпедой утопили красавицы пароходофрегат. Только та не летала. Да ещё так быстро. Да ещё и вылетела неизвестно откуда, прямо из-под воды.

Торпеда летела сначала вверх, потом, будто принюхавшись, круто повернула и ринулась прямо на женский корабль. Малюня слышал, как на разные голоса завизжала команда, тут же захлопали тонкоствольные пушки, именуемые здесь автоматами, и летучая торпеда со страшным грохотом взорвалась, не долетев до корабля.

А вторая мчалась в это время у самой воды, и сбить её акулы автоматы не смогли. Недалеко от корабля она нырнула и под водой врезалась в корму.

Взрывом Малюню сбilo с ног. Поднявшись, он обнаружил, что кормы больше нет, а под палубой уже не воеет, а задушенно кашляет и простуженно чихает повреждённая машина. Вода больше не разбегалась от острого носа длинными усами и не вставала буруном сзади. Дым от пожара пополз по дрожащей палубе.

- Пожарная тревога! - загремел по всему кораблю голос капитана. - Ребёнка - в шлюпку и за борт!

Ромашка, вся в слезах, и ещё две красавицы-акулы бегом промчались Малюню к спасательной шлюпке, на ходу сообщили, что там есть еда и вода на целый месяц, и всё повторилось, как на пароходофрегате.

Шлюпку относил течением от гибнущего корабля. Корабль вертел башнями, разыскивая противника.

Потом два ужасных взрыва разломили "Акулу" на части, и обломки стали медленно тонуть. Малюня смотрел на это и плакал. Ему почему-то стало так жалко жестоких красавиц, будто каждая из них была его мамой.

О тех, кто уничтожил "Акулу", он думал с презрением: "Подлые убийцы! Трусливые твари! Вас тоже потопят..."

И случилось именно так.

Сначала из-под воды показалась надстройка, потом вынырнула передняя часть палубы, и наконец длинный и грозный подводный корабль закачался на мёртвой зыби равнодушного океана. Из люков появились люди с оружием в руках. Обломки "Акулы" тонули совсем рядом, и подводники в упор расстреливали тех, кто уцелел, беззащитных женщин!

Малюня сжался в шлюпке. Из ружей его, пожалуй, не достанут, но вон та штука на баке подводного корабля очень напоминает пушку...

Будто услышав его мысли, убийцы стали разворачивать пушку в сторону шлюпки. Жить оставалось недолго.

Не броситься ли за борт, подумал Малюня. Но тут, как по заказу, рядом плеснула хвостом большая акула, и он решил, что смерть от взрыва - это всё же не так противно, как в акульих зубах. Он не отрываясь смотрел, как наводят на него пушку, и представлял, как мигнёт выстрел и как вторая вспышка - от взрыва - будет последней в его короткой жизни.

Однако подводники вдруг оставили свою пушку и бросились к люкам.

Не успел Малюня удивиться неожиданной удаче, как из небесных высот пришёл звук, похожий на жужжанье небольшой мухи. Жужжанье густело и усиливалось пугающе быстро, Малюня уже различал саму эту муху, которая камнем падала с неба и превращалась сначала в шмеля, потом в птицу и наконец в большую ревущую лодку с крыльями.

"Тук! Тук! Тук!" - это начала бить пушка подводного корабля. Там, наверно, поняли, что от воздушного врага не уйти на глубину, и решили обороняться.

"Это самолёт! - сказал кунг из гитары, которую Малюня успел захватить в шлюпку. - Это гидроплан. Он плавает!"

Выше гидроплана лопнули снаряды подводников. Облачка взрывов никак не выглядели опасными. Но Малюня не забывал, что самый первый из этих снарядов хотели отправить в него, поэтому сразу замёрз и съёжился.

Уклоняясь от выстрелов, самолёт упал к самой воде, и в этот момент, почти над головой Малюни, от него отделилась торпеда. Белый пенистый след её стремительно потёк в сторону подводного корабля, а самолёт косо взмыл в небо.

Корабельная пушка сделала ещё два выстрела, и знакомый жуткий взрыв торпеды оборвал подлую жизнь подводных негодяев. Но и они успели попасть в самолёт.

Обломки гидроплана и подводного корабля падали в воду одновременно.

Всё кончилось. Маленький человек остался в океане один, с месячным запасом воды и продуктов.

Был в шлюпке мотор, которым Малюня не умел пользоваться. Было ручное оружие, которое стреляло быстро и часто - его Малюня выбросил за борт. И была складная мачта с парусом. При нужде парус можно было превратить в палатку, которая крепилась к бортам и достаточно провисала, чтобы можно было собирать дождевую воду или капли тумана.

"Живём, - сказал кунг. - Нам с тобой безумно везёт".

Малюня суеверно поплевал через левое плечо, где обычно прячется нечистая сила. В том, что за правым плечом у него есть ангел-хранитель, сомневаться не приходилось: уж очень близка была погибель, которую он отвёл.

А может быть, это и был кунг?

16. Спасение.

Читатель! Если тебе не очень давно исполнилось восемь лет, ты должен помнить, что в этом возрасте человек очень храбр и мечтает попасть в такое место, где можно в одиночку совершить множество побед - на войну, в разбойничью шайку, на необитаемый остров или, того интереснее, на дикую чужую планету. Наверно, ты позавидовал Малюне, когда ему так здорово повезло: и уцелел, и шлюпка, и палатка, и продукты. Идёшь под парусом и жалеешь, что выбросил автомат: можно было бы пострелять по чайкам или по акулам. Да? Не очень завидуй. Посмотри, каково Малюне одному в океане.

Тоска началась на второй день. Малюня вспомнил: если рядом нет чаек, значит до берега далеко. Очень далеко.

Но если бы чайки и были, он всё равно не стал бы в них стрелять. От покойного Кока, первого своего учителя, он знал и другое: в чаек вселяются души умерших моряков. Наверно, даже сумасшедший не выстрелит в птицу с человеческой душой. Малюня ждал чаек, как спасения, и был почему-то уверен, что в первой, которая к нему прилетит, поселилась душа Кока.

Не стал бы он стрелять и по акулам, которые иногда равнодушно проплывали мимо, показывая острый плавник и сразу исчезая в глубине. От любимого друга, покойного Старпома, он знал: стоит пролиться в океане хоть капле крови, и на её запах отовсюду примчатся сотни акул. Вот тогда-то они будут по-настоящему опасны.

Одним словом, Малюня ни разу не пожалел, что избавился от оружия. Погибшие красавицы с "Акулы" кое в чём были всё же правы: если бы люди перестали воевать, он не болтался бы сейчас посреди океана, боясь пролить хоть каплю питьевой воды и изо всех сил удерживаясь, чтобы не съесть лишнюю галету.

Страх голодной смерти начался на второй неделе, когда Малюня увидел, что галет в ящике убыло заметно, что их надо пересчитать и разложить стопками - хотя бы на месяц.

Пресная вода убывала тоже, значит тратить её на умывание нельзя. Это Малюня сообразил только на третий день. Умываться же водой из-за борта - хуже, чем не умываться вовсе: соль стягивает и щиплет кожу. Малюня бросил мыться.

Неприятно было и то, что на шлюпке нет туалета, который моряки называют гальюном. Хоть и мало ел и пил Малюня, но время от времени всё же приходилось вместо гальюна свешиваться за борт, а ведь там акулы...

Не обходилось и без ужасов. Когда ночью за бортом раздавался плеск, а вода вдруг шла светящимися, искрящимися кругами, восьмилетнему человеку мерещился и гигантский спрут, будто бы таскавший моряков прямо с палубы, и русалка, которая чем-то может навредить, и знаменитый морской змей в полмили длиной, и особенно зубастый кит-косатка, смертный кошмар всех океанов. Мог в темноте и какой-нибудь корабль слепо затопить шлюпку без огней - из-за этого было страшно засыпать.

Днём эти ужасы отступали под лучами солнца, и приходила надежда на какой-нибудь парус над горизонтом. К полудню надежду вытесняла тоска. Малюня тосковал по дому, по тихой речке, по зелёному лугу с настоящими, а не вышитыми цветами, по маме и бабушке, которые никого не хотят топить, по деду, который всё знает и всё понимает. Даже папу Малюне так не хотелось найти, как хотелось оказаться дома.

А что же кунг? Разве не за тем он отправился в скитанья с самым младшим из семьи, чтобы в трудную минуту быть ему опорой?

Опора сразу сообщила Малюне, что уже бывала в таких переделках, умирала от голода и жажды, поэтому ей теперь ещё хуже, чем Малюне, и она намерена забиться в борт шлюпки и там тихо страдать от жутких воспоминаний.

Малюня в ответ только пожал плечами. Если уж кунг не в силах помочь ему, то разве может он помочь кунгу?

Несколько дней они страдали врозь. Был момент, когда Малюне начало казаться, что собственная тоска скоро его убьёт. Но чем сильнее становилась тоска, тем печальнее и громче звучали вздохи из шлюпочного борта, они наконец начали мешать...

"Ну чего ты вздыхаешь? - думал Малюня. - Я умру, ты возьмёшь мою душу и будешь таков. Полетишь к деду. Кунгу свою обрадуешь. А может быть, без меня папу найдёшь. Начнёшь ему показывать сны о нашей семье, он затоскует по дому и сам вернётся. Я же вот тоскую... Так что нечего тут вздыхать".

Но кунг не отвечал, будто не слышал, а вздохи к концу недели стали совсем уж душераздирающими.

Отдавать кунгу такую разодранную свою душу Малюне стало противно. Он целый день думал, что бы этакое предпринять, и наконец решил, что надо как-то успокоить кунга, чтобы хоть перестал вздыхать. Тогда и сам Малюня легче и спокойнее расстанется с душой.

До сих пор Малюня не произнёс в шлюпке ни слова вслух, потому что боялся, как бы голос не привлёк внимание какого-нибудь океанского чудовища. Но теперь, когда бояться стало нечего, потому что всё равно помирать, он заговорил громко.

- Вот что, мой дорогой, - сказал Малюня. - Нечего тебе вздыхать. Вылезай из борта, поговорим.

Ответом был самый тяжкий вздох, и никто не вылез. Малюня подождал немного, потом сказал:

- Хорошо, как хочешь. А я определю своё место в океане, поставлю парус и поплыву к берегу.

Он достал из непромокаемой коробки карту, компас и секстан и сделал всё так, как учил Старпом: навёл прибор на Солнце, покрутил вот здесь, передвинул это вот сюда... Оказалось, что за те несколько раз, когда Старпом показывал, Малюня научился только смотреть, а руки ничего не запомнили. Да и в голове было не очень светло. Он ещё повертел секстан, посмотрел через него на Солнце, на горизонт - и убрал прибор в коробку. Но тут же достал его снова, и опять навёл на горизонт.

Да теперь и наводить было не нужно! Чёрная точка над самым горизонтом не померещилась. Она быстро увеличивалась, она летела, и это была не птица!

- Самолёт! - сказал Малюня громко. И попросил: - Ну же, вылезай...

Кунг был уже тут как тут.

- Самолёт? Какой?

Это был гидроплан, точно такой же, как тот, что сбросил торпеду на подводный корабль.

- Не утопил бы он и нас, - сказал Малюня.

- Надень спасательный жилет, - посоветовал кунг.

- Акула ноги откусит, - возразил Малюня. - И велик мне жилет. Не хочу в воду, пусть бросает торпеду. Умру хоть сразу.

Самолёт прошёл прямо над шлюпкой и сразу начал разворачиваться.

- Вот и всё, - сказал Малюня.

Он посмотрел на свои руки и увидел, что они вцепились в борт шлюпки. "Нечего бояться взрыва, - подумал Малюня. - Лёгкая смерть".

Гидроплан опять летел к шлюпке. Теперь он быстро снижался.

- Садится, - сказал кунг.

Моторы загудели тише, острое брюхо летающего корабля заскользило по гладкой воде, коснулись поверхности поплавки на концах крыльев, моторы взревели, взвились радуги в водяной пыли, гидроплан поплыл к шлюпке.

- Неужто из автомата? - сказал Малюня. - Это противно.

- Они не будут убивать, - успокоил кунг. - Ради этого садиться не стоит. Акулы ведь тебя спасли.

- Какие акулы?

- Забыл со страху? - Кунг рассмеялся. - Женский корабль.

- Я не боюсь, - Малюня обиделся. - Сам ты боишься. Я же сказал: противно, когда убивают из автомата.

В борту гидроплана сдвинулась дверь, выглянули двое.

Они улыбались!

В кабине пилотов открылась форточка, оттуда тоже улыбались.

- Нас спасли! - крикнул кунг Малюне в самое ухо. - Не забудь гитару, я буду там.

Пилоты ловко подвели свой корабль к самой шлюпке. Двое весёлых парней в пятнистой одежде подхватили его вместе с гитарой из шлюпки.

Ещё только задвигали дверь, а уже взревели моторы, задрожал пупырчатый металлический пол, и сила разгона толкнула всех к хвосту самолёта.

- Взлетаем, малыш, садись сюда!

Они посмотрели в круглое окошко на океан, который распахнулся под крыльями, дождались, когда полёт станет ровным, и пошли в кабину.

Пилотов было трое, но всё равно Малюня удивился, как они справляются - столько было перед ними дрожащих стрелочек, разных выключателей и регуляторов. Гораздо больше, чем в капитанской рубке лучшего в мире женского корабля.

- Ты как туда попал? - спросил один из пилотов, с виду командир.

- Утопили нас, - сообщил Малюня коротко.

В кабине было шумно, говорить много не хотелось.

- Ничего! - ободрил пилот. - Больше не утопят! Пожуй вот и отдыхай, скоро долетим до своих.

Малюне дали большую плитку шоколада, потрепали по голове и отпустили обратно в самолётное брюхо.

Теперь он приободрился окончательно, стал жевать шоколад и всё разглядывать.

Брюхо крылатого корабля было вместительное, но совсем пустое. В каждом борту - три окошка, света от них не много. Но видно, что до самого хвоста лавки вдоль бортов пустые, хотя посадить на них можно человек пятьдесят. Под потолком - труба от кабины до хвоста, а на ней - какие-то кольца и большой крюк. Средняя полоса пола была подвижной...

Да ерунда это всё - пол, потолок, лавки, окошки. Главное - люди. Их было двое. Они были весёлые и никого не убивали. Они спасали. Надев наушники, соединённые с кабиной, они смотрели в окошки на обе стороны, чтобы не пропустить кого-нибудь из бедствующих на воде. И довольно часто оглядывались на спасённого мальчишку с гитарой, улыбались и подмигивали.

Одного из них звали Старшина, другого - Сержант.

Им было интересно показать Малюне то, что они замечали. Сначала Старшина показал летящее в небесах что-то, похожее на стрекозу, и объяснил: "Это вертолёт. Взлетает без разбега и садится прямо на палубу. Шикарная вещь!" Потом поманил Сержант и ткнул пальцем вниз: "Смотри! Субмарина!" Малюня всмотрелся и узнал под водой освещённое солнечными лучами подводное судно, такое же, как то, что чуть не расстреляло его из пушки и было потоплено другим гидропланом. Эту субмарину трогать не стали, только сообщили о ней пилотам по внутренней связи.

Потом вдаль показались корабли. Их было много. Они были разные. Некоторые походили на погибшую "Акулу", другие были помощнее, третьи - помельче. Все шли в одну сторону.

Гидроплан сделал над ними круг, пронёсся очень низко над самым большим, и Старшина через открытую дверь сбросил на огромную пустую палубу вымпел - коробочку на парашютике. В коробочке было сообщение обо всём, что увидели, потому что, оказывается, гидроплан летал на разведку.

Когда развернулись и пошли на посадку рядом с этим кораблём, Малюня видел в окошко, как с огромной палубы взлетал небольшой самолёт с острым носом и острыми крыльями. В хвосте самолёта была дырка, из неё била струя огня.

Сержант заметил удивление Малюни и объяснил: "Реактивный истребитель. Он перехватит тот вертолёт, что мы засекли, и ту субмарину, что я тебе показывал".

- Как он их перехватит? - Малюня не понял.

- А вот так! - Старшина крепко схватил Малюню за плечи и засмеялся.

Малюня опять не понял, не всё же почувствовал, что перехват для субмарины и вертолёта не будет приятен. Он почувствовал, что хотя Старшина и Сержант сами не топят кораблей, они в этом деле тоже изрядно участвуют. Он спросил:

- Зачем надо их перехватывать?

Сержант засмеялся и весело ответил:

- Это игра уж такая: кто первым перехватит, тому и жить.

Малюня понял. На войне убивают все, даже те, кто не наводит пушку. Воздушная разведка - тоже убийство.

Гидроплан догнал по воде самый большой корабль, ревя моторами, поплыл рядом. Корабль не сбавлял хода, волна шла высокая, но ловкие матросы лихо зацепили самолёт специальным крюком за специальное кольцо, и, только повиснув на крюке, пилоты заглушили моторы. Все работали здорово.

Главный корабль эскадры назывался авианосцем. На его огромной палубе пахло гарью, хотя ветер и уносил дым за борт. Пока шли по разным переходам и трапам в адмиральскую рубку, увидели, как садится на палубу тот самолёт, который взлетал на перехват.

"Уже перехватил", - подумал Малюня.

"И утопил", - добавил кунг из гитары.

Малюне стало грустно.

Но зато на этом грозном корабле, среди пушек, перехватчиков и нацеленных в разные стороны ракет можно было чувствовать себя в безопасности. Если, конечно, у кого-нибудь нет чего-нибудь пострашнее.

Адмирал только мельком взглянул на Малюню и не захотел с ним разговаривать. Сразу приказал:

- Накормите, помойте, пусть выспится, обмундируйте, а уж тогда - ко мне в каюту.

Командующий флотом, хоть и носил адмиральскую форму, на военного похож не был. Что-то было в нём домашнее, как в дедушке или даже в бабушке.

Впрочем, слушались его беспрекословно и все команды выполняли бегом.

- Да я спать не хочу, - бормотал Малюня, когда его мыли, и удивлялся, откуда среди океана собралось на нём столько грязи.

- Хочешь, хочешь, - смеялся Сержант. - Мы в таких переделках тоже бывали.

17. Три "Б".

Проснувшись на следующий день к обеду, Малюня убедился, что в шлюпке посреди океана он действительно недоспал. Хотелось ещё поваляться, а потом сходить к реке и посидеть на бережку, свесив ноги в быструю воду. Вслед за этим он представил, какие ноги ему бы потребовались, чтобы свесить их с палубы флагманского авианосца. И быстрая вода со скоростью в 25 узлов омывала бы их... Вода, правда, солёная, а в ней акулы, кальмары, барракуды, мурены - и все жрать хотят. Малюня поёжился под чистой простыней. Не-ет, не нужны такие удовольствия, хватит таких приключений. Найти папу - и домой, домой!

"Кстати, - вспомнил Малюня, - откуда я знаю, что такое авианосец, да ещё флагманский? Кунг приснил? Но я снов, кажется, не видел..."

"Ты видел сны, - раздался голосок, тихий, как дыхание. - Но ты очень крепко спал. Вот и не запомнил".

Малюня пораскинул памятью и нашёл там реактивную авиацию прикрытия, противоторпедные управляемые ракеты, головки самонаведения, радиолокаторы, сонары, донные мины и многое ещё. И во всём этом он немного разбирался. Не так, конечно, чтобы работать с ними самому, но противотанковую кумулятивную ракету от ракето-торпеды отличил бы без труда.

- Ничего себе, - пробормотал Малюня, вставая. - Мне и морское оружие вот как надоело, а ты мне ещё про танки да про эти ручные гранаты. Зачем?

- Ох, пригодится, - прошелестел печально кунг, - будь готов.

- Да я теперь всегда готов, - сказал Малюня, одеваясь в свою уже чистую и отутюженную морскую форму. - Мне бы только папу найти.

- Вот у адмирала и спроси, - посоветовал кунг. - Если он прикажет, сразу найдут.

В эту минуту появился Сержант.

- Ну, скиталец морей, выпался?

Малюня, улыбаясь, кивнул.

- Тогда пошли обедать, а то Адмирал о тебе уже спрашивал.

Кормили тут здорово и готовить не заставляли. Малюня с аппетитом поел и в сопровождении Сержанта предстал перед Адмиралом.

Адмирал тоже назвал его скитальцем морей, лично убедился, что Малюня выспан, сыт и всем доволен, и только после этого начал расспрашивать. Это был старый человек, опытный в разговорах. Он так ловко ставил вопросы и так здорово умел слушать, что Малюня рассказал ему со всеми подробностями свои приключения в поисках папы - и у первобытных людей, и у разных пиратов, и у честных моряков. Не сказал, разумеется, только о кунге. Зато сыграл на гитаре и спел ту песню, что сочинили они со Старпомом.

- Прекрасно, - сказал наконец Адмирал. - Ты правильно воспитан и жил до сих пор достойно. Однако тебе опять не повезло. Ты снова попал в переделку. Моя эскадра идёт к чужим берегам, чтобы высадить там десант, всех разгромить и всё захватить. Получится это или нет, зависит не только от нас, потому что будет ещё воздушный десант и большое наступление по суше. Ты ведь уже представляешь, для чего люди воюют?

- Да, - ответил Малюня. - Один дикарь говорил: "Захватим всю-всю-всю землю до самого моря и будем жить хорошо".

- Вот-вот, - Адмирал усмехнулся. - Всё как у нас, только наоборот. Мы сначала весь океан захватили, а теперь землю захватываем. Силы у нас большие, но всё равно будут потери. И этот авианосец, на котором мы с тобой, тоже могут уничтожить. Поэтому отправлю я тебя на берег вместе с десантом. Высадку-то мы вам сумеем обеспечить. А на берегу ты, по крайней мере, не утонешь. Значит, шансов уцелеть вдвое больше. А до этого вот что... Сержант! Вывести на дисплей фотокарточки всего личного состава флота и десанта, а мальчик пусть смотрит. Может быть, узнает своего отца. Ты понял, малыш?

Малюня кивнул. Во сне кунг познакомил его и с дисплеем. Адмирал погладил гостя по головке и отпустил.

До поздней ночи Малюня и Сержант просидели перед экраном, разглядывая лица молодых матросов и десантников, а также их офицеров, поваров, врачей и пилотов. Видели портреты Старшины и лётчиков того гидроплана, что подобрал Малюню. Видели Сержанта и даже самого Адмирала. Но папы среди моряков Малюня не узнал.

- Вот видишь, - сказал весело Сержант, - всяко нужно тебе на берег. Забирай гитару, будем перебираться на десантный корабль. На локаторах уже берег виден. Высадка - через час.

Вертолёт доставил их на какой-то корабль, который во тьме было трудно рассмотреть. Малюню вместе с Сержантом поместили на корме, недалеко от огромных круглых кожухов, в которых тихо гудели самолётные винты. Сержант специально показал их Малюне и сообщил, что такие же винты гонят воздух под корабль, и он скользит над самой водой, но её не касается.

- Вот увидишь, как помчимся, - сказал Сержант.

И вскоре они помчались. Моторы взревели, винты взвыли, ветер засвистел, позади корабля выросло облако водяной пыли и скрыло половину звёздного неба.

- Не выглядывай вперёд, - велел Сержант. - Если в нас начнут стрелять...

Договаривать было не нужно: Малюня знал, что к чему. Мчались два часа. К концу этого срока Сержант снял с руки электронные часы, укоротил застёжку и надел на руку Малюне.

- Будешь моим хронометристом. Теперь слушай, как себя ТАМ вести...

Никто в них не стрелял. Удивительный корабль выполз далеко на сушу, открылись огромные ворота, и боевые машины, лязгая по сходням гусеницами, выставив заряженные стволы, ринулись вперёд. За ними из глубины корабля и с палубы побежали десантники, держа оружие наготове.

Сержант и Малюня оставили корабль последними, и он сразу уполз в океан, обдав их пылью и брызгами.

- Вот и всё, - сказал Сержант негромко. - Теперь только вперёд, потому что отступать десанту некуда.

Малюне было не страшно с Сержантом. Это был красивый, весёлый и сильный человек. Его, конечно же, приставил к Малюне Адмирал, чтобы уберёг в бою. Иначе разведчик был бы сейчас впереди, с пулемётом или с гранатомётом в руках.

- Ты из-за меня тут скучаешь, - оказал Малюня. Он хотел объяснить Сержанту, что не боится и не пропадёт здесь с одной гитарой, пусть Сержант спокойно делает своё дело. Но тот засмеялся и сам ему объяснил, коротко и просто:

- Не беспокойся. Мы здесь оба целее будем.

Значит, Сержанту нравится НЕ ВОЕВАТЬ, подумал Малюня. Значит, он рад, когда за него воюют другие. Зачем же тогда пошёл на войну?

Они шли тихонько вдвоём по рубчатому следу десантного танка, войско ушло далеко вперёд, бой ещё не начался, можно было поговорить. И Малюня спросил:

- А зачем ты воюешь?

И Сержант опять ответил коротко и просто:

- Мне хорошо платят.

Может быть, он, посмотрев при звёздах на Малюню, и хотел что-нибудь добавить, но тут впереди вспыхнуло, через пару секунд долетел хлопок взрыва, и сразу вслед за этим вся линия наступления озарилась множеством огней и затрещала, забухала, загрохотала.

- Приляжем, - велел Сержант, свалил Малюню за ближайший бугорок и устроился рядом.

Вокруг начало посвистывать. Сержант молча снял с себя шлем, подтянул ремешки и надел сталь на голову Малюне. Пояснил:

- Три "Б".

- Что? - Малюня не понял.

- Бережёного Бог бережёт.

- А ты как?

- Я-то? - Сержант засмеялся, как обычно. - Да мне лучше всех. Я не бережёный, я - отпетый.

- А что значит - отпетый?

- Это значит, что смерть может взять меня в любой момент, и потому я ей неинтересен. Вот и обходит...

Сильнее грозы полыхнуло в темноте над морем, что-то пролетело над головами, и линия атаки озарилась новыми взрывами. Тут и с моря долетел грохот.

- Эскадра открыла огонь, - сообщил Сержант. - Отлично. Теперь наши пойдут вперёд. А нам с тобой надо двигаться в сторону. Снимай шлем. Дай руку, а то ещё потеряемся в темноте. Бегом!

Они бежали, и линия боя полыхала и гремела всё слабее. Бежали осторожно и молчали, но всё же настал момент, когда впереди кто-то строго окликнул: "Кто идёт?"

- Свой! - быстро ответил Сержант и прижал Малюню к земле раньше, чем их начал искать луч фонаря.

- Не двигайся и прощай! - шепнул Сержант и прыгнул далеко в сторону.

- Пароль! - закричали оттуда, где фонарь. Сержант выстрелил по фонарю из автомата и отпрыгнул ещё дальше. Ему ответили из нескольких стволов, но, видно, не попали, потому что его выстрелы, удаляясь, звучали ещё долго. Так птицы, у которых гнездо на земле, не раз уводили Малюню от своих птенцов.

18. Странное побоище, жуткое оружие.

Была глубокая ночь. Где-то в ней, то сильнее, то слабее, всё время перемещаясь, скрежетал бой. По вспышкам, взрывам и треску выстрелов никто не смог бы точно угадать побеждающую сторону. С океана тоже продолжали стрелять, но и туда летели ракеты, и там что-то горело: может быть, самая крупная цель - флагманский авианосец.

Малюня в это время спал, обняв свою гитару и не слыша даже тиканья сержантовых часов на своей руке. Его нервы не выдержали смертельного напряжения, и он заснул прямо там, где велел ему оставаться опекун-Сержант. Ему даже ничего не снилось. Он заснул так крепко, что кунг не нашёл в его сознании лазейки для сновидения.

А потом наступило утро. Солнце поднялось высоко и высушило росу - на остывших разбитых танках, на продырявленных шлемах, на стреляных гильзах, на обгорелой траве. Не высохла роса на Малюниной гитаре, потому что спал он под высокой коряжиной, и Солнце ему не мешало.

Наконец Солнце поднялось так высоко, что согрело Малюню, и он сначала распрямылся на сухой уже траве, потом услышал, как тикают часы, удивился, открыл глаза, увидел вокруг не корабельное имущество, а голубое небо и зелёную травку, удивился ещё сильнее, посмотрел, что это тикает на руке... И сразу вспомнил всё.

Он не вскочил, чтобы оглядеться, а осторожно приподнял голову и сначала повёл глазами вправо-влево: нет ли противника. Потом, осторожно поворачивая голову и держась поближе к коряжине, потихоньку привставал, пока не увидел себя в полном одиночестве посреди пустого поля. Вдали с одной стороны темнел лес, с другой что-то дымилось и чернело. Позади, до самого неба, пустела вода. Малюня всмотрелся в океан. Голубая пустыня была чиста абсолютно: ни пятнышка, ни точки, ни дымка. Будто и не было грозного десанта с мощным огневым прикрытием.

Однако следы десанта дымилась поодаль от леса, и Малюня, подобрав гитару, двинулся туда.

Пока спал, продрог, но на солнце быстро согрелся. Голова на ходу проснулась окончательно и стала не спеша соображать. Вот что она соображала.

В море папу искать больше нечего: весь океан захвачен одним флотом, и этот флот для Малюни целиком пропустили через экран. Папы в океане нет. Искать теперь - только на суше. Это хорошо. Это менее опасно. По крайней мере, на целых две опасности: утонуть или быть съеденным акулами. Однако на суше другие трудности. Например, труднее найти такого человека, как Адмирал, чтобы приказал - и тут же тебе всех покажут. И народу здесь гораздо больше, и, значит, таких адмиралов должно быть гораздо больше.

- Не адмиралов, а генералов, - поправил из гитары кунг.

- Ты бы лучше научил, что делать, - пробормотал Малюня.

- А откуда я знаю? - кунг даже обиделся. - Я только и могу, что названия вспоминать. Да и то не все. Про локатор, например, я никогда и не знал. Подслушал на корабле, пока ты спал. Да и то сразу забыл. Я ведь больше ДУШУ СОБЛЮДАЮ, понимаешь?

- Нет! - сказал Малюня и стал соображать дальше. Спасли в океане мальчишку - сразу к Адмиралу. Значит, таким же способом можно и к генералу попасть. Надо искать те войска, которые наступают по суше - о них говорил Адмирал. А может быть, папа в тех, других войсках, с которыми ночью дрался десант? Может быть, победили они?

Папу следовало поискать сначала среди убитых, пока их не зарыли. Потом уж - к живым. И Сержанта хорошо бы найти. Обоих, конечно, живыми.

Очень ему не хотелось идти на место ночного боя. Он видывал уже людей и порезанных, и порубанных, и простреленных, и утонувших, и обгорелых. А на этом поле могли оказаться ещё и разорванные взрывами. Наверняка эти будут самые страшные.

Но среди убитых искать не пришлось. Их не было. Следы крови на траве, на обгорелой броне, на брошенном оружии, на пробитых шлемах. Окровавленные обрывки одежды и бинтов. Круглые ямы от взрывов. Изодранная металлом земля. Но - ни одного человека. Ни мёртвого, ни живого.

"Быстро убрали, - подумал Малюня. - Кто же победил?"

Кунг не ответил, только мрачно выглядывал из гитары. Но Малюня и сам понимал, что победили не десантники. Десанту некогда заниматься убиением павших, ему надо развивать успех. У десанта нет похоронных команд. А у хозяев земли - есть.

Малюня обошёл всё побоище.

"Проспал. Куда же теперь идти?"

"Заберись повыше", - посоветовал кунг.

Малюня подошёл к обгорелому танку, у которого длинный ствол орудия почти касался травы, и по этому стволу поднялся на башню.

Стало видно не очень-то и больше, но на дальнем краю леса Малюня успел заметить колонну грузовиков, точнее, самый её хвост из трёх машин, которые тут же исчезли за скатом холма. Он запомнил направление, спустился, подобрал гитару и пошёл в ту сторону, не разбирая пути.

За час - по сержантским часам - он преодолел горелое поле, заросшее полынью, ступил на грунтовую дорогу у ската холма, оглянулся в последний раз на океан и пустился в гору.

Сразу захотелось пить и есть, и Малюня пожалел, что не смог прикоснуться к тем продуктам, которые встречались на поле боя. Он прихватил с собой только красивую металлическую флягу на ремне, о которую споткнулся в траве посреди первого дикого поля. Наверно, она была заброшена туда взрывом и потому как бы не имела отношения ни к кому из погибших. В ней что-то булькало, но Малюня сразу не проверил содержимое, а когда попробовал напиться, оказалось, что во фляжке неразбавленный спирт - он помнил его вкус и запах ещё с пароходофрегата, где доктор помог ему избавиться от последнего молочного зуба, а дыру заткнул ваткой... Теперь пришлось только натереть спиртом виски, чтобы чувствовать себя бодрее. Выбрасывать фляжку Малюня не стал. В кармане у него лежал ещё тот ножик, который он захватил из дому, и теперь, если бы встретилась молодая осина, можно было бы срезать кусочек коры и пожевать мягкую изнанку: дед говорил, что она придаёт сил голодному.

Прошёл ещё час. Малюня слегка устал. Дорога лежала теперь меж двух стен леса, воздух над ней шевелился от жары, далеко впереди ещё оседала пыль, поднятая автоколонной. У мостика через ручей Малюня решил отдохнуть. Спустился с насыпи к воде, срезал по пути несколько толстых стеблей с большими листьями - он не помнил названия, но знал, что растение кисленько и съедобно. Пожевал, запил водой из ручья, потом присмотрел подходящую осину и запасся корой. Попробовал пожевать сразу, было терпко и горьковато, но терпимо. Дожевал, загрыз кислым травяным стеблем и представил, что сил прибавилось.

Он шёл до вечера, никого не встречая, и удивлялся: куда девались люди? На каком-то из кораблей ему кто-то говорил, что у моря, особенно летом, всегда полно народу. Кто рыбачит, кто торгует, кто просто купается. Море летом - всегда курорт. А тут - странная пустота. Есть дороги, есть тропинки, есть поля с пшеницей, с кукурузой, с картошкой, есть сады с фруктовыми деревьями, но - нет домов. Хотя похоже, что были дома. Он замечал несколько раз по сторонам что-то похожее на дворы, какие-то загородки, но не было там ни жилых домов, ни других построек, ни следов пожара.

Совсем не было домов или куда-то делись?

Зато фруктовые сады поддержали Малюню изрядно. Поел абрикосов и набрал с собой в брезентовую сумку от противогаса, которую тоже унёс с поля боя. Абрикосы вкуснее осиновой коры утоляют голод. Но он сохранил и кору: в океане научился ничего не выбрасывать.

Так и шёл полдня, пока не разглядел на горе каменный забор. Снизу не было видно, что за забором, а когда взобрался на гору, оказался перед солдатом, который стоял с какой-то чёрной трубкой у ворот. Трубка висела на ремне, как автомат. Ворота были железные, глухие, выкрашенные

зелёной краской и украшенные белым треугольником вершиной вверх. Такой же знак был у солдата на сером берете, такая же нашивка - на рукаве. Одежда на нём была серая, но не пятнистая. Вот эти, значит, и разгромили десант.

Малюня без страха подошёл к солдату.

- Ты откуда? - спросил солдат.

- Заблудился, - ответил Малюня.

- А куда идёшь?

- Папу ищу.

- А кто твой папа?

- Он на войне.

- КТО он? - повторил солдат.

- Не знаю.

- Эх, ты... Как же ты его найдёшь?

- Я его узнаю, а он - меня.

- Это само собой, - солдат засмеялся. - Но армия большая, где искать будешь?

- Везде, - сказал Малюня. - Пропусти меня за ворота.

- Не положено. Секретный объект.

- Но мне же надо, - настаивал Малюня. - Я же тебе сказал.

Взгляд солдата остановился на фляге.

- Дай попить.

- Там спирт, - предупредил Малюня.

- Э-э, всё равно, - солдат протянул руку.

Малюня подал флягу. Солдат хлебнул. Задохнулся.

- Ого! Неразбавленный!

Он хотел приложиться ещё раз, но посмотрел на Солнце, которое жарко наблюдало за ним с горизонта, вздохнул и вернул флягу.

- Возьми себе, - сказал Малюня. - Или отлей.

Фляга на поясе солдата была, конечно, пуста. Но солдат покачал головой.

- Мы поклялись не напиваться до победы... - Он слегка задумался. - А тебе спирт ещё пригодится. - Он улыбнулся. - Вот что, пострел. Я вижу, ты малый не глупый. Иди вдоль забора вон в ту сторону. Там есть дыра. Понял? Я тебя не видел... На станции найдёшь Капитана. Он человек приличный, поможет. Но про меня не болтай. И ничего не бойся.

- Само собой, - сказал Малюня. - Спасибо.

По тропинке меж кустов он прошёл порядочное расстояние до этой дыры и оказался на обширной площади, заставленной огромными решётками. Одни решётки вращались, другие раскачивались, некоторые стояли неподвижно. Были среди них круглые, похожие на блюда, были овальные, а были простые, будто куски металлического забора. И ещё было несколько толстых труб на мачтах. Они были похожи на пушки пароходофрегата, но стрелять, пожалуй, не могли, потому что вместо отверстий имели на концах узкие щели, как на той трубке, которой был вооружён часовой у ворот. От решёток и труб шло разноголосое гуденье. Оно вызывало лёгкий страх. Значит, об этом солдат и сказал: "Не бойся". Одолевая страх, Малюня побежал в обход решёток туда, где виднелся каменный дом в два этажа.

Чем дальше бежал, тем страшнее становилось. Но он был уверен, что в доме люди, а раз так, то и страха с ними быть не должно.

И точно: у дома страх кончился. Малюня почувствовал это мгновенно, будто не дышал, не дышал и вдруг вздохнул. Вот это да, подумал он. Больше ничего подумать не успел, потому что из дома выбежал человек в серой форме и бросился к нему. Схватил, втащил в дом, в большую комнату, где стояли ещё военные, усадил в глубокое кожаное кресло, и все с удивлением стали Малюню разглядывать.

А Малюня разглядывал их. Похожих на папу не увидел.

Все они были старше того солдата у ворот, и на погонах у них, кроме двух солдатских пуговиц, имелись ещё красные квадратики. У самого старшего - целых четыре штуки.

"Наверно, капитан", - подумал Малюня.

Оружия при себе у военных не было, но у каждого на груди висела на ремешке чёрная трубочка, похожая на половинку морского бинокля.

Трубка у солдата, трубы на мачтах, трубочки у этих...

"Наблюдательная станция, - подумал Малюня. - За врагом следят".

Наконец военные перестали его разглядывать.

- Очень испугался? - спросил самый старший.

- Вы - капитан? - спросил в ответ Малюня.

Самый старший поднял брови, помолчал, потом усмехнулся.

- Ишь, - сказал он остальным военным, которые тоже улыбались. - Мало того, что не боится, так

он ещё и в званиях разбирается. - Опять обернулся к Малюне. - Да, я - Капитан. Но всё же ответь серьёзно: было очень страшно, когда бежал?

Малюня кивнул.

- Почему же ты бежал сюда, а не отсюда?

- А мне бежать некуда. Я папу ищу.

Военные переглянулись.

- Вот так, друзья мои, - сказал Капитан. - Сколько людей, столько загадок.

- Но ребёнок должен быть слабее взрослого, - сказал уверенно военный с тремя квадратиками.

- Между тем, - возразил другой офицер, - ни один взрослый не преодолел барьера.

- Так я же в дырку пролез, - признался Малюня. Офицеры переглянулись и весело расхохотались.

- Bravo, малыш, - сказал Капитан. - Ты всем утёр нос.

Малюня смотрел на смеющихся и ничего не понимал.

- Барьер - не забор, - объяснил Капитан. - Во дворе станции создано поле страха, чтобы противник не мог её захватить. Это и есть барьер. В нём дырок нет.

- Что такое - "поле страха"? - спросил Малюня.

- Ну, объяснить это трудно, - начал Капитан.

- Новое оружие? - подсказал Малюня.

- Ого! - воскликнул офицер с тремя квадратиками. - Да уж не шпион ли ты?

- Нет, - сказал Малюня, - я сам по себе. Просто у всех секретное оружие...

- Образованный ребёнок, - сказал трёхквдратный Капитану. - Надо бы допросить.

"Пытать будут!" - подумал Малюня и пожалел, что так хвастливо заговорил с этими людьми. Сказал бы: "Дяденька, я испугался" - и больше ничего. Тогда ничего бы и не было.

Но Капитан засмеялся.

- Оставьте, поручик, - сказал он трёхквдратному. - Это только в плохих книжках дети пересчитывают вражеские пушки и доносят своим. Сейчас война такая, что подобная разведка потеряла смысл. Всё наоборот: даже лучше, чтобы противник знал, какой отпор его ожидает... Скажи, малыш, - обратился он к Малюне, - ты действительно не разведчик?

Малюня молча замотал головой.

- А жаль, - Капитан засмеялся опять. - Я рассказал бы тебе о нашем секретном оружии, ты рассказал бы своим, и они поняли бы, что пора сдаваться... Впрочем, вполне возможно, что ты разведчик. Думаю, Поручик возьмётся это даже доказать.

- Без труда! - Поручик встрепенулся. - Разрешите?

- Прошу вас, - предложил Капитан, и все офицеры сели.

- Мальчик пришёл пешком и издалека, - начал Поручик. - Он очень утомлён и весь в пыли. На щеке у него сажа, на плече - противогазная сумка не нашего образца, на руке - армейские часы, каких у нас не делают, на ремешке - фляга, какими пользуется противник. Одежда на нём - флотская. А в сумке у него - абрикосы!

- И что же из этого? - удивился офицер с одним квадратиком.

- А то, что надо вспомнить, где в наших краях абрикосовые сады, - Поручик подошёл к карте на стене и взял указку. - Если от нашей станции провести линию через абрикосовые сады, она приведёт нас точно в тот район побережья, где сегодня ночью вражеский десант уничтожил сам себя.

Вот это была неожиданность! Малюня забыл обо всём и вскочил с кресла.

- Как сам себя?! - вскричал он и сразу же по лицам офицеров понял, что разоблачение шпиона состоялось.

- Вот и последнее доказательство, - Поручик улыбнулся, положил указку, потёр ладони и с удовольствием опустился в кресло. - Всё гражданское население задолго до событий эвакуировано из зоны облучения, а этот молодец, как видите, хорошо осведомлён о десанте и его уничтожении.

- Как же "сам себя"? - пролепетал Малюня и упал в кресло. Печально тренькнули струны гитары.

- Ну-у-у, - протянул с улыбкой Поручик, - признаёшь себя вражеским шпионом?

- Нет, - сказал Малюня печально, - не признаю.

- Ещё раз bravo, - сказал Капитан. - Поручик, перестаньте пугать ребёнка и докажите обратное.

- С удовольствием! - Поручик продолжал улыбаться. - Начну с того, что с такой экипировкой его никто бы в разведку не послал. А главное - та же сажа на щеке. Он пошёл к нам с поля боя, когда там уже всё было кончено и даже убитых увезли, иначе не шёл бы пешком, а приехал бы на машине и не сюда, а совсем в другое место. Вот и всё, допрос закончен!

"Ну и допрос, - подумал Малюня. - Друг друга допрашивали, а моих всего три слова".

- Вот и славно, - сказал Капитан. - Но есть ещё вопросы. По крайней мере - один вопрос. - Он обратился к Малюне. - Ты веришь нам?

Малюня кивнул. Задавать вопросы он больше не решался, боясь настоящих пыток, хотя эти люди были больше похожи на учёных, как он их представлял, чем на мучителей. Впрочем, и доверять им до конца он тоже пока не решался.

- Я знаю, - продолжал Капитан, - ты хочешь спросить о многом. Вижу по глазам. Я отвечу на все твои вопросы, потому что главный из них ты уже задал. Не уснёшь, пока буду рассказывать?

Малюня мотнул головой.

- Что ж, слушай, - Капитан поднял палец вверх. - Вон там, в небесах, даже дальше, в космосе, мы построили станции, с которых можем наблюдать любое место Земли. Мы давно знали, в какое место плывёт вражеский десант, поэтому подготовились заранее: построили вот эту нашу станцию и переселили из зоны её действия всех мирных жителей. Ты сейчас бежал через двор, и тебе было страшно. Но это очень слабое излучение. А против десанта мы включили его на такую мощность, что наших врагов охватила паника, и они со страху начали убивать друг друга, топить собственные корабли, сбивать собственные самолёты. Иным способом мы не могли остановить захватчиков: на мирные переговоры они не согласились. Поэтому, если у тебя в десанте или на кораблях были друзья, ты должен простить нас за их гибель - ведь мы спасали своих детей...

Малюня кивнул. Он даже не мог ничего сказать, столь ужасным показалось это их новое оружие.

- И вот теперь, - продолжал Капитан, - для науки требуется, чтобы ты ответил на один-два вопроса. Но обязательно честно, потому что это нужно для будущей безопасности. Ты ответишь?

Малюня кивнул и подумал: "Если смогу".

- Ты был ночью далеко от десанта? - начал Капитан.

- Я был в десанте, - сказал Малюня.

- Как же ты уцелел?

- Со мной был Сержант. Когда начали стрелять, он увёл меня в сторону.

- Всё ясно! - вскричал Капитан. - Он вывел тебя из наших лучей! Но куда же он сам девался?

- Он вернулся в бой, - сказал Малюня.

- Значит, погиб, - сказал Поручик.

- Но зачем тебя взяли в десант? - допытывался Капитан.

- Спасти хотели, - ответил Малюня. - Адмирал боялся, что в его корабль могут попасть. А на берегу на две опасности меньше.

- Ну да, - Поручик кивнул. - Глубина и акулы... Молодец твой Адмирал. Но как ты вообще попал на флот? Этот моряк на гитаре тебе явно не отец...

- Моряк погиб, - сказал Малюня. - А меня подобрали. Я папу ищу.

Потом его, конечно, спрашивали про папу, он рассказывал о своих приключениях, а поручик как-то странно косился на гитару. Неужели он видел кунга, который молча прохаживался по грифу, заложив мохнатые руки за спину, качая мохнатой головой и пожимая плечами?

19. Тайна.

- Мы поможем тебе, - сказал наутро Капитан. - У нас есть такой же дисплей, как у того Адмирала. А Поручику разрешается доступ во все отделы кадровой картотеки, кроме космического.

Из этой короткой речи Малюня понял только то, что лица всех военных ему покажут прямо здесь. А что там за кадровая картотека и космический отдел, осталось для него темно, потому что ночью он очень плохо спал.

...Всю эту ночь Малюня метался и вскрикивал, и даже кунг ничего не мог поделать, как ни старался послать ему нестрашный сон. Может быть, из-за страха, пережитого во дворе, а может быть, оттого, что охранное излучение слегка усилили, и оно стало проникать в дом, Малюне всю ночь мерещились люди, попавшие под ужасное излучение нового оружия. Это были не простые крестьяне. Те просто легли бы и закрыли голову руками. А эти были - десантники, хорошо обученные бойцы, храбрые и беспощадные. Враги с белыми треугольниками на беретах всё правильно рассчитали: когда волна страха ударила по десанту, пятнистые солдаты не бросились на землю и не обратились в бегство. Темнота и страх расширили им глаза: каждое движение рядом, каждый звук из ночи стали казаться им вражескими, и они начали крушить вокруг себя всё, что двигалось и звучало. Убивали тех, за кого только что были готовы отдать собственную жизнь, поджигали боевые машины, за бронёй которых только что сами укрывались. А когда оставалась последняя граната, они подрывали себя или стреляли последней пулей себе в висок, чтобы не попасть в плен. Куда там пиратским ножам, куда там торпедам, пушкам и ракетам с мушкетами! Вполне симпатичные люди с красными квадратиками на погонах только нажимали кнопку, и другие люди, тоже вполне симпатичные, убивали сами себя. Самое удивительное, что все они одинаково хорошо относились к Малюне, а он был ОДНИМ ИЗ НИХ!..

Утром Малюня встал таким, будто по нему проехал танк. А кунг забился в гитару и даже не вышел поздороваться...

- Всё уже готово, - сказал Поручик Малюне. - Идём, попробуешь узнать своего папу.

Малюня научился ещё на корабле вызывать картинки на экран, менять их в очередь или возвращать те, что уже видел. Здесь компьютер был похожий. Поручик убедился, что гость управляется один без труда, и ушёл по своим делам. Заглядывал за день всего три раза: звал Малюню на обед и на ужин да поздно ночью принёс в термосе сладкий кофе и пирожки с вишнями:

- Наш повар постарался специально для тебя.

Это была мучительная работа. Сначала, без ответного взгляда, каждое десятое лицо на экране казалось знакомым. Потом это стало происходить чаще, потому что начали попадаться лица, похожие на те, которые уже видел. Как будто у Малюни становилось всё больше знакомых и родственников. Два раза он даже плакал от отчаяния, а кунг его утешал, уверяя, что уж он-то, кунг, ни за что не пропустит папиного лица.

Был после обеда момент, когда Малюня заснул от напряжения. Кунг не стал его будить, нашептал сон про вишню, которая не хотела, чтоб её съели. Хотел сделать посмешнее, а вышло наоборот: Малюня во сне представлял себя этой вишней, прятался среди листьев, замирал от страха, испытывал боль, когда всё-таки сорвали, был подброшен ловкой рукой высоко и оттуда, кувыркаясь, падал прямо в зубастый детский рот, на влажный розовый язык и проснулся, когда оказался в зубах.

Он не обиделся на кунга за такой сон: спать на работе не полагается.

Утром следующего дня Поручик нашёл спящего Малюню в кресле перед компьютером. Хотел перенести на диван, но Малюня с коротким криком рванулся из рук и сразу замолчал и открыл глаза.

- Что-то плохое снилось? - спросил Поручик.

- Да. Лицо на экране ожило и ругало меня, а потом протянуло руки и как схватит! А это вы...

- За что же оно тебя ругало?

- За то, что сплю и не работаю.

- Не папино лицо?

- Нет. Незнакомое.

- Смотри, не заболей на этой работе, - Поручик поставил Малюню на ноги. - Идём завтракать.

Во время завтрака по радио передавали военные новости. Сообщили, что десант пятнистых погиб целиком, от их флота осталась треть, а войска, которые наступали по суше, сдались без боя. Однако за океаном, куда ушли остатки флота, пятнистые угрожают каким-то новым секретным оружием, которое сделает всех их врагов смирными, как ягнята.

- Они верят в свои космические излучатели, - Капитан засмеялся. - Но эти излучатели ещё доделать надо. А мы их тем временем успеем сбить!

Все офицеры за столом смеялись тоже.

- Что за излучатели? - спросил Малюня.

- О космосе я говорил тебе вчера, - Капитан показал глазами вверх. - Мы там строим станции. Такие, как вот эта. - Хлопнул ладонью по столу. - Оттуда всё видно, что делается на Земле.

- И стрелять можно, - вставил Поручик, - и лучами...

- А лучи бывают разные, - продолжал Капитан. - Лучи страха, лучи покорности, даже лучи отупляющие - от них люди на время становятся ничего не соображающими, хуже баранов.

- Как же станция оттуда не свалится? - спросил Малюня.

- Об этом сейчас не думай, - отвечал Капитан. - Чтобы это представить, надо долго изучать разные науки, особенно математику и физику. Просто пока так поверь: если мощной ракетой отправить что-то вроде подводного корабля достаточно далеко от Земли, то там без всякого мотора можно всю жизнь летать вокруг нашей планеты. Лишь бы еда была.

- Еду можно и там выращивать, - добавил Поручик.

У Малюни от удивления закружилась голова. Он спросил:

- А как же оттуда?

- Соображает мальчишка, - похвалил Капитан. - Будет толк.

И объяснил, как можно добраться с Земли до космической станции и обратно, как туда входят и выходят.

- А теперь за работу, чтобы жизнь не убежала.

И ещё день до полуночи трудился Малюня у экрана.

И ещё два дня.

А потом целую неделю просматривал уже лица тех солдат, которые наступали со стороны пятнистых и были без боя взяты в плен.

Несколько раз он звал на помощь кунга. Но кунг ни в ком не признал папу. Даже ни разу не всколебался.

Огромная работа закончилась поражением. Малюня потолстел и погрузнел. Когда лица обеих армий кончились, он целые сутки проспал, потом целый день бродил по садам вокруг станции. Во дворы там уже вернулись люди, привезли и собрали свои дома, внесли вещи и начали обрабатывать землю. Они были веселы и спокойны. В каждом саду Малюню угощали фруктами, в каждом дворе усаживали за стол. Много раз предлагали одежду понаряднее, но он со своим флотским костюмом расставаться не захотел.

Он смотрел на мирную жизнь и думал вот о чём.

Для чего люди воюют? Ну, одни защищаются - это понятно. Но почему другие нападают? У них ведь тоже есть и земля, и дома, и семьи, их могут убить... А может быть, воюют те, кто работать не

хочет? Мирная жизнь довольно однообразна: учишься, трудись, потом состарься и умри. Ничего яркого. А на войне - сплошные приключения, хоть и убивают. Значит, начинают войну такие люди, которые не любят мирно трудиться, любят убивать и не боятся, что убьют их самих. Вроде Сержанта... Неужели ПАПА ТАКОЙ?

От этих мыслей он убежал обратно на станцию. И увидел, что появились гости. В распахнутые ворота станции вошёл караван верблюдов, нагруженных мешками и сундуками.

Караван без страха расположился на траве, прямо среди излучателей: барьер был отключён. Тут же вокруг костра сидели караванщики в полосатых халатах и офицеры станции вместе с рядовыми солдатами. Все пили чай, который черпали из медного котла, подвешенного над костром. Было много фруктов и сладостей. Не мешая беседе, играла музыка.

Когда Малюня подошёл к костру. Капитан как раз показывал караванщикам свою чёрную трубку, которая висела у каждого военного, как бинокль, на ремешке.

- Вот так устанавливаем ширину луча. Вот так держим. Направляем, куда надо, и двигаем кнопку вперёд. Чем дальше двигаем, тем сильнее работает.

- А человека свалит? - спрашивал караванщик.

- Хочешь - остановит, заставит бежать, а захочешь - и свалит.

- И льва?

- Да хоть слона. А если сдвинешь кнопку вправо, все комары улетят, все мухи, да вообще все насекомые.

- О-о-о, - сказали караванщики. - А если влево?

- Это для моря. Против акул.

- О-о-о! А если назад сдвинуть?

- А это чтобы в плен не взяли. Тебя схватили, а прибор ещё в руке. Двигаешь кнопку на себя - и все в обмороке.

- А сам?

- И сам, конечно, тоже! - Капитан засмеялся, - Все спят, никто никого не трогает. Кто подходит, тоже спать ложится.

- Ого-о-о! А кто же разбудит? - спросил один из гостей.

- А ты не нажимай! - посоветовал другой.

Малюню посадили к костру между Капитаном и Поручиком.

- Ну вот, дружок, - сказал Капитан, - пора нам расставаться. Эти добрые люди едут как раз туда, куда тебе надо.

- На верблюде давно не сидел? - спросил старик с короткой белой бородой.

- Никогда, - ответил Малюня.

- Да как же ты жил?!

Малюня смеялся вместе со всеми. Тут он и заметил, что Поручик невесел. Смотрел на Малюню и грустно улыбался. Потом попросил:

- Спой нам свою песенку.

Малюня сбегал за гитарой. Кунг вылез из грифа и устроился у него на плече, нашептывая: "Везёт! Везёт!"

Поручик неотрывно смотрел на Малюню, и Малюне казалось, что смотрит он не в глаза, а на плечо, где кунг.

Он спел ту песню про папу, которую они сочинили со Старпомом. Всем понравилось, просили петь ещё. Он спел про енота, который перехитрил самого себя, и про глупого солдата, который только из-за своей глупости остался жив. Обе эти песенки он сочинил из сказок кунга, и кунг очень этим гордился. Он даже тихонько подпевал, чтобы слышал один Малюня.

- Хорошего спутника нам даёшь, - сказал Капитану Старик. - Поэт и певец - самый нужный людям человек. Даже нужнее, чем коробейник, ха-ха! Теперь мы споём.

Караванщики завели тягучую, печальную песню.

- Кто такой коробейник? - спросил тихо Малюня у Поручика.

- Да все эти торговые люди. Их сундуки раньше коробами называли, они носили их на себе и ходили пешком. Так и осталось.

Поручик сел поближе и обнял Малюню за плечи. Кунг с недовольным видом прыгнул на траву.

- Жаль тебя отпускать, - сказал Поручик тихо. - У меня был сын, на тебя похожий, да погиб случайно в ту войну. Шальная пуля...

Малюне стало жаль Поручика. Он сказал:

- Я и рад бы остаться...

Но Поручик перебил ласково:

- Молчи, молчи. Я все знаю. Даже если останешься, твой кунг будет против... Не пугайся, я никому не скажу. Да ведь и не поверит никто, верно?

Малюня кивнул. Кунг вернулся и кое-как пристроился на его плече, чтобы лучше слышать разговор.

- Я со своим кунгом дружу с детства, - продолжал Поручик. - Сейчас он живет дома. Иногда меня навещает. Он мне открыл тайну всех войн. А я открою её тебе.

- Не рано? - спросил сурово кунг.

- Уже пора, - возразил Поручик. - Неужели не видишь: он всё увидел сам.

- Хорошо, - сказал кунг. - Попробуй.

Малюня понимал в их разговоре не всё, но чувствовал, что это очень важно. Они все трое уже разговаривали мыслями, и всем вокруг казалось, что мальчик с офицером просто слушают песню торговых людей. На самом же деле офицер рассказывал мальчику и его кунгу то, что узнал от духа своей семьи.

- На всей Земле, среди всех солдат Человечества есть только один, без которого все войны сразу кончатся и все армии распадутся. Никто не знает этого человека. Даже он сам.

- Он, наверно, бессмертный? - спросил Малюня.

-Нет. Его можно убить, как всякого солдата. Или он умрёт от болезни. Но в таком случае вместо него сразу появится кто-нибудь другой. И всё будет по-прежнему. А чудо произойдёт только в том случае, когда такой солдат САМ перестанет воевать и уйдёт домой. - Поручик помолчал, вздохнул и признался: - Я надеялся, что такой человек - я сам. Ушёл домой сразу же, как только мой кунг открыл тайну. Но ничего не произошло. Война продолжалась. Как раз в это время погиб мой маленький сын. Упал рядом со мной, когда мы поливали с ним цветы. Эта пуля, конечно, должна была попасть в меня.

Поручик замолчал надолго, до конца заунывной караванной песни. Но песня кончилась, затянули новую, и он продолжал.

- Я вернулся в армию, выучился в военной академии, и вместе с Капитаном мы разработали такое оружие, чтобы остановить все войны. Мы почти достигли успеха, но ведь и враг - не дурак, он тоже думает. Есть сведения, что уже есть защита от наших лучей. И уже появилось оружие посильнее нашего. Эх, нет этому конца! И не будет, пока не уйдёт домой тот самый человек!

- Но если ему нравится воевать, - сказал Малюня, - он никогда не уйдёт!

- Скорее всего, так оно и есть, - согласился Поручик. - Мой отец любил воевать. Я искал его так же, как ты, вместе с моим кунгом. Нашёл. Но он отправил нас домой. Сказал: "Вот победим, и больше войн не будет". Кунг кричал: "Неправда, будут!" Но отец его не слышал. Его убила одна из первых ракет. И меня убьют как-нибудь. А тебе надо идти дальше.

Когда гости допели вторую песню. Старик обратился к Малюне.

- Нравятся наши песни?

- Медленные очень, - сказал Малюня.

- Это потому что ездим на верблюдах.

- А почему не на машинах?

- Верблюды надёжнее. Ест всё подряд и долго не пьёт.

- А вы тоже долго не пьёте?

Все рассмеялись.

- Мы - не верблюды, - ответил Старик. - Не бойся с нами ехать. Тише едешь - умнее будешь.

- Почему?

- Потому что можно думать о мире, о жизни и не надо думать о дороге - верблюд сам знает. Ну, едешь с нами?

"А куда мне деваться?" - подумал Малюня. И ответил:

- Еду.

20. Глава короткая и скучная.

Эта глава скучна, как песня кочевника. Но не вся.

Караван три дня тащился по пустынным местам, уходя всё дальше от моря.

На шее у Старика, в такт верблюжьим шагам, раскачивалось грозное оружие, приобретённое на грозной станции - одна из тех чёрных трубок, которыми вооружены Капитан и его люди.

Старик сажал Малюню позади себя в седло и бесконечно рассказывал, как они путешествуют, чем торгуют, с кем торгуют, чем питаются и как отдыхают. Он любил своё купеческое ремесло, но Малюню от торговли отговаривал. Объяснял:

- Мы, торговцы, люди нужные. Но что останется на Земле после нашей смерти? Вот эта караванная тропа? Ты только посмотри, как быстро её заносит ветер. Или наши расходные книги? Да они и нам-то завтра не понадобятся: кончилась бумага, выбросил, новую завёл. Или наши песни? И они нужны только нам самим. Другие люди прокладывают для нас дороги, другие производят товары, которыми мы торгуем, другие выращивают верблюдов, на которых мы ездим. Даже деньги изготавливают другие, хотя это мы придумали выражение: "делать деньги". Из чего мы делаем деньги? Мы богатеем на чужом труде» Конечно, мы перевозим товары оттуда, где их много, туда, где их нет. Конечно, мы нужны людям. Конечно, мы будем всегда. Но я опять спрашиваю: что останется на Земле после нашей смерти?

Так жаловался Малюне Старик-купец, а Малюня пел ему и караванщикам, сидя с гитарой у костра либо задом наперёд в верблюжьем седле.

А на четвёртый день караван захватили разбойники. Не помогло и новое оружие: Старик просто не смог им воспользоваться, потому что специальные шлемы защищали нападающих от лучей страха.

Всё, что вёз караван, разбойники осмотрели, часть товара оставили на месте расправы, нужное уложили в лёгкие белые металлические ящики, погрузили в два больших вертолётa и улетели, прихватив одного Малюню с его гитарой.

21. Солдаты Фортуны.

Малюня опять летел в вертолётe, только на сей раз не чувствовал себя спасённым. Ясно было, что добрые люди купцов не грабят и вообще на большую дорогу с оружием не выходят. Ясно было и то, что Малюня для чего-то им нужен, иначе лежать бы ему среди караванщиков с простреленной головой, и коршуны со стервятниками заглядывали бы в его незрячие глаза. Однако, зная пиратов, понимал он и ещё кое-что. Суша - не океан. Оставлять свидетелей живыми здесь опаснее. Стало быть, ожидает его вечная неволя: "Бой, рому всем! Почему палуба не надраена?" и так далее, и сапогом под зад, и ладонью тяжелой по затылку. ..

Он разглядывал разбойников со страхом, однако чувствовал к ним морское презрение. Он не забыл слова покойного Кока: "Пират гораздо опаснее разбойника, потому что он ещё и хороший моряк". При этом Малюню вовсе не смущало, что ЭТИ разбойники умеют летать на вертолётe. Он посмотрел бы на них в море, когда над клотиками полыхают "огни святого Эльма", а судно пикирует навстречу лохматой водяной горе, и никто, кроме Господа Бога не скажет, чем закончится эта встреча.

"Подумаешь, летят "блинчиком", - размышлял Малюня. - Вас бы в шлюпочку на недельку..."

"Остынь, будь любезен, - шепнул из гитары кунг. - Соберись и будь готов, не то как раз беду проморгаешь".

Малюня сидел на откидной металлической лавочке, держа гитару меж колен, и кунг устроился, свесив ноги, на самой верхушке грифа.

"Присмотрись, - нащёптывал кунг. - Они все с виду очень приличные люди. Ни одного не назовёшь разбойником, если в деле не видал. С такими надо быть начеку. Это не простые злодеи".

"А какие же?"

"С идеями".

"С какими такими идеями?"

"А вот это и надо понять. Внимание!"

- Ну, что, сынок, - обратился в это время к Малюне один из бандитов, - сильно перепугался?"

Малюня молча кивнул.

- А ты нас не бойся. Мы же тебя не убили? Не убили. А почему? Да потому что видим: ты - человек.

- А они? - Малюня не стал называть убитых, но разбойник его понял.

- Они, сынок, не люди. Они - спекулянты. А что такое спекулянты? Покупают подешевле, продают подороже. А что это значит? Это значит, что наживаются на чужой нужде. Значит, кто они после этого? Паразиты, сынок, на здоровом теле честных тружеников.

- А вы кто? - Малюня старался говорить без всякого выражения, просто с любопытством.

- А как ты думаешь? - Бандит широко и симпатично улыбался, он просто излучал дружелюбие и доброжелательность. Он был молод, как Старпом, строен, белокур, широкоплеч, и одет, как все его друзья-разбойники, в ладную чёрную форму со множеством карманов. В вертолётe почти не было слышно шума моторов и винтов, поэтому другие трое разбойников приветливо и с интересом прислушивались к беседе.

Малюня оглядел их всех и пожал плечами.

- Мы - солдаты Фортуны, - сообщил белокурый бандит. - А кто такая Фортуна? Это - госпожа Удача. С её помощью мы отнимаем у тех, кто грабит трудовой народ, и возвращаем людям то, что по праву принадлежит им.

- Зачем же столько товаров бросили? - спросил Малюня. Он думал, что бандит растеряется, но тот не смутился и ответил мигом:

- То, что мы оставили, не пропадёт: люди найдут и подберут. А у нас сегодня другая работа. Какая? Скоро узнаешь. Даже сможешь принять в ней участие. Во имя народа и на благо народа мы проведем сложную и опасную операцию. Имеем ли мы право гордиться нашей работой? Да, безусловно! И ты сможешь уважать себя, если станешь солдатом Фортуны. Конечно, сразу ничего не делается, но через несколько лет, после нескольких операций - я уверен, ты будешь гордиться своей судьбой, как гордимся мы, вот с этими замечательными ребятами...

Белокурый разбойник трепался, а остальные кивали с очень серьёзными лицами.

"Ты понял, как мы влипли?" - шепнул кунг.

Малюня кивнул ему, и разбойники заулыбались, думая, что он кивает этому красивому негодяю, не пощадившему в пустыне даже старика.

- Так, стало быть, вступаешь в наши ряды?

Малюня покачал головой. Конечно, было страшновато: не выбросили бы из вертолёт. Но опыт подсказывал, что будут уговаривать. Ведь не затем же ему сохранили жизнь, чтобы убить после первого отказа...

- Х-ха, - вздохнул разбойник. - У тебя характер... Это хорошо. Но скажи, в чём дело? Разве все мальчишки на свете не мечтают о приключениях? Мечтают! Безусловно!

- А я - нет, - Малюня решил здесь ничего никому не объяснять. Да и то: разве поверят, что ему, такому маленькому, уже до смерти надоело все эти пираты и все эти убийства?

Разбойник подождал ответа, потом молча встал и удалился в пилотскую кабину. Его приятели поглядывали на Малюню дружелюбно и некоторое время молчали. А когда вертолёт накренился в развороте, один из них наставил палец в окошко и сказал Малюне:

- Посмотри-ка!

Да, это стоило посмотреть.

Под вертолётном разлеглось белое поле, гладкое, будто стол, а размерами такое, что не грех и с морем сравнить. По полю были расставлены различные строения и конструкции, сновали какие-то машины, копошились люди. Но главное, что поражало взгляд, были, конечно, космические корабли. Малюня только слышал о них, но узнал с первого взгляда. Не узнать их было невозможно. Они высились далеко от всех строений и друг от друга. Их выдвинутые ноги опирались на грязные ожоги, оставленные на бетоне огнём двигателей. Они были грозны и величественны, от них было невыносимо отвести глаза. Такими он и представлял их по рассказам Капитана и Поручика.

Малюня прилип к иллюминатору и не заметил, как многозначительно переглядываются бандиты. Среди восторга ему даже не показалось странным, что разбойники без опаски могут летать над космодромом.

Вертолёты разбойников опустились у дальнего берега бетонного моря, на площадке между лесом и группой металлических домиков. Дальнейшее произошло мгновенно.

Едва белокурый отодвинул дверь, как внутрь ворвались вооружённые люди в белой форменной одежде. Резко приказали:

- Всем встать! Руки на стенку!

Отобрали у бандитов оружие. Вытащили из кабины экипаж. Надели на всех наручники, погрузили в машину без окон и куда-то повезли.

На Малюню наручников не надевали и гитару не отбирали. Как бы между делом зацепили пальцем за флотскую форменку да так и препроводили в машину. Правда, посадили не вместе с разбойниками, а в своё отделение, к "белым". Но с разговорами не лезли и даже, как ему казалось, подозревали в связи с бандитами. Он хотел немедленно кому-нибудь всё рассказать - о нападении на караван, о брошенных в пустыне несчастных коробейниках, - но рассказывать было некому. "Белые" смотрели в законное пространство, а там смыкался над машиной лес, и дорога петляла так узорно, что Малюня быстро потерял направление, потому что Солнца за деревьями видно не было.

"Допрашивать, конечно, будут, - думал он. - Но мне скрывать нечего. А допрос - не пытка".

"Однако сразу никому не доверяй, - советовал кунг. - Сначала точно узнай, чего от тебя хотят".

"Но они же нас спасли", - возражал Малюня.

"А ты уверен?" - отвечал вопросом кунг.

На это возразить было нечего. Малюня уже знал, что ни в чём на свете нельзя быть уверенным до конца. Даже в себе самом. Правда, он много раз уже убеждался, что взрослые относятся к ребёнку вполне прилично. Но были и исключения...

А кунг сидел на верхушке гитарного грифа и поучал.

"Главное - никогда не забывай, что взрослые всегда пытаются представить, каким ты вырастешь. И к тому времени они связывают с тобой какие-то свои планы. Пираты хотят, чтоб ты вырос пиратом, солдаты - солдатом, учёные, вроде Капитана, хотят, чтоб ты стал учёным. Старик-коробейник хотел того же".

"Как того же? Он ведь отговаривал".

"Отговоры - это тоже такой способ уговаривать. Каждому взрослому хочется, чтобы ЕГО ДЕЛО не пропало".

"Ну да, верно. Купцы всё же полезнее разбойников. Но они просто везли меня на космодром. А теперь с космодрома везут".

"Боишься?"

"Надоело бояться. Я-то думал, найду здесь папу. Ведь больше нигде. А теперь куда попаду?"

"Терпи и надейся", - посоветовал кунг. И замолчал до конца пути.

Приехали через два часа.

22. Полное доверие.

Угрюмый солдат в белом ещё в машине крепко взял Малюню за руку и таким манером, не отпуская, препроводил до самой двери прочного каменного домика на краю обширной поляны. Путь был коротким, но Малюня успел заметить, как бандитов повели по широкой бетонной тропе куда-то в лес.

Суровый человек лет сорока встретил Малюню в единственной комнате домика, сгорбившись над какими-то бумагами, которыми был завален стол. Он поднял глаза на вошедших, рукой указал Малюне на лавку у стены, а взгляд оставил на угрюмом солдате и первые слова обратил к нему.

- Что сделали с пиратами?

- Повели в старый склад.

- Надеюсь, не убили никого?

- Даже не побили, - угрюмый ухмыльнулся. - Как велели, Командор.

- Bravo, - одобрил Командор. - Повторите охране: содержать в порядке, человеческое достоинство не унижать, но и поблажек не давать. Их судьбу решит военный суд. Вопросы есть?

- Нет.

- Выполняйте.

Угрюмый крутнулся на каблуках и вышел.

- Попрошу вас немного подождать, - Командор перевёл глаза на Малюню. - Можете поиграть на гитаре. Можете петь - это не мешает.

И углубился в свои бумаги.

Он читал, что-то подсчитывал на компьютере, делал записи и не обращал на Малюню никакого внимания. А Малюня наблюдал за ним сквозь задумчивого кунга, оседлавшего гитарный гриф, и старался погасить своё удивление: ещё ни разу за все скитания с ним не разговаривали так важно, на "вы".

"Что ты об этом думаешь?" - спросил он кунга. Тот не ответил и даже не оглянулся, только покачал головой.

Через некоторое время суровый Командор поднял глаза от бумаг, задержал их на Малюнином хронометре и спросил:

- Который час?

Было начало третьего.

- Так уже обед закончился! - воскликнул Командор огорчённо. - Вот так обращение с гостем! - Поднялся во весь свой немалый рост и с хрустом потянулся. - Простите великодушно! И позвольте вас пригласить. Уверен, вы голодны неимоверно.

Малюня тоже встал. У него и в самом деле давно сосало в желудке.

- За инструмент не беспокойтесь. - Малюня даже не сразу понял, что хозяин имеет в виду гитару. - Поставьте в уголок. Мы потом сюда вернёмся.

С этими словами Командор вышел из-за стола, и оказалось, что вместо левой ноги у него деревяшка. Протез начинался от колена и имел на конце металлическое копыто, обтянутое резиной. Прихрамывая, Командор направился к двери. Он сделал вид, что не заметил взгляда Малюни на свою ногу, распахнул дверь и с приглашающим жестом замер, намереваясь пропустить гостя вперед.

Малюня совсем оробел: никогда с ним так не обращались. Притом не было в манерах Командора ни иронии, ни подобострастия. Хозяин искренне уважал гостя, равного себе по достоинству.

Малюня вышел во двор. От растерянности он даже забыл позвать с собой кунга. Но тут же услышал на плече тихий голос, подобный дыханию: "Не расслабляйся! Внимание!" "Да чего там, - подумал Малюня. Но тут же поправился: - Виноват, повинуюсь". "То-то!" - было слышно, как кунг засмеялся.

До обширного приземистого строения было с полкилометра. Малюня старался не спешить, но калека шагал так легко, что даже не стучал копытом по бетону. Вообще он имел очень бравый вид, особенно в своей белой форме с голубой звездой на груди. Малюне даже стало неловко семенить рядом в своей потрёпанной самодельной матросской робе.

Когда дошли, от столовой как раз отъезжала та самая машина, на которой Малюню и пленных бандитов везли сюда. Кто был в машине на этот раз, увидеть было невозможно, но голоса из неё слышались весёлые. "Значит, свои", - подумал Малюня. "Осторожно!" - напомнил кунг.

В столовой, как и ожидалось, уже никого не было. Только двое в белом убрали со столов посуду. Они мигом расчистили один столик, дружески подставили пришедшим стулья и сказали, что сейчас накроют.

Кушанья в самом деле принесли сразу, и Малюня тут же отметил, что мяса на столе нет.

- Простите великодушно, - сказал Командор, принимаясь за салат. - Если вы привыкли к мясным блюдам, я совершенно бессилён помочь.

- Да ничего, - пробормотал Малюня.

- Дело вот в чём, - продолжал Командор, смягчая свой суровый голос. - Мы не убиваем живых существ и потому, конечно же, не едим их мяса. Обращаю ваше внимание: это не просто гуманность без которой человек уподобляется зверю. Это продиктовано и необходимостью. Ведь ТУДА, - он

коротко ткнул большим пальцем вверх, - животных с собой не возмёмшь. ТАМ можно выращивать растения и питаться только ими. Поэтому, чтоб люди не страдали В РЕЙСАХ, МЫ набираем только добровольцев-вегетарианцев.

Видимо, посчитав объяснения достаточными, он сосредоточился на овощном супе.

Малюня тоже углубился в еду, но целая стая вопросов принялась щекотать ему язык, мешая жевать и глотать.

Кто такие добровольцы-вегетарианцы?

Кто это - МЫ?

Где это - ТАМ?

О каких РЕЙСАХ идёт речь?

"Не спеши, - советовал кунг. - Ешь и думай".

Малюня думал, и получалось, что, как ни поворачивай, а на этот раз попал он к людям приличным. Не любят пиратов. Не убивают никого, даже не едят мяса. Вежливы. Хорошо готовят. Белые одежды - тоже добрый знак: об этом покойный друг Старпом читал ему немного из толстой книги Библии. Неясно только, что за рейсы они там выполняют. Но это и не очень важно - перевозят ли грузы, просто ли путешествуют - лишь бы с добром. Похоже, что рейсы у них воздушные. И если они там выращивают растения в пищу, то какие дальние это рейсы и какие огромные нужны вертолеты? Целые корабли... И тут до него дошло: космодром-то совсем рядом! Как же он забыл?! Они летают на тех кораблях, что высятся по всему космодрому! Они - космические коробейники, или купцы, или как там ещё?.. Это к ним везли его на верблюдах!

"Что ж, похоже, - согласился кунг. - Убедительно. Попробуй при случае рассказать ему о себе".

Малюня помолчал до компота и решился заговорить.

- Почему вы меня ни о чём не спрашиваете?

Командор поднял глаза от стакана и ответил с улыбкой:

- Жду, пока вы перестанете считать себя пленником. Это во-первых. А во-вторых, мы вообще находим невежливым расспрашивать, пока гость не сочтёт нужным сам рассказать - о себе, о том, что видел, о чём-нибудь ещё. Или задать вопрос.

Речь его была изысканна. Малюня почувствовал себя в плену этой речи и даже сам заговорил похоже:

- А могу я сначала задать вопросы?

Командор, улыбаясь, кивнул.

- Где это - ТАМ? - Малюня ткнул вверх большим пальцем.

- Мы работаем в Космофлоте, - ответил Командор. Он говорил очень серьёзно и значительно, но без важности. - Возим продукты, оборудование, технику на Луну, на Марс - на все планеты Солнечной системы. Дальше нас пока никто не летает. Ещё?

Это был ответ на все вопросы, кроме одного. Малюня потупился, но задал и его:

- Кто такие вегетарианцы?

Ему казалось, что это жители какой-нибудь незнакомой планеты, названием похожей на Вегу или на Венеру. Не угадал.

- Это те, кто не ест мяса, - сообщил без улыбки Командор. - Например, я. И вся моя команда... И вам советую. Вегетарианцы выносливее других людей, к тому же у них гораздо быстрее заживают раны. И болеют они меньше. И выздоравливают быстрее.

- Больше мяса не ем, - сказал Малюня.

- Поздравляю и рад, - Камандор через стол пожал ему руку. - Ну, что, скажем поварам спасибо да пойдём?

Они встали, поаплодировали поварам и отправились туда, где осталась гитара.

По дороге Малюня испросил разрешения рассказать о себе, и эта беседа с глазу на глаз затянулась до глубокой ночи. И на гитаре пришлось сыграть, и спеть, и даже нарисовать портрет папы. И хотя вышло не очень похоже. Командор, задумчиво разглядывая рисунок, сказал, что, кажется, где-то встречал это лицо.

- Ведь особенно вам удались глаза, правда?

Малюня признал, что глаза действительно папины.

- Ну что же, - сказал Командор к концу беседы, - я понимаю, почему судьба привела вас именно ко мне. На то она и судьба.

- Вы возьмёте меня с собой?! - вскричал Малюня. Командор накрыл обе его руки своей широкой ладонью.

- Мой друг... Я горд тем, что вы мне доверились... Поверьте, для меня было бы высокой честью помочь в таком деле. На своей скучной работе я мог бы тогда считать, что прожил хоть часть жизни не зря... Но есть одно неудобство...

Командор потупился и замолчал, подбирая слова. Малюня не мог перенести этого молчания.

- Пожалуйста, говорите напрямую! Я готов на все условия!

- Вы согласны на все условия, - повторил, решаясь, Командор. - Ну что же... Хорошо.

Затруднение вот какое. Хоть работа у нас и скучная, - тут он мрачно усмехнулся, - в ней тоже бывают неприятные сюрпризы. Вы, конечно, обратили внимание на мою левую ногу, - он произнёс эти слова уверенно и с благодарностью. - Вы не задали вопросов, я ценю вашу деликатность. Так вот, из-за этой деревяшки врачи больше не выпускают меня в Космос в прежней должности. Только теперь и осталось от Билли Голдинга, что весёлое прозвище - Командор. Спасибо друзьям за это, но в рейс я завтра уйду простым корабельным поваром.

- Коком! - вырвалось у Малюни.

- Увы, друг мой, - Билли Голдинг печально улыбнулся. - И вы, конечно, уже поняли, что, когда идешь на корабле не первым лицом, некоторые решения принимать уже не положено. В том числе и о пассажирах.

- А помощником кока? - Малюня был в отчаянии. - Я ведь готовлю... Ну хоть юнгой!

- Увы, этих должностей в штате Космофлота пока нет.

- Что же делать?

- А вот что. Сейчас мы ляжем спать, а утро, как известно, вечера мудренее. На свежую голову обязательно что-нибудь придумаем.

- А если не придумаем?

- Узнаю ваш возраст, - Командор улыбнулся. - И себя в нём помню. Романтика и максимализм...

Если Билли сказал: "Придумаем", все другие варианты отменяются. Только хочу договориться вот о чём: полное обоюдное доверие. Идёт?

Они скрепили дружбу крепким рукопожатием и улеглись в подвесные койки, совсем как на пароходофрегате.

23. Старый знакомый.

Утром следующего дня к "Эсмеральде" подошли три последних грузовика с продовольствием и личными вещами экипажа. Легкие белые металлические ящики подъёмник унёс в корабельное чрево. При ящиках с провиантом неотлучно находился хромой корабельный кок Билли Голдинг, озабоченный тем, чтобы правильно разместить фиги, финики, апельсины и груши, взятые на первое время, пока всё это не созреет в корабельной оранжерее. Вместе с ним груз сопровождали два садовника, чтобы помочь установить ящики в трюме, а затем последний раз осмотреть оранжерею. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что Билли, собственно говоря, заботился только об одном ящике, не отходя от него ни на шаг, а в стенках этого ящика, незаметные беглому взгляду, были во множестве насверлены мелкие отверстия. Если верить маркировке, в ящике находились разные специи: корица, гвоздика, ваниль, перец и тому подобные пряности. Ящик этот садовники почему-то доставили не в склад, а прямо в каюту кока, где Билли тотчас же закрылся.

Задвинув ящик за ширму. Билли немедленно приподнял крышку, шепнул внутрь несколько слов, опять закрыл крышку и покинул каюту.

Через полчаса дверь каюты открылась вновь, и Билли впустил человека в синей форме таможни. Инспектор заглянул в рундук и в шкаф, попросил открыть ящик со специями. Спросил:

- Почему держите специи не в складе?

- По двум причинам, - ответил Билли спокойно. - Во-первых, без личного контроля их слишком быстро съедают, не хватает на рейс. А во-вторых, люблю этот букет.

Билли шумно потянул носом благоуханный воздух. Инспектор засмеялся и вышел.

- Вот и всё, - сказал негромко Билли, запирая дверь каюты. Он решительно подошел к ящику, быстро поднял крышку, извлёк вставку со специями, и под ней обнаружилось свободное пространство, где, вытянув ноги, удобно сидел Малюня в обнимку с гитарой.

- Прими, приятель, моё искреннее восхищение, - воскликнул Билли, - За два часа в ящике со специями ни разу не чихнуть - это надо иметь характер!

Малюня благодарно ухватился за протянутую руку и выскочил на свободу, очень довольный, что сам Командор перешёл с ним на "ты".

Будто подслушав его мысли. Командор сообщил:

- Мы теперь в одной команде и должны говорить друг другу "ты". Это тебя не затруднит?

Малюня, улыбаясь, мотнул головой.

- Ну-ка, проверим, - Билли впервые положил руку ему на плечо. - Скажи мне что-нибудь на "ты".

Малюня немного подумал и сказал:

- Я рад, что мы с тобой в одной команде.

- Споёмся! - Рука на плече приятно дрогнула. - Располагайся, а я отлучусь по службе. Скоро взлетаем.

"Эсмеральда" взлетела через час, точно по расписанию. Если бы Малюня смотрел на это со стороны, он увидел бы, как самый большой из кораблей на космодроме начал медленно, без грохота и дыма, подниматься над бетоном, очень плавно набрал скорость и так уходил и уходил от Земли, пока не перестало быть заметным глазу дрожание гравитационного поля, пока сам он не растворился в голубом сиянии безоблачного неба. Тогда в недостижимой высоте ярче Солнца сверкнул огнём

двигатель разгона, но уже ничто не потревожило покоя оставленной планеты: ни рев огня в дюзах, ни его пепеляющее дыхание. Самый совершенный из кораблей Космофлота освободился от земного притяжения, вскоре погасил двигатель разгона, и включился главный, маршевый двигатель, которого ни услышать, ни увидеть с космодрома уже никто не мог.

Но Малюня находился внутри корабля и был счастлив. Он сидел с гитарой в личном кресле Командора и волновался меньше, чем в вертолёте, потому что там видна из иллюминатора близкая твердь и трясёт, а здесь... В общем, ничего особенного, как в шлюпке среди океана. И шума не больше.

Кунг сидел на гитарном грифе и впервые нервничал. Он говорил: "Вот в такую переделку я ещё не попадал. Если окажусь за бортом, сомневаюсь, что уцелею". "Не окажусь", - успокаивал Малюня. Он попросту не мог себе представить, какова эта чёрная космическая пустота, в которой летит корабль, и чем она опаснее океана. "По крайней мере, акул там нет", - думал Малюня. "Но там нет давления", - возражал испуганно кунг. А вот этого Малюня вообще не понимал. С давлением он, конечно, сталкивался, когда плыл по воде или когда закладывало уши в вертолете. Но этого мало, чтобы испугаться космической пустоты. А то давление, которое он испытал сейчас в кресле при разгоне, произвело на него не больше впечатления, чем раскачивание на качелях, которые дома сделал ему дед.

Было только скучновато, потому что Билли не сказал, можно ли при взлёте и разгоне петь тихонько под гитару, а сам Малюня шуметь не решился: вдруг вернуться, пока Земля недалеко, и высадят.

Настоящее, большое неудобство было одно: всё время хотелось выглянуть в окно, в иллюминатор, хоть в щёлочку - что там за Космос такой, каковы вблизи звёзды, Солнце и Луна. Малюня привык жить среди простора, когда шумят волны, дует ветер, меняется погода, кричат птицы, скользят запахи. А здесь он сидел в глухой коробке с запертой дверью, вентиляционная решётка вытягивала запах пряностей ("букет Командора"), из другой решётки так же ровно и так же едва шипя поступал очень чистый, слишком чистый воздух без запахов, световые панели горели ровно и не давали теней, и ровный, едва слышный, но тяжёлый голос маршевого двигателя не добавлял звуков, а усиливал ровную, липкую тишину, будто ты нырнул под воду и плывёшь неизвестно куда, а вокруг ни одной рыбы, ни одного камушка на дне. Если ещё придётся весь рейс прятаться в этой каюте, чтобы не подвести Командора, жизнь будет незавидной. Ладно ещё, что продолжаться это долго не должно: неделя до Марса, а дальше - по обстановке, пока не найдётся папа. Может быть, придётся лететь на "Эсмеральде" по всему её маршруту: с Марса на Юпитер, дальше - Сатурн, Уран, Нептун, Плутон, потом заглянуть на Венеру, и там уже Земля совсем рядом. Не больше года займёт путешествие, зато папа уж точно теперь найдётся.

Малюня только одного не мог понять и ждал Командора, чтобы задать об этом вопрос: неужели в Космосе тоже воюют? А за этим вопросом пришлось бы осыпать бедного Билли и другими: кто с кем воюет, из-за чего, каким оружием, много ли войск и прочее.

Был, правда, и ещё один вопрос, отдельный. На него Малюня надеялся ответить сам. Дома бабушка говорила ему, что Бог всё видит и за дурные дела обязательно накажет. Когда Малюня спрашивал, а где же он, Бог, бабушка поднимала глаза к небу: "Там!" И вот теперь, когда Малюня сам оказался ТАМ, он очень надеялся по секрету от взрослых встретиться с Богом и всё ему рассказать. Бабушка говорила, что Бог всё видит. В этом Малюня сомневался. Он помнил всех негодяев и все их преступления, за которые Бог должен был немедленно и страшно их покарать. Вместо этого негодяи убивали приличных и даже отличных людей и жили припеваючи. Правда, случалось, что одни негодяи убивали других или приличные люди побеждали в войне других приличных людей. Но ведь Бог, если бы он всё видел, мог вообще не допустить убийства. Малюня совершенно точно знал, что скажет Богу. Он даст ему совет. Он скажет: "Не надо следить за каждым человеком. Не уследишь. И пропустишь целую войну. Следи за тем, чтобы никто не придумывал оружия, сделай так, чтобы люди разучились убивать - не только друг друга, но и любое живое существо. Не считая, конечно, комаров, мошек, мух и клопов". Вот примерно как заговорил бы Малюня с Богом, только он пока не решил, как к нему обращаться: на "вы" или на "ты". Но это его не очень беспокоило: с одного взгляда на Бога будет ясно, как с ним говорить.

Кунг давно отправился гулять по кораблю, а Малюня, размышляя о Боге, задремал. И вот что ему приснилось.

СОН О БОГЕ

Кто-то сказал: "Бог - вон там". И Малюня пошел туда. Увидел высокую стену из огромных камней, а в ней - дверцу. Потянул за ручку, дверца открылась. Было как раз ему по росту. Он вошёл, как в пещеру: стена была очень толста.

На той стороне цвёл неопиcуемый благоуханный сад, и там Малюня увидел Бога.

Это была женщина.

Он не понял, стояла она или сидела, и какого она была роста. Он ВИДЕЛ её в саду, вот все.

Одета была с головы до ног в разные цветы. Малюня и не знал, что на свете так много разных цветов. Некоторые он узнал, хотя раньше, попадаясь под ногами, они не казались такими красивыми. Каждый цветок СВЕТИЛ своим особенным цветом, будто небесная звёздочка. И не было среди НИХ повторений, и не было ни одного простого цвета. Каждый цветок переливался многими оттенками своего - голубого с оранжевым, золотого с пунцовым, багряного с молочно-лунным и так до бесконечности. Смотреть на этот наряд можно было бы до самой смерти и умереть, любуясь. Малюня шёл к Богу по цветам и среди цветов и через несколько шагов понял вдруг, что это не простые цветы, а человеческие души. И конечно, сразу явилась мысль: "Это души добрых. А злодейские души превратились в пыль, в почву для корней" И тут же пришлось удивиться: среди цветов у ног Бога, где одежда сливалась с ковром на земле, почудился Букетик в окружении тех цветочков, что были вышиты на форменках погибших красавиц с "Акулы". "Как так? - подумал Малюня. - Они же убивали!"

Но тут ему пришлось остановиться, чтобы не наступить на души несчастных красавиц, которые вместо чаек стали цветами. Он поднял глаза и встретился со взглядом Бога. Глаза Бога были умны и прекрасны, в них было страдание, в них была доброта, в них была строгость.

Бог заговорила с ним так, как он разговаривал с кунгом: слова не произносились, но всё было слышно и понятно.

- Ты хотел Меня видеть, и вот ты передо Мной. Ты хотел получить ответы, и ты их получишь. Ты хотел рассказать Мне о том, чего Я не знаю. Слушаю тебя.

Малюня растерялся. Если Бог так говорит, значит уже всё знает. Зачем же повторяться?

- Ты прав, - сказала Бог, - Я всё знаю.

- Тогда и говорить нечего, - подумал сначала Малюня. Но тут же понял, как ему быть: не советы давать, а спрашивать. Он спросил: - Красавицы с "Акулы" были моряками, но их души переселились в цветы - почему?

- Потому что они были женщины.

- Но они убивали. За что их сохранили?

- Они были женщины, - повторила Бог. Это было непонятно для ума, но от Бога к Малюне перешло чувство, что так будет лучше.

- Им больно? - спросил Малюня.

- Здесь никому не больно. Душа болит, когда она в теле. Здесь она отдыхает.

- А потом - обратно в человека? Или в кунга?

- Если захочет - только в человека. Или останется цветком.

- А в кунга?

- Кунг - это душа рода. А здесь - души безродные.

- Как это - безродные?

- Единственные. Без родственников.

Это когда все умерли, понял Малюня. И спросил:

- Значит, войны - рада этих цветочков?

Спросил и подумал, что Бог, наверно, не поймет. Но она поняла. Она даже улыбнулась.

- Вон какой ты умный... По-твоему, Бог позволяет войны, чтобы иметь побольше цветов...

- А зачем же ещё! - ответил Малюня дерзко. - Там люди в крови погибают, а здесь - цветочки.

Очень красиво.

- Ругаешь меня, - Малюне почудилось, что Бог вздохнула. - Но я знаю больше. Если люди не будут иметь достаточно горя, человеческий род погибнет.

- Почему?

- Без горя душа становится ленивой. Без горя человек теряет доброту. Без горя не бывает любви. Человек только тогда понимает счастье, когда узнаёт горе.

- НЕ НАДО ТАК! - закричал Малюня и проснулся.

Он проснулся, полный горя, и долго не хотел открывать глаза, потому что в глазах было мокро и могло потечь. И ещё ему хотелось вернуться в сон и что-то там ещё такое сказать Богу, чтобы она поняла, что раз Она всех сильнее, всё знает и все может, так надо сделать всё по-честному, по справедливости, чтобы никто не страдал.

Постепенно слезы высохли, Малюня проснулся окончательно и открыл глаза. Тогда скрипнула дверь, и в каюту Билли Голдинга вошёл Белокурый Разбойник! Тот самый, от которого Малюня узнал, кто такие "солдаты Фортуны". Арестованный в вертолёт у Малюни на глазах!.. Теперь на нём не было наручников и чёрного разбойничьего наряда. Он был одет в ладный костюм цвета знойной пустыни с чёрной квадратной нашивкой на рукаве. С нашивки на Малюню весело глазел и скалился человеческий череп над скрещёнными костями. "Весёлый Роджер"! - узнал Малюня.

"Кажется, мы опять у пиратов!" - прошептал из-под подушки кунг.

Пират принес плетёную корзинку. Пират улыбался ещё шире, чем "Веселый Роджер". Он поставил корзинку на стол и радостно заявил:

- Ну, старый знакомый, поздравляю!

- С чем?

- Ты зачислен юнгой в команду Билли Голдинга. Командор сейчас не может тебя принять, он несколько... занят. Он просит тебя позавтракать без него и пока не отлучаться из каюты. Лучше всего тебе вообще быть поближе к этому креслу. Сейчас Командор пересчитывает курс, и будет некоторая перегрузочка. Так надо, чтобы все в это время сидели, а то можно спортить причёску.

Пират приятно засмеялся, вышел и запер дверь.

24. Я - пират!

Малюня почувствовал, что голоден. Зверски голоден. Как белобрюхая гроза морей, которая жрёт что попало, никогда не останавливается и никогда не бывает сыта. Но он - не акула. Он просто очень нервничает, поэтому так проголодался.

Он полез в корзину. Там было полно прекрасной еды. Был борщ по-флотски, была рассыпчатая гречневая каша с маслом, был любимый салат - порезанные огурцы и помидоры в сметане, была чудесная ягода голубика и был крепкий свежий чай с жасмином. Не было только мяса. Неужто и в самом деле кок Билли намерен сделать всю команду "Эсмеральды" вегетарианцами?

- Команду "Эсмеральды", - повторил Малюня вслух.

И тут же всё, что его волновало, выстроилось в один страшный ряд. Белокурый Бандит на свободе! Он сказал: "Ты зачислен в команду Билли Голдинга". Это одна шайка! Билли - снова Командор! "Эсмеральда" захвачена пиратской шайкой Билли Голдинга!

Малюня свирепо хлебал борщ и яростно жевал кашу, сыпал голубику в салат, запивал его драгоценным жасминовым чаем и лихорадочно обдумывал своё открытие.

Пираты притворились честными моряками... То есть, космолетчиками. Им доверили важное дело - обеспечить нужными грузами людей на многих космических станциях, на планетах, где нет собственной жизни. А они... Чего они хотят?

Был момент, когда Малюня усомнился. А вдруг это просто шутка? Повар Билли, добрый весельчак, затеял пошутить над новичком, что-нибудь вроде чая на клотике, и послал к нему своего помощника в костюме космического пирата... Но тогда придётся поверить, что этот белокурый помощник и тот, в пустыне, Белокурый Убийца - не одно лицо. Или - что этот "солдат Фортуны" не грабил несчастных караванчиков и не проливал их крови. И - что носить на рукаве череп с костями - любимое развлечение работников Космофлота. А поверив в это, придётся поверить, что и все другие убийцы, которых знал Малюня, были только весёлыми шутниками ...

"Браво, - шепнул кунг, сидя на крышке термоса. - Ты становишься взрослым".

- Мне от этого не легче, - пробормотал Малюня.

Тут из-за решётки под потолком раздался голос Билли Голдинга:

- Кончать работу с пленными! Отказных - за борт! Через десять минут меняем курс. Сесть и пристегнуться,

"Ну вот, - сказал Кунг, - Билли на мостике. Ошибки нет" Малюняпил роскошный чай, не чужа вкуса, и больше не сомневался: корабль захвачен. После разворота сюда придут и начнут делать из пассажира юнгу.

"И что же, - спросил кунг, - по-твоему, юнга - это хуже, чем бой?"

"Я не буду пиратом", - подумал в ответ Малюня.

"И не надо, - кунг засмеялся. - А юнгой - пожалуйста! Учись кораблю, учись навигации. Чем плохо?"

"Иначе - рабство?"

"Отказных - за борт, - напомнил кунг. - Пристегнись-ка".

Малюня убрал посуду в корзинку и затащил поперек кресла широкий ремень. Посоветовал кунгу: "Ты тоже пристегнись". Тот засмеялся и ободрил: "Браво. Шутить полезно всегда. А когда трудности - особенно".

По кораблю пошел предупредительный звон, и началась перегрузка. Она не вырывала из кресла, не выдавливала глаза и не обрывала внутренностей, но пристегнуться всё же стоило. И посуда в корзине мелко дребезжала, пока не вдавилась в стенки и друг в друга. Малюне захотелось спать. Он с трудом поднял глаза на кунга. Тот весело подмигнул и впитался в переборку. "Ну и ладно", - подумал Малюня. И заснул.

Сон ему приснился ужасный. Грубые пираты в скафандрах выбрасывали пятерых честных космолётчиков из корабля. Эти пятеро были совершенно раздеты и сильно избиты. В переходном шлюзе их задраили одних и распахнули наружную дверь. Давление воздуха, как мошек сквозняком, выбросило беззащитных людей в холодно сверкающую звёздами черноту Космоса, и они страшно лопнули там...

Малюня от ужаса хотел зажмуриться, но вместо этого вздрогнул и проснулся. Перегрузки не было. Перед ним сидел на столе кунг.

"Я же просил тебя не показывать страшных снов!" - подумал Малюня.

"Это был не сон", - ответил кунг и впитался в столешницу.

"Как противно, - подумал угрюмо Малюня. - К звёздам летают, такими кораблями управляют, а друг друга убивают всё так же"

"А ты как думал, - донёлся откуда-то голос кунга. - Люди - всегда люди".

"Нет! Это пираты - всегда пираты!"

Кунг не ответил. Видно, был уже далеко. Что он там высматривал?

Пока никого не было, Малюня посерьёзнее огляделся в каюте: нет ли у кока чего почитать. Читать было абсолютно нечего. Ни клочка бумаги.

"Так я и думал, - Малюня даже не огорчился. - Ни разу не встречал читающих пиратов".

Он решил было снова заснуть, но трансляция рявкнула голосом Билли:

- Юнгу - на мостик!

Явился Белокурый и в быстрой кабинке отвёз Малюню к Командору.

- Ты, конечно, всё уже понял! - Билли поднялся навстречу, сверкая улыбкой. - Прости, милый, за легкий обман. Вынужденно, честное слово солдата Фортуны, вынужденно обманули тебя! - Положил широкую тёплую ладонь Малюне на плечо, увлек на диван, налил из сифона два бокала апельсинового сока и продолжал: - Пиратское дело такое, сам знаешь: лишнее слово, и вся операция акуле под хвост, а ты с приятелями болтаешься на нока-рее. Впрочем, это образ из старых книг... Да, сразу о книгах. Я видел, ты искал что-нибудь почитать. Книжек тут нет: слитком много места занимают. Но когда вернёшься в СВОЮ каюту, найди экранчик на стене, сразу над столом. Это и связь со воем кораблём, и библиотека, и кино можно посмотреть. Ты кино смотрел когда-нибудь?

Малюня мотнул головой. Он и слово это слышал впервые.

- О-о?! - восхитился Билли. - Как я тебе завидую! Чего бы не дал, чтобы вот сейчас увидеть кино впервые в жизни!.. Это, сынок, вроде книги, только живое: специально обученные люди, артисты, делают вид, будто всё происходит с ними. Например, нас с тобой могут изобразить два артиста: как я тебя спасаю от своих ребят, как провожу секретно в ящике на корабль, как я захватываю корабль, а ты в это время тихо сидишь и беседуешь сам с собой, а потом мы снова встречаемся вот в этой ходовой рубке... Представил? Я так и думал. Ты умный, я сразу заметил!

Билли потрепал Малюню по волосам и продолжал:

- Читать, сынок, надо как можно больше. Без этого ты неинтересен людям, без этого ты в жизни не хозяин, а пушинка, летящая по воле струй. Книга даёт знание, а знание - это самая сильная из всех сил. И в нашем пиратском деле, сынок, знаний требуется куда больше, чем в любом другом. Надо уметь всё, что умеют все, и ещё кое-что, чего они не умеют... В моей библиотеке масса книг по всем отраслям знаний. Все они переложены с бумаги на особые носители... Пока не надо засорять тебе голову преждевременными знаниями. Сейчас ты просто научись нажимать кнопки да вертеть регуляторы. Нажимай, верти и читай себе на здоровье. Кое-что буду подсказывать, а в основном будем играть в вопросы и ответы. Читай, обдумывай и приходи в любое время с любым вопросом. Можешь не сомневаться, я отвечу на любой. Что же касается специальной подготовки - стрельбы там, рукопашного боя, открывания замков, пиротехники и тому подобной необходимой чепухи, - тут полностью положишься на Фаддея. На того, который тебя ко мне привёл. Он очень добрый малый, когда не в бою.

Билли рассказывал про Фаддея, про своих приятелей-пиратов, и говорил он так мирно, так доверчиво, что Малюне казалось, будто никто и не захватывал "Эсмеральду", не выбрасывал в Пространство обречённых людей, и вообще только в этой славной компании можно стать настоящим человеком и получить подлинно глубокое образование.

От Командора Малюня вышел, улыбаясь, полный уверенности в себе, веры в команду и надежд на помощь Фортуны, всемогущей покровительницы всех свободных людей, настоящих мужчин.

"Вот что значит психотехника! - шептал на плече кунг. - Он тебя заговорил! Не поддавайся мороке!"

"Отвяжись, - раздражённо подумал Малюня. - Мне некогда. Я должен много прочесть".

"Силён!" - пробормотал кунг неизвестно о ком. И отвязался.

"То-то же, - подумал вслед Малюня. - Твои сказки больше не требуются. Каждый сам создаёт сказки и легенды, иначе он не человек, а серая подколодная мокрица. Таким я был, но больше я не мокрица. Отныне и навечно: Я - ПИРАТ! Выше всех прочих, быстрее всех прочих, дальше всех прочих, сильнее всех прочих, умнее всех прочих... Да какого чёрта?! К чертям всех прочих!"

25. Акулы Пространства.

Теперь на время забудем про Малюню. Его обольстил своими странными чарами пиратский Командор, ему теперь не до поисков папы.

Вот личность поярче. Молод, силен, быстр, умен, блестяще образован, всегда здоров и свеж, потому что не ест мяса, расчётлив и неутомим в бою, но великодушен к побеждённым. Он не выбрасывает пленных за борт, а дает им шанс выжить: или на спасательном боте с их же корабля или, если нет бота, высаживает с полным набором инструмента на ближайшей планете, подходящей

для жизни. Он пират. Его зовут Биг Бой, или проще - ББ. Его "Барракуда" не тычется от планеты к планете в тесной Солнечной системе, а молнией пронизывает Галактику от края до края, открывая новые пути, явления и планеты, но оставаясь вне закона. "Барракуда" носила другое имя, более благородное и менее хищное, но, попав в лапы пиратов, стала поистине грозой Обитаемого Мира, а неуловимые и непобедимые люди Биг Боя получили прозвище - Акулы Пространства. Прославиться под таким именем среди матёрых космических бродяг, не знающих страха перед Пустотой, Мраком и Холодом, - это, согласитесь, репутация...

Были годы, когда весь Космофлот только тем и занимался, что охотился на "Барракуду". Устраивались массовые облавы и соблазнительные ловушки, разбойникам предлагались поочерёдно то почётная сдача, то честный поединок, то откуп, чтобы они притихли и удалились ко всем чертям из Галактики. Было несколько случаев, когда к ним засылали тайных агентов с заданием поднять на борту мятеж, убить ББ или уничтожить корабль, пусть даже ценой собственной жизни, ради всего Человечества. Эти люди исчезли бесследно - может быть, их даже приняли в экипаж "Барракуды". Ни один же из пиратских лазутчиков ни разу не был схвачен, хотя пираты явно были всегда в курсе самых свежих новостей и планов. И постепенно от них отступились, приспособились, как стадо диких оленей принаравливается к стае волков, и стали терпеть как неизбежное зло, ругая за какой-нибудь очередной грабёж и пугая ими детей.

А на "Барракуде" жизнь кипела, как на какой-нибудь хорошо управляемой планете. Корабль был громаден и великолепно оснащён. Он мог сам обеспечивать себя всем необходимым, и потому члены экипажа спокойно обзаводились семьями, воспитывали детей (уж конечно пиратами!) и совершенно не старели благодаря огромным скоростям полёта.

Как это ни печально, Акулам Пространства по всей Галактике завидовали дети. Они играли в пиратов, убегали из дома в пираты, отказывались есть мясо, как настоящие пираты, и, бывало, устраивали на своих планетах такие грабежи, что правительства раз за разом возбуждали в Совете Галактики вопрос об уничтожении "Барракуды".

Но уничтожить "Барракуду" было невозможно. Для этого потребовался бы флот превосходящих её или хотя бы равных ей кораблей. А в том-то и беда, что вместе с "Барракудой" пираты умудрились похитить и все расчёты и принципы, все чертежи и даже главных специалистов, судьбы которых, как и судьбы секретных агентов Космической Безопасности, остались тайной для Человечества.

Впрочем, тайна "Барракуды" была даже глубже, чем думали многие. Среди специалистов упорно ходила легенда, будто этот корабль разработали сами пираты. И нарочно построили его на всеми забытой, исчерпанной планете, на заброшенной верфи и даже из ворованных материалов. Из этого следовал печальный вывод: чтобы догнать гениального пирата, Человечеству нужно было подождать, пока родится второй такой же умный, только не пират. Или уж случится что-нибудь невероятное.

В тот день на "Барракуде" всё шло по расписанию. Пираты чтили распорядок, в этом была их сила.

После утреннего сельскохозяйственного часа, обязательного для всех, навигаторы занялись оружейными делами; оружейники приступили к обслуживанию двигательных установок; группа двигателистов отправилась на кухню; повара с гитарами собрались в зале отдыха, где сам Биг Бой давал урок музыки; по одному человеку от каждой службы прилежно заседали у врачей, осваивая новинки медицинского оборудования... Конечно, по боевой тревоге каждый займёт только своё штатное место, на котором он превосходит мастерством всех, но знать как можно больше, уметь работать за любого из товарищей по разбою - вот она, причина непобедимости пиратов.

Разумеется, в каждой группе занимались и дети, для которых, соответственно их возрасту, имелась особая программа подготовки. На "Барракуде" строго соблюдался принцип: "Чтобы вырастить настоящего человека, нужны ежедневные самозабвенные усилия, а чтобы вырастить настоящего пирата, любых трудов недостаточно". Конечно, случалось и такое, что при всех усилиях из своего ребёнка явно не получался пират. Такого беспощадно оставляли на какой-нибудь приличной планете, а вместо него увозили добровольца, лучше других сумевшего удрать в пираты от собственных родителей. И не было случая, чтобы из беглеца не вырос настоящий космический негодяй. А брошенные пиратские дети знали и умели так много, что никогда и нигде не пропадали. Правда, и секретов пиратских никто из них ни разу не выдал.

Итак, "Барракуда" летела в космической пустоте по своим секретным пиратским делам, и жизнь на разбойничьем корабле шла по обычному расписанию.

В зале отдыха ансамбль поваров под управлением Биг Боя уже добился полного созвучия гитар и с упоением горланил любимую командорскую "Не жди меня, мама", как вдруг тихо отодвинулась дверь и рядом с командором возник помощник вахтенного, серьёзный мальчонка лет десяти. Что-то шепнув на ухо ББ, он замер в ожидании. Командор жестом остановил хор, тихо сказал: "Дело пошло, ребята, вот вам новый дирижёр" и, передав свою гитару мальчишке, вышел. Повара посмотрели на нового дирижёра с завистью: поиграть на замечательной командорской гитаре выпадало не всякому.

Биг Бой стремительно вошёл в ходовую рубку. Вахтенный поднялся навстречу.

- Перехват! - потребовал ББ с порога.

- Да это и не перехват, - сказал вахтенный, подавая листок с несколькими фразами. - Все станции Галактического Совета передают открытым текстом на всех диапазонах.

Чтобы прочесть сообщение, Биг Бою хватило бы и одного взгляда, но он долго смотрел на бумажку, будто не понимая простых слов. Потом прошёлся по рубке. Потом сел в кресло помощника, играющего сейчас на гитаре с беспечными поварами, жестом пригласил сестра вахтенного и тихо спросил:

- А что дальше?

- Было ещё объяснение, - сказал вахтенный. - Этот текст получен из района боёв. Так его оборванным и передают, для убедительности.

Биг Бой поднялся и приказал:

- Все занятия прервать. Экипаж по боевой тревоге собрать в зале отдыха.

Когда пираты сбежались в зал отдыха, мрачный командор сидел в сторонке и медленно перебирал струны гитары. Все лампы, включённые по поводу большого сборища, блестели на чёрных боках старого инструмента. Мелодия была никому не знакома.

Настала полная тишина, и командор понял, что экипаж собрался весь, за исключением вахтенного и его помощника, для которых была включена из зала трансляция.

ББ отставил гитару, поднялся и заговорил не так, как всегда. Обычно он сразу сообщал новость и немедленно предлагал приступить к делу: на кого-нибудь напасть или наоборот, уйти от облавы, чтобы избавить Человечество от лишних потерь - так он всегда выражался. На этот раз он начал с вопроса.

- Акулы Пространства, - сказал Биг Бой. - Я правильно вас называю?

Экипаж, несколько удивлённый таким поворотом, улыбаясь, закивал. Кто-то даже отозвался: "А что, прозвище точное".

- Я хочу спросить вас, - продолжал ББ, не ответив на улыбки, - знает ли Галактика случай, когда Акулы Пространства отнимали бы кусок у голодного или убивали не в бою?

- Нет, командор, - ответили почти хором. - Не было такого.

- Тогда слушайте, - Биг Бой поднял тот самый листок и прочитал по памяти, не глядя на бумагу, а всматриваясь в лица людей: - "Всем планетам, станциям и кораблям, имеющим оружие. Нападение на центр Галактики по северной оси. Большой военный флот. Нас побеждают. Все на защиту..." Больше они ничего не передали. Их уже нет, полагаю. Человечество в опасности. Как поступим?

После недолгого молчания кто-то из зала произнёс:

- По северной оси... Это, наверно, те синие, пятиглазые...

- Скорей всего, - согласился ББ.

- Они умеют, - сказал задумчиво кто-то ещё, кажется, из абордажников.

Командор видел, как на лица легло неприятное воспоминание.

- Ну, так что же?! - в голосе ББ прозвучали и ответ на последнее замечание, и повторение вопроса к экипажу. - Как поступим, ЛЮДИ?

Экипаж молчал. Акулы Пространства думали. Их только что НАРОЧНО называли людьми. Это означало, что им предлагается спасти Человечество. Подобными делами они ещё не занимались. Грабить ЛЮДЕЙ - приходилось. Убивать - случалось. Удирать от них - неоднократно. Засылать к ним лазутчиков - постоянно. Но дружить, а, тем более спасать - хе-хе. За исключением разве тех случаев, когда щадили пленных.

Но одно дело - спасать людей от людей: они того не стоят. Совсем другое - от жутких пятиглазых с синей кожей, от которых как-то раз сами едва спаслись. Тут впору задуматься. Тут даже было впору забиться в самый дальний виток Галактики, в самый ее хвостик, и продрожать там остаток жизни - авось хоть туда не доберутся.

Но там, в самом хвостике Галактики, находилось как раз самое ценное, что было у Человечества: слабенькая звёздочка по имени Солнце, а при нём - планетка совсем крохотная, именуемая Землёй. Объяснять это никому не требовалось, все грамотные.

Пираты молча сидели все вместе и чувствовали, как в их суровые души вползает страх. В конце концов, они были ВСЕГО ЛИШЬ людьми и имели основания бояться пятиглазых: к ним не зашлешь лазутчиков и их бесполезно щадить, потому что они этого не понимают. И было им страшно за свою планету, которую все помнили и лучше которой не знали ни в Галактике, ни на Северной оси, где нелёгкая всего однажды свела с пятиглазыми. И каждый подумал: "А не зря ли мы удалялись из Галактики? Не мы ли показали дорогу сюда пятиглазым?"

Будь на корабле одни мужчины, можно было думать поменьше: пощипать хорошенько этих синеньких, обзавестись их оружием, которое, признаться, превосходно, а там - как повезёт. Но на "Барракуде" было полно женщин и детей. И неважно, что у них были пиратские души. От этого они не переставали быть женщинами и детьми. Спасая Человечество, они все могли погибнуть. А, спасая одних себя, они имели шанс, если погибнут все люди в Галактике, возродить новое Человечество,

где-нибудь в тихом месте. Для этого их было достаточно.

Молчание в зале казалось бесконечным. Вахтенный в ходовой рубке и мальчишка, его помощник, даже не заметили, как затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово оттуда. Только глаза их привычно не отрывались от обзорных экранов, потому что безопасность корабля в Космосе - первое дело для вахты.

Биг Бой присел на краешек кресла и молча, будто впервые, разглядывал верхнюю деку своей гитары. С чёрной лакированной поверхности ему улыбались два лица, мастерски нацарапанные ножиком: молодого морского офицера и симпатичного мальчишки лет восьми. Они смотрели на командора в упор. Они-то знали совершенно точно, как поступить экипажу "Барракуды".

26. Убей синего.

Биг Бой сам нашёл место "Барракуды" по звёздному секстанту. Это могли бы сделать на корабле любая девчонка и любой мальчишка старше десяти лет. Но так уж было принято, чтобы определял место сам командор, а вахтенные только сверяли его координаты со своими.

"А на Земле, в океане, до сих пор не умею определяться", - подумал Биг Бой и усмехнулся. Он подождал, не ответит ли молчаливая пустота на его мысль хоть самым тихим голосом. Но пустота молчала. Тогда он вздохнул, ослабил застёжку на воротнике, нажал клавишу на панели и приказал ввести пленного.

Вошли трое, все одного роста. Люди, в белых костюмах, остались у двери, а третий, с синей кожей, одетый в разорванную хламиду утомительно-багрового цвета, уверенно шагнул вперёд и опустился в кресло перед командором. Расставив закованные ноги, на сколько позволяла цепь, и сжав затёкшие в наручниках кулаки, он коротко огляделся. Впрочем, чтобы оглядеться, ему было достаточно просто вскинуть пять глаз, которые охватывали голову кольцом. От этого вся его очень круглая голова, не украшенная ни одним волоском, имела вид сплошного лица, без носа, но со множеством ноздрей над тремя ртами. Пересчитать эти ноздри землянам до сих пор не удалось, потому что синий постоянно моргал ими, закрывая и открывая без всякого видимого порядка. Чем он слушал, было пока неизвестно, но слышал враг отменно. Всё остальное было у него настолько человеческим, что оковы подгонять не пришлось.

Одним взмахом длинных ресниц пленный охватил всю командорскую каюту и произнёс самым широким ртом, по которому и определился на его лице перёд:

- Говори, враг.

Он произнес это единственным тоном, который знали синие, - тоном приказа. Он разговаривал на языке землян: научиться ему ничего не стоило.

- Хочу тебя отпустить, - сообщил командор. Двое у двери переглянулись.

- Убей меня, - приказал пленный.

- Если так хочешь умереть, - ББ усмехнулся, - разбей себе голову о стену.

- Мы себя не убиваем, - большой рот презрительно скривился. Двое у входа видели, как скривились и другие рты. - Мы убиваем других. Нас убивают другие.

- Зачем убиваете? - командор заговорил тем же тоном, что и пленный.

В ответ пять бровных складок полезли вверх.

- Глупо говоришь. Все убивают, чтобы жить.

- Вам мало своего?

- Нам надо ваше.

- Вам мало своего? - повторил ББ.

- Не скажу, - был ответ. - Нам надо ваше.

- Вам не победить нас, - сказал ББ.

- Мы сильнее! - рявкнул пленный.

- Вы проиграли пять последних контактов, - напомнил ББ.

Пленный звякнул оковами, но заметил, как двое у двери качнулись, и не вскочил. У землян не было в руках ничего, но любой из них в рукопашной мог устоять против любого количества синих. Пятиглазый это знал хорошо. Но это его до сих пор удивляло, он не хотел этому верить и не мог с этим смириться. Он яростно заговорил:

- Первую победу вы одержали хитростью и захватили много нашего оружия. Вторую победу вы одержали обманом и захватили много нашего оружия. Третью победу...

- Замолчи! - перебил командор. - Теперь слушай ты и не надейся, что убьём. Ты нужен нам живой.

- Я не могу быть нужен вам! - вскричал пленный всеми тремя ртами. - Я нужен только нам!

- Молчи! - повторил ББ резко. - Слушай молча! Мы отправим тебя к вам. И вот что ты скажешь там. Мы пять контактов выиграли обманом. Остальные выиграем силой. Мы уже делаем ваше оружие. Мы делаем оружие лучше вашего. Мы убьём вас всех и возьмем всё ваше. Но если вы уйдёте из нашей Галактики, мы не пойдём за вами.

- Убейте нас и возьмите наше! - пленный захохотал тремя ртами и страшно завращал пятью

глазами.- Или мы уберём вас и возьмём ваше!

- Он помешанный? - воскликнул один из парней у двери.

- Я нормальный враг! - заревели три глотки. - А вы - помешанные враги! Отпустите меня, я убью вас!

- Уведите пока, - велел своим Биг Бой. - Надо подумать.

Он сидел одиноко в своём кресле, сгорбившись над гитарой, что-то названивал струнами и рассеянно размышлял.

"Странные синие твари, - думал Биг Бой под печальное пение гитары. - Людьми не назовёшь, хоть к похожи... Телом похожи. А душа их подобна огню: либо уничтожает всё вокруг либо погибает. Таквы они от природы... Если бы мы, пираты, не встретились с ними раньше, еще на Северной оси, они всё равно пришли бы в Галактику. Так пожар сам идёт по лесу, а ветер может лишь ускорить его движение... Вот мы ускорили. Мы же и остановим. И погасим. Это не люди и нечего их жалеть!"

Тут и раздался из пустой тишины голос, которого он так долго не слышал. Подобный легкому дыханию, голос прошелестел у самого уха:

"А людей ты много ли жалел, пират?"

Биг Бой радостно вздрогнул. Медленно, ещё не веря и боясь спугнуть, он повернул голову на голос и, скосив глаза, увидел на своём плече прозрачное пушистое существо, ростом не больше детской ладошки.

"Это ты! - подумал командор ласково. - А я думал, что ты давно уж дома..."

"Как же, дома, - проворчал кунг. - Давно был бы там, да не могу я через Космос".

"Как не можешь? - Малюня сразу не поверил. - Ты ведь говорил, что кунги умеют везде..."

"Умеют, умеют, - отвечал кунг сварливо. - А я заблудиться боюсь. У меня ведь звёздного секстанта нет."

Было ясно, как солнечный день на Земле, что кунг нахально врёт, и внутри у командора всё задрожало от радости.

"Ну почему ты столько лет молчал? Презирал меня за пиратство?"

"Сам знаешь, нечего спрашивать. Искал мальчик папу, дружил с приличными людьми, а кем стал?"

"Ну все, всё, я уже не разбойник, я ЧЕЛОВЕК, ты же видишь".

"Потому и заговорил с тобой, голубок. Потому и забыть меня не дал... Я знаю, что будет дальше. Я должен тебе это рассказать"

"Говори, говори, я готов!"

"Не сразу. Поспи сначала. Ты устал с этим синим. Освободи от него душу, тогда поговорим".

27. Сны командора.

Биг Бой спал в своём любимого кресле, не выпуская из рук гитару. Его широкая ладонь закрывала лицо смеющегося мальчишки, нацарапанного когда-то Старпомом. Зато портрет самого Старпома вдруг ожил и заговорил.

Сон первый.

- Bravo, сынок, - сказал Старпом. - Ты задал синим перца. И ещё задашь, я уверен.

- И ещё задам. Но их всех придётся убивать. Даже пленных. Мне горько. С ними нельзя договориться.

- А разве с людьми это всегда удавалось?

- То люди. У нас это по-разному. Мне всегда жалко убивать.

- Знаю, - отозвался Старпом. - Всё о тебе знаю.

- А что будет - тоже знаешь?

- Тоже.

- Покажи, - попросил Биг Бой.

- Хорошо. Смотри.

Грозный командир "Барракуды" вдруг почувствовал себя тем самым Малюней, каким был несколько лет назад. Он был нацарапан ножичком на гитаре и оттуда, вместе с нацарапанным Старпомом, смотрел на того, кто держал в руках гитару, - на самого себя, на командора Биг Боя.

Вот загудел сигнал вызова на мониторе. ББ поставил гитару в сторонку, лицом к экрану, и щелкнул клавишей связи. На экране возник вахтенный.

- Командор! Последний корабль синих взорван.

- Пленные есть?

- Пленных нет... Ой, нет, прошу прощения. Есть один...

- За борт его!

- Командор... Это не синий. Это человек.

- Человек воевал против нас вместе с синими? Да ты соображаешь, что говоришь?

- Да, командор. Могу показать.

Командор кивнул. Вахтенный отодвинулся, и его место на экране занял человек в багровой хламиде. Малюня узнал его мгновенно. Это был тот, кого он всю жизнь искал.

- Папа, - выдохнул командор.

- Папа, - пролепетал Малюня.

- Вот так встреча, - проскрежетал папа тем самым приказным тоном, каким говорили все синие. - Убей меня, сын.

- Но ведь ты - человек! - воскликнул горько Биг Бой.

- Я давно не человек! - отрезал пленный. - Убей меня, сын!

И он грозно потряс перед экраном скованными руками.

- За борт его! - крикнул Биг Бой не своим голосом.

- Папа, - прошептал Малюня.

Сон кончился. Стало темно и пусто. Но Биг Бой продолжал спать. И скоро из тьмы и пустоты явилось новое виденье.

Сон второй,

Он увидел Билли Голдинга. Хромой пират, обманувший когда-то Малюню, пил вино со старым коробейником, которого убили в пустыне его разбойники ради нескольких ящиков товара.

Едва Малюня подумал о нескольких ящиках товара, Билли со Стариком переглянулись и засмеялись.

- Эх, юный певец, - промолвил коробейник. - Чистая душа, не знал ты, что лежало в тех ящиках. Конечно, меня следовало из-за них убить.

- Там было оружие, сынок, - пояснил Билли. - То самое, которое разработали Капитан с Поручиком.

- Они торговали оружием?! - вскричал Малюня возмущённо.

- Торговал только Капитан, - уточнил Старик. - Поручик ничего не знал. Но это дела не меняет.

Он ведь тоже имел к этим стволам касательство.

- Но он хотел остановить войну! - возразил Малюня.

- Все злодеи хотят остановить войну, - Старик улыбнулся. - Но каждый при этом имеет в виду, что последнее слово останется за ним. Поручик всё понял, да поздно: он уже ничего не мог сделать - джин вылетел из бутылки. Вот он и предложил тебе забрать с войны отца: вдруг это всё на нём держится.

- Э-э-э, старина! - Билли выпил, закусил огурцом и захохотал. - Нет такого человека, на котором держались бы все войны. Это красивая выдумка. Вот потому, сынок, я и сделал тебя космическим пиратом, неуловимым и непобедимым. Ты ведь не жалеешь?

Малюня хмуро пожал плечами.

- Не сомневайся и не жалея! - Билли налил себе ещё вина и потянулся к куску жареного мяса. - Из тебя получился абсолютный пират, сынок! Ты талантлив, изобретателен, образован и великолепно здоров...

- А ты уже ешь мясо, - перебил Малюня.

- После смерти всё можно, - объяснил Билли сквозь смех, - И вообще, каждый вегетарианец тайно мечтает вот как раз о таком куске мяса, чтобы с соусом, с перчиком, с колечком лука, ну и, конечно, с хорошим глотком доброго вина!

Билли осушил бокал и стал с отменным аппетитом жевать сочное мясо.

- Ты хочешь сказать, - Малюня хмуро смотрел на эту пару мошенников, - хочешь доказать, что жизнь каждого человека, - только обман и больше ничего?

- А как же? - вскричали хором оба негодяя, после чего Билли продолжал один: - Ничего плохого в обмане нет, сынок, была бы цель достойной. Вот сейчас ты обманом и хитростью уничтожил весь флот синих. Доброе дело или нет? Доброе! Потому что спас Человечество.

- И убил собственного отца, - пробормотал Малюня.

- Не думай об этом! - вскричали хором Билли и Старик, после чего заговорил один старый коробейник. - Посмотри на нас. Люди вот этого мерзавца Билли уколошили и ограбили меня и моих людей. Но теперь, после телесной жизни, мы сидим в обнимку и пьем из одной бутылки. Почему? Потому что мы - ЛЮДИ, мы ПОНИМАЕМ ДРУГ ДРУГА. Мог бы ты сидеть в обнимку с синим пятиглазым? Конечно, нет. И со своим несчастным отцом уже не мог бы, потому что они сделали его - синим.

- Так устроен мир, сынок, - вмешался Билли. - Свои всегда враждуют между собой, а против чужих - объединяются. И после смерти вместе выпивают... Ну-ка, ты не забыл, как я умер?

О нет, конечно, Биг Бой не забыл, как умер Билли Голдинг. Хромой пират погиб в страшном первом бою с синими, которые пытались взять на бордаж "Эсмеральду". Земляне потеряли тогда половину экипажа и насили ушли на горящем корабле, "Эсмеральда" выглядела столь плачевно, что синие, тоже порядком потрепанные, не стали её преследовать. Эта ошибка и стоила им нынешнего полного разгрома.

- Я, помнишь, тогда изрядно синеньких накрошил, - продолжал Билли. - А они достали меня, что поделаешь. Но ни с одним из них, сынок, я даже не встретился после смерти. А если бы и встретился? Думаешь, с ними можно так же вот сидеть?

Малюне стало невыносимо грустно.

- Значит, - сказал он, - жестокость человеческая отличается от жестокости нечеловеческой только тем, что после смерти она проходит?

- А это немало! - важно заметил Билли. - Это говорит о том, что душа человеческая добра, а жестоко только тело.

- Так неужели же нельзя сделать добрым всего человека, пока его душа ещё в теле?

- О-о-о! - протянули души корабейника и пирата и переглянулись. - Ты очень умён, сынок, - продолжал Билли. - Я не ошибся в тебе и горжусь этим... Да, ты прав, это можно. Только для этого душа вместе с телом должна познать предательство, обман, рабство, убийство, раскаяние, и если ни в одном из этих испытаний человек не погибнет, из него может получиться как раз то, чего ты хочешь.

- Иного нет у нас пути, - подтвердил старый корабейник, и они с Билли засмеялись чему-то, о чём Малюне, наверно, знать не полагалось.

Так, смеясь, души двух негодяев и растворились во тьме.

Второй сон кончился, и к спящему командиру "Барракуды" явился кунг.

- Ну, голубок, понравились тебе сны?

- Это что же, так и будет на самом деле? - спросил Биг Бой.

- Считаю, что всё уже так и было, - ответил кунг. - А теперь прощай. Мне пора.

Эпилог.

Стратег рыбачил с женой и сыном на своей лодке посреди океана.

Он не боялся водного пространства, как раньше не боялся Космоса. Он уже давно научился определять своё место с помощью секстанта, а управлять парусом умел с детства.

Но сейчас парус был не нужен. Погода стояла тихая, спешить было некуда, рыба ловилась хорошо.

Стратег снял с крючка второго тунца и сказал жене:

- Хватит на ужин. Ты их пожарь в масле, а я пока проверю, как Малыш освоил прибор.

Он перебрался на нос, где сынишка, серьёзный человек лет девяти, ловил Солнце зеркалом секстанта.

- Штурман! - сказал отец капитанским голосом. - Место корабля?

Малыш ещё несколько секунд смотрел в окуляр, потом аккуратно сделал запись в блокноте и доложил широту и долготу места с точностью до секунд.

- Проверимся? - отец переключил радиомаяк в режим автопоиска, и система спутниковой навигации немедленно высветила на цифровом табло их широту и долготу, - а на экране-глобусе яркой точкой обозначила место лодки в океане. Цифры на табло совпали с цифрами в блокноте. Малыш покраснел от удовольствия.

- Молодец! - похвалил капитан. - В океане уже не пропадешь. Помоги теперь маме разделявать рыбу.

Сын удалился на корму, а отец переключил радиомаяк в режим спутниковой связи и набрал номер своего домашнего телефона.

- Это ты, сынок? - услышал он женский голос. - Мы с бабушкой беспокоимся: дед уже начал косить сено, а вы где-то гуляете. Как там Малыш?

- Завтра в обед за нами прилетят, - сообщил сын. - Малыш научился управлять лодкой и ловить рыбу. Сейчас они её жарят. Не скучайте, завтра к вечеру будем дома, успею покосить. Привет бабушке и деду.

Потом он связался с турбазой и подтвердил своё намерение закончить рыбалку завтра в обед.

Потом они ужинали и любовались закатом.

Потом на небе проступили звёзды, и он показывал жене и сыну, в каких местах Космоса ему случилось побывать.

- А что ты там делал? - спросил сын.

- Воевал.

- Что значит - "воевал"?

Стратег задумался. Как объяснить ребёнку слово, которого давно нет на Земле? Не стоило бы его и произносить, да уж коль сорвалось...

Мать смотрела на отца и сына с тревогой. Она-то хорошо помнила и "Барракуду", где ещё девчонкой следила за каждым шагом командора, и страшные последние бои, где даже детям пришлось стрелять в синих, и возвращение на Землю, когда Биг Бой, уже в звании Стратега, вдруг решил уйти из военных и позвал её с собой.

- Дело было так, - начал отец. - Там, в Космосе, жили дикие звери. Не такие, как на Земле, а

очень, очень злые. Всех нас хотели съесть. А мы их прогнали. Вот это и была война.

Малыш немного подумал и заявил:

- Война... Воевать... Это интересно.

Глаза матери в волнении заметались, но отец был спокоен.

- Это, сынок, интересно только со стороны. Ведь той рыбе, которую ты съел, совсем не интересна была рыбалка.

Малыш посмотрел на него внимательно, потом перевёл взгляд на воду, потом поднял глаза к звёздам и надолго замолчал.

Родители успокоенно переглянулись: ребёнок задумался, значит становится умнее.

А Малыш представлял себе ужасных космических зверей. Ах, как было бы интересно с ними сразиться! Он бы, он бы... Малыш представлял в своих руках что-нибудь такое, из чего можно пустить длинную струю огня. А ещё лучше согнуть палку, привязать к её концам крепкий шнурок, наложить на шнурок длинную щепку - тогда каждого зверя можно пробить насквозь!..

Малыш задремал под звёздами, убаюканный качанием океана, и в это время кто-то прозрачный и пушистый, ростом не больше детской ладошки, выбрался из лодочного борта, сел у самого уха на банку и заговорил тихим голосом, подобным лёгкому дыханию:

"Не спеши, голубок. Жизнь впереди большая, трудностей много, опасностей хватает. Спи, пока не мешают. А я тебе сказку присню".

"Что же ты мне приснишь?" - подумал Малыш.

"Я расскажу тебе про мальчика. Такого же, как ты. Про то, как он искал своего папу".

"Это неинтересно, - подумал Малыш. - Давай лучше про космических зверей".

"Хорошо, - согласился кунг. - Можно и про зверей".

Он незаметно подмигнул кому-то при свете звёзд и начал сказку...

Ещё несколько слов.

То, что вы здесь прочли, до сих пор было мало кому известно. Этот период жизни Олега Ольгина, сначала Командора, потом Стратега и наконец Миротворца, историки именуют "пиратским" и потому стараются обойти молчанием. Впрочем, и вся дальнейшая жизнь Ольгина, о которой написано будто бы достаточно, на самом деле содержит ещё много неизвестного. Когда-нибудь, возможно ...

Обитаемый Мир имеет право знать о своих героях всё.

ОГЛАВЛЕНИЕ	Стр.
1. Где папа?	1
2. Фантазёр	1
3. Сны с кунгами	2
4. Где война?	3
5. Побег	4
6. Начало скитаний	5
7. «Язык» и предатель	7
8. Добрый человек	9
9. Недоверие	11
10. Опять предательство	12
11. Невольник и наставник	15
12. Бой	17
13. Снова юнга	20
14. Честь	22
15. Акулы всюду	25
16. Спасение	28
17. Три «Б»	31
18. Странное побоище, жуткое оружие	33
19. Тайна	37
20. Глава короткая и скучная	40
21. Солдаты Фортуны	41
22. Полное доверие	42
23. Старый знакомый	45
24. Я – пират!	48
25. Акулы Пространства	49
26. Убей синего	52
27. Сны командора	53
ЭПИЛОГ	55